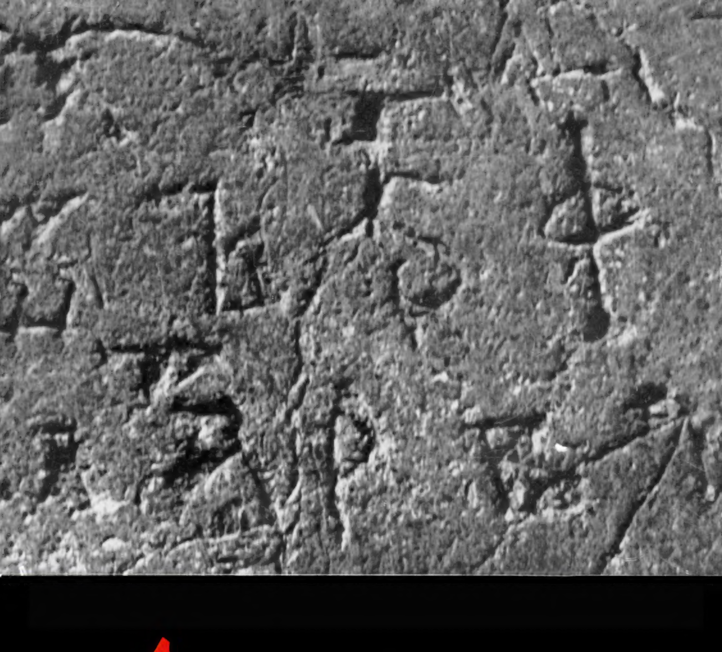

Древнерусские надписи Софии Киевской

С. А. Высоцкий

Выпуск I

«НАУКОВА ДУМКА» КИЕВ — 1966

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН УССР
П. Н. ПОПОВ

На фронтисписе:
Софийский собор в г. Киеве (1037 г.)
Гуашь худ. Ю. Химича

ХАРЬКОВСКАЯ КНИЖНАЯ ФАБРИКА им. ФРУНЗЕ

1—6—2
50—65

ВВЕДЕНИЕ

Среди архитектурных памятников домонгольского времени, свидетельствующих о высокой многовековой культуре нашей Родины, одно из первых мест принадлежит Софийскому собору в Киеве, построенному в 1037 г. князем Ярославом Владимировичем Мудрым.

София Киевская с ее широко известными мозаиками и фресками по праву входит в сокровищницу мирового искусства наряду с такими сооружениями и монументальными живописными ансамблями, как Палатинская капелла в Палермо (Сицилия), Равеннские мозаики (Италия), храм Сан-Марко в Венеции, храм Дафни возле Афин в Греции и др., поэтому изучение Софийского собора имеет большое значение не только для отечественной, но и для мировой культуры.

Исследование Софии Киевской, отразившей лучшие художественные традиции времени Ярослава, дает богатый материал для изучения архитектуры, монументально-декоративного искусства, строительной техники, связанных с культурой Киевской Руси. В последнее время исследование Софии Киевской, продолжающееся уже около 150 лет, все больше детализируется и конкретизируется. К таким работам относится и настоящее изучение древнерусских граффити.

* * *

Во время археологических работ, проводившихся в прошлом и настоящем столетиях в различных местах Малой Азии, Египта, Италии, Франции, а на территории нашей страны в античных городах Северного Причер-

поморья, археологами были обнаружены на керамических сосудах, архитектурных деталях и стенах построек довольно многочисленные неофициальные надписи и рисунки, получившие в науке итальянское название «graffiti».

Изучение граффити представляет большой лингвистический интерес и очень важно для палеографии, эпиграфики, а также для истории культуры вообще.

Обследование древнерусских архитектурных памятников домонгольского периода показало, что на стенах многих сооружений также имеются разнообразные древние надписи и рисунки, нацарапанные некогда посетителями. Долгое время о существовании древнерусских граффити было известно лишь по случайным отрывочным сведениям и упоминаниям искусствоведов, архитекторов, историков и любителей старины.

Одно из первых сообщений о древнерусских граффити содержится в книге Н. Закревского[1], где рассмотрены некоторые надписи, начертанные на стенах так называемых Зверинецких пещер в Киеве. Позже об этих же граффити писали А. Д. Эртель и И. Каманин[2]. О надписях на руинах Георгиевской церкви в Старой Ладоге упоминает Н. Е. Брандербург[3] В 80-х годах XIX в. во время реставрации живописи Кирилловской церкви в Киеве, проводившейся под руководством А. В. Прахова, также были обнаружены древнерусские граффити[4].

Петербургский палеограф А. И. Шляпкин среди памятников вещевой палеографии упоминает ряд надписей, открытых им и И. И. Срезневским в Новгороде. Эти граффити, часть которых была датирована, намечалось издать в «Собрании русских вещевых надписей», но, к сожалению, сборник так и не увидел свет[5].

Впервые частичное исследование древнерусских граффити было произведено в 1902 г. известным палеографом В. Н. Щепкиным на материале

---

[1] *Н. Закревский*, Описание Киева, т. 1, М., 1868.

[2] *А. Д. Эртель*, Древние пещеры на Зверинце в Киеве, К., 1913; *И. Каманин*, Зверинецкие пещеры в Киеве, К., 1914.

[3] *Н. Е. Брандербург*, Старая Ладога, СПб., 1896, стр. 233, прим. 2.

[4] *А. В. Прахов*, Киевские памятники византийско-русского искусства, «Древности», Труды Московского археологического общества, т. XI, вып. 3, стр. 10.

[5] *А. И. Шляпкин*, Палеография. Лекции, читанные в С.-Петербургском архитектурном институте, СПб., 1905, стр. 10—12.

Софии Новгородской [6]. Автор рассмотрел 40 древних надписей, случайно обнаруженных во время работ по ремонту фундамента здания. Описанные Щепкиным граффити не отражали всего разнообразия тематики настенных надписей, среди них не было встречено надписей исторического содержания, и все же, даже как эпиграфический и палеографический источник, издание, осуществленное Щепкиным, привлекло внимание научной общественности. Несмотря на это удачное начинание, изучение граффити велось в дореволюционное время довольно вяло. Отсутствие настоящего интереса к исследованию граффити архитектурных памятников объяснялось, вероятно, большой трудностью их разыскания под слоями позднейшей масляной живописи и шпаклевки в условиях действующих церквей.

Вполне понятно, какой большой интерес для изучения древних граффити представляет Софийский собор в Киеве, в котором на протяжении веков бывали представители всех слоев киевского общества и где поэтому можно предполагать наличие особо интересных и разнообразных по содержанию надписей.

Первая попытка изучения граффити Софии Киевской была сделана в 20—30-х гг. настоящего столетия. Из специалистов-палеографов этого времени, занимавшихся изучением граффити, следует назвать тогдашнего заведующего Отделом письма и печати Лаврского музея-заповедника в Киеве проф. П. Н. Попова [7].

В 1934 г. Софийский собор вошел в Государственный архитектурно-исторический заповедник «Софийский музей». С этого времени открылись большие возможности для всестороннего исследования памятника, а с началом в 1935 г. реставрационных работ по расчистке из-под позднейшей живописи древних фресок (и, тем самым, первоначальной штукатурки) появились реальные условия для изучения софийских граффити В период с 1935 по 1940 гг. была произведена, одновременно с работами в других частях собора, реставрация в Михайловском и Георгиевском приделах, где академиком Б. А. Рыбаковым в послевоенное время

[6] *В. Н. Щепкин*, Новгородские надписи «graffiti», «Древности», Труды Московского Археологического общества, т. XIX, вып. III, 1905, стр. 35.

[7] *О. І. Білецький*, *Ф. Я. Шолом*, П. М. Попов (До 70-річчя з дня народження 50-річчя науково-педагогічної та громадської діяльності), «Радянське літературознавство», 1960, № 6, стр. 67, 72; газ. «Комуніст», К., 1935, 29 листопада, № 274.

были обнаружены интересные надписи, опубликованные в 1947 году[8]. В числе изданных граффити привлекает внимание ряд надписей с упоминанием видных исторических деятелей древней Руси: Василия-Владимира Мономаха (1113—1125 гг.), Мартирия, архиепископа Новгородского (1192—1199 гг.), выполненные на очень высоком уровне письменной культуры.

Дальнейшие находки и изучение граффити Софийского собора в Киеве стали возможны благодаря реставрации фресковой живописи в 1954—1963 гг., во время которой была полностью открыта из-под масляных красок уцелевшая древняя штукатурка во всех остальных частях здания. Открытие больших участков первоначальной штукатурки, наличие высококвалифицированных реставрационных кадров позволили автору настоящей работы в 1959—1963 гг. предпринять новое исследование софийских граффити. Его задача состояла в выявлении, расшифровке, фиксации и издании древнерусских граффити Софии Киевской XI—XIV вв.

В последнее время открыты граффити при изучении других архитектурных памятников. Так, Б. А. Рыбаков сообщил о находках граффити в Звенигородском Успенском соборе и на стенах церкви Михаила Выдубецкого монастыря в Киеве[9] М. К. Каргер опубликовал фотографии граффити на фрагментах фресковой штукатурки, обнаруженной им во время раскопок руин храма на подворье Художественного института, а также на кирпичах от гридницы и Десятинной церкви в Киеве[10] Н. Н. Воронин упомянул граффити, сохранившиеся на стенах церкви в Кидекше, в Спасопреображенском соборе Переяславля-Залесского, на Золотых воротах во Владимире и на стенах Боголюбского замка[11].

Было сделано ряд предварительных публикаций по материалам исследования граффити Софии Киевской в 1959—1963 гг.[12]

---

[8] *Б. О. Рибаков*, Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, «Археологія», т. I, К., 1947, стр. 53.

[9] *Б. О. Рибаков*, указ. соч. стр. 54, прим. 4; стр. 56, прим. 8.

[10] *М. К. Каргер*, Археологические исследования древнего Киева, К., 1950, стр. 226, рис. 164; *его же*, Древний Киев, т. I, М. — Л., 1961, стр. 456, рис. 164.

[11] *Н. Н. Воронин*, Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I, М., 1961, стр. 75, 88, 140, 227; рис. 16, 24, 104, 155.

[12] *С. А. Высоцкий*, Граффито XI в. в Софии Киевской, СА, 1959, № 1; *его же*, Датированные граффити XI в. в Софии Киевской, «Советская археология», 1959,

Методика изучения граффити еще не выработана и во многом зависит от конкретных условий исследования, которые определяются главным образом степенью сохранности сооружения, наличием первичной штукатурки на уровне роста человека и возможностью доступа к ней.

В Софии Киевской основным препятствием при изучении граффити являлось наличие масляной живописи и шпаклевки XVIII—XIX вв., сплошь покрывавшей внутренние стены здания. В ходе так называемых «поновлений» собора, особенно в XIX в., фресковая живопись была много раз прописана масляными красками, древние надписи при этом, по-видимому, часто рассматривались как простые царапины и тщательно шпаклевались, поэтому выявление граффити, их расшифровка и анализ тесно связаны с реставрацией фресок, при которой открывается первоначальная штукатурка.

В ходе исследования граффити Софии Киевской работы велись в таком порядке: 1) обследование стен и выявление надписей; 2) удаление масляной живописи и шпаклевки XIX в.; 3) чтение и датировка текста; 4) фотофиксация и изготовление прорисей.

Реставрация фресковой живописи, которая велась с 1935 года на протяжении многих лет, дала возможность начиная с 1958 г. обследовать огромные площади открытой штукатурки. Тщательному осмотру были подвергнуты стены всех помещений собора на первом и втором этажах, в первую очередь центральный неф, главный алтарь, приделы: Петра и Павла, Иоакима и Анны, Георгиевский и Михайловский, крещальня, южная, северная и западная галереи, хоры.

Обследование стен производилось при помощи боковой подсветки зеркальными электролампами с целью выявления рельефа нацарапанных граффити.

Осмотру подвергались не только открытые реставраторами участки древней штукатурки, но и стены в тех местах, где фрески были еще

№ 4; *его же*, Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича, «История СССР», 1960, № 6; *его же*, Древнерусские граффити Софии Киевской, «Нумизматика и эпиграфика», т. III, М., 1962; *его же*, Надпись о саркофаге Всеволода Ярославича, «Советская археология», 1963, № 4; *Б. А. Рыбаков*, Запись о смерти Ярослава Мудрого, «Советская археология», 1959, № 4, стр. 245—249; *его же*, Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи), Доклад на V международном съезде славистов, в кн. «История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963, стр. 34—71.

скрыты под слоями позднейшей живописи, что в некоторых случаях дало возможность обнаружить рельеф граффити под масляными красками. Так, например, было открыто интереснейшее граффито «мир на Желяни». Разумеется, без проведения реставрации фресковой живописи в соборе изучение надписей было бы очень затруднено, не могло бы быть и речи о выявлении большинства граффити.

Удаление фрагментов шпаклевки XIX в. с надписей и рисунков, затруднявших чтение, расшифровку и фотофиксацию граффити, было выполнено художниками-реставраторами А. Ф. Ерко и Е. С. Мамалат, сотрудниками лаборатории реставрации Института теории и истории архитектуры Академии строительства и архитектуры УССР, имеющими большой опыт реставрации фресок Софии Киевской.

При изучении граффити наиболее трудоемкими работами были расшифровка и датировка текстов. Расшифровка, как правило, осложнялась недостаточно хорошей сохранностью граффити. Часто отдельные буквы, слова, а то и целые строки не читались и, в лучшем случае, могли быть восстановлены только по общему смыслу надписи. Чтение граффити затруднялось многочисленными царапинами, выпадами или выбоинами и потертостями штукатурки стен. Несмотря на эти трудности, удалось прочесть большинство надписей.

Фотофиксация надписей и изготовление прорисей, как и вообще методика изучения граффити, не имеют каких-либо определенных приемов. Каждый исследователь применял метод, казавшийся ему наиболее приемлемым в конкретных условиях. Например, при изучении граффити Софии Новгородской В. Н. Щепкин оттискивал их на специальную мастику, рецепт которой не указан. По-видимому, по составу она была близка современным пластилинам. Размягченная пластинка прижималась к стене с надписью и, таким образом, получался обратный оттиск (негатив), который затем фотографировался при соответствующем боковом освещении. Недостатком метода, примененного В. Н. Щепкиным, является необходимость механического воздействия на граффити, что может привести к нежелательным повреждениям древних надписей. Кроме того, очень трудно получить их точные копии, ввиду так называемых «оттяжек», которые неизбежно возникают при этом, искажая начертания граффити. К тому же оттиски на мастике или пластилине непрочны, легко повреждаются и не могут сохраняться длительное время.

Другой метод фиксации надписей был применен Б. А. Рыбаковым Лист кальки или папиросной бумаги накладывался на стену с надписью и заштриховывался карандашом. Полученные контуры заливались тушью или перебивались на другой лист бумаги и наводились тушью. Этот довольно удобный и простой метод не исключает необходимости делать фотофиксацию граффити, что усложняет процесс их обработки. Кроме того, в местах, где надписи имеют слабый рельеф, трудно получить хорошие результаты с помощью такого метода.

В ходе изучения граффити Софии Киевской были испытаны оба вышеизложенных метода, кроме того, была сделана малоуспешная попытка применить метод эстампажей. Лучшие результаты были получены с помощью следующего способа, применявшегося нами на протяжении всего времени исследования граффити Софии Киевской. Обнаруженные древние граффити фотографировались аппаратом 13 × 18 *см* при боковом скользящем освещении, что позволяло выявить даже незначительный рельеф надписей. В поле съемки при фотографировании включалась масштабная линейка длиной 3 *см*. С полученных негативов при необходимости производились увеличения до натуральной величины, ориентиром при этом служила масштабная линейка. Помимо обычных отпечатков на глянцевой бумаге, отпечатки делались и на матовой бумаге. затем прорисовывались карандашом, отбеливались и наводились тушью. Таким образом получали как фотографию, так и точную копию надписи (прорись), последнюю без случайных посторонних царапин и изъянов, затрудняющих чтение текстов. Этим способом были изготовлены фото и прориси для всех рассматриваемых надписей и некоторых рисунков.

Необходимо отметить, что при подсветке надписей боковым светом их рельеф освещается только наполовину, другая сторона остается затемненной, поэтому на фото линии граффити кажутся тонкими и сухими, в то время как на прорисях они более грубые и массивные. Это объясняется тем, что при изготовлении прорисей обводится полный контур букв, т. е. и освещенные, и затемненные части линий, а при рассматривании фото привлекают внимание, в первую очередь, только освещенные части букв.

Тематика и содержание граффити Софийского собора весьма разнообразны, но в большинстве случаев определялись временем и местом их написания. В средневековье, как известно, все сферы общественной жизни

находились под сильнейшим влиянием христианства. «Средние века,— писал Ф. Энгельс, — присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию» [13] Вполне понятно поэтому, что многие надписи XI—XIV вв., сделанные к тому же в культовом здании — соборе, написаны в соответствии с определенными каноническими формулами и образцами. Но среди них встречены и граффити, отступающие от средневековых норм, которые знакомят нас не только с малоизвестным языком киевлян того времени, но и с историческими лицами и событиями, известными по летописям.

Рассматриваемые в настоящей работе древнерусские граффити XI—XIV вв. по содержанию можно разбить на следующие основные группы:

1) надписи, содержащие сведения о военно-политической истории древней Руси, и прочие памятные граффити;

2) поминальные надписи, близкие летописным;

3) благопожелательные надписи;

4) автографические надписи;

5) надписи, относящиеся к фрескам;

6) символические рисунки;

7) бытовые рисунки.

В отдельных случаях, если надписи сделаны одним и тем же автором или взаимосвязаны иначе, что вызывает необходимость их совместного рассмотрения, они помещаются только в одной из тематических групп, хотя по содержанию могут относиться к разным группам. Так, например, надписи: «Писал Ставр Городятинич» и «Господи помози Ставрови... в которых упоминается одно и то же историческое лицо, отнесены к памятным записям, несмотря на то, что последняя запись явно содержит просьбу.

Совершенно исключительное место среди открытых граффити занимают надписи, говорящие об известных исторических лицах и событиях, упоминаемых в летописи. К ним относятся граффити о смерти Ярослава Мудрого, о княжении Святослава Ярославича, о смерти епископа Луки Белогородского, о саркофаге («раке») Андрея-Всеволода Ярославича, о мире на Желяни, о супруге Изяслава Ярославича—Олисаве, о Бояновой земле, автограф Михаила-Святополка Изяславича и др.

---

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 21, стр. 314.

Среди Софийских граффити встречено ряд записей, содержащих прямые датировки, самые ранние из которых относятся к 1042, 1046 и 1052 гг. а наиболее поздняя (в пределах XI—XIV вв.) — к 1285 г.

Открытие надписей как с датами, так и датируемых косвенно по упоминающимся в них событиям, позволило составить палеографическую таблицу Софийских граффити XI—XIV вв. из точно датируемых начертаний букв.

Несомненно, что обнаруженные софийские граффити представляют большой интерес для изучения политической истории и культуры Киевской Руси. В настоящей работе, помимо введения в научный оборот новых материалов, автор стремился показать на примере исследования граффити Софийского собора в Киеве научное значение этих эпиграфических памятников, представляющих исторический источник первостепенной важности.

Граффити Софии Киевской, наряду со знаменитыми новгородскими берестяными грамотами и надписями на орудиях труда и быта, являются неопровержимыми документами, свидетельствующими о большом распространении грамотности среди народных масс; тем самым опровергаются утверждения буржуазной историографии о том, что единственными носителями письменной культуры древней Руси были духовенство и феодальная знать.

* * *

Обширность полученного материала вызвала необходимость в первую очередь ограничиться публикацией древнерусских граффити XI—XIV вв. большая часть которых издается впервые.

В книге надписи и рисунки разделены на несколько хронологических групп: XI, XII и XIII—XIV вв. Каждая группа, в свою очередь, разбита на ряд тематических подгрупп. в зависимости от содержания.

Публикуемые граффити снабжены цифровой нумерацией (1—98), которой соответствуют номера на планах I и II этажей собора. Номера на планах проставлены в соответствии с расположением граффити в соборе.

При исследовании софийских граффити главное внимание было уделено расшифровке текстов, их историческим комментариям, определению и датировке надписей. В задачи настоящего исследования не входили специальные вопросы языкового анализа записей, которых мы касались

лишь в отдельных случаях, вызванных необходимостью уточнения датировок.

Во время изучения граффити Киевской Софии автору была оказана систематическая помощь академиком АН СССР Б. А. Рыбаковым, что способствовало изданию нашей книги.

Немало содействовал подготовке настоящего издания член-корреспондент АН УССР П. Н. Попов.

Важное значение в работе автора имела помощь со стороны сотрудников Софийского музея Н. И. Кресального, А. Д. Радченка, И Ф. Тоцкой, Л. Д. Жеваженко, А. С. Селиванова, а также научных сотрудников Института теории и истории архитектуры в г. Киеве Г. Н. Логвина и Ю. С. Асеева.

Ответственные работы по фотографированию граффити были выполнены фотографом М. С. Сопоцько. Прориси и значительная часть фоторабот были сделаны автором.

В дальнейшем автор намеревается подготовить к изданию следующий выпуск софийских граффити XIV—XVII вв., включив в него все остальные древнерусские, украинские, греческие надписи.

Мы надеемся, что издание граффити Киевской Софии послужит делу изучения истоков культуры нашей страны, привлечет внимание научной общественности к этому новому историческому источнику.

ГЛАВА I

ГРАФФИТИ XI в.

НАДПИСИ, СОДЕРЖАЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ, И ПРОЧИЕ ПАМЯТНЫЕ ГРАФФИТИ. Среди граффити Софийского собора XI в. в первую очередь можно выделить надписи, сделанные в память того или иного события. В самом простейшем виде — это имена посетивших собор лиц.

Среди памятных граффити наибольший интерес представляют надписи, близкие к летописным текстам, отмечающие различные события военно-политической истории Древней Руси.

1. *Запись 1042 г. (?) (табл. I, 1; II, 1).*

К самым ранним из обнаруженных в Софийском соборе граффити принадлежит дата без сопроводительного текста, открытая на южной алтарной стене Георгиевского придела на высоте 1 *м* от уровня пола XI в. Текст надписи: вълто н̄ ѕ҃ ф҃ лое Слово «лето» написано с сокращением, под титлом. Дата записи выглядит несколько необычно: буква н̄, обозначающая десятки (50), поставлена впереди буквы тысяч — ѕ҃ (6000) и буквы сотен — ф҃ (500). Е. Ф. Карский указывает на подобное редкое написание, но не десятков, а единиц впереди тысяч, которое встречается в приписке к библии XV в. лѣтааго по сємн т з і с у ѱ а[1] Правее буквы ф҃, несколько выше уровня строки, читаются буквы ЛОЄ или ТОЄ, а ниже их начало другой надписи, сделанной другим почерком и начинающейся словом г҃н (господи).

Вряд ли буквы Л и Є обозначают 35 (Л̄—30, а Є̄—5), так как тогда вынос части десятков

[1] *Е. Ф. Карский*, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 218.

(N̄) на первое место и написание ее сразу же вслед за словами «В лето... теряет всякий смысл. Буква N̄, вынесенная вперед, представляет цифровое обозначение 50 лет, а буквы ЛОЄ или ТОЄ являются окончанием слова «пятисотлое». Буква Л или Т попала под титло, относящееся к Ф̄. Черточка над Є, по-видимому, является простой царапиной. В целом дата может читаться как 6550 г. или 1042 г. н. э.

2. *Запись 1046 г. (?) (табл. I, 2; II, 2).*

В Георгиевском приделе, рядом предыдущей, была найдена еще одна дата также без сопровождающего текста. Надпись расположена на высоте 1,2 *м* от уровня пола XI в. Ее текст:

҂Ѕ̄ Ф̄ М̄ІД̄

Запись очень лаконична, в ней отсутствует даже обычная формула «В лето... вводящая, как правило, дату. Вслед за буквой ҂Ѕ с цифровым значением 6000 читаются Ф̄ (500) и М̄ (40), не совсем обычно дальнейшее написание, в котором наряду полагающимися в этом месте, согласно правилам древнерусского письма, единицами Д̄ (4) повторены опять десятки в виде десятиричного Ī (10). Подобное написание могло быть вызвано тем, что автор записи забыл, какая буква обозначает 50, и поэтому составил ее из хорошо известных на Руси букв: М̄ (с числовым значением 40 [2]) и десятиричного Ī в сочетании с Д̄. Граффито в целом читается как 6554, или, в переводе на современное летоисчисление, 1046 г.

3. *Запись 1052 г. 3-го марта* [3] *(табл III, 1; IV 1).*

Граффито расположено в центральном нефе собора, на третьем от алтаря южном крещатом столбе, ниже фрески, изображающей Пантелеймона, на высоте 1,15 *м* от уровня древнего пола XI в.

Запись содержит семь строк, но вполне определенно читаются только первые две и шестая, буквы остальных строк повреждены нанесенным

---

[2] Эта буква, несомненно, хорошо была известна на Руси в связи с праздником «40 мучеников». В крещальне Софийского собора на композиции «40 севастийских мучеников» встречены многочисленные нацарапанные повторения этой цифры.

[3] *С. А. Высоцкий*, Датированные граффити XI в. в Софии Киевской, стр. 243, 244.

позднее рисунком, который процарапан прямо по надписи. Текст ее [3a]:

ВЪ ЅФЗ
МАРВЪГ
РОЗЪГРЪ(МЕ)
ВЪѲ ЧДНЕ
БѢЖЕВЪМ
СТГОМУКА
ЄУТРОПНА

В первых двух строках ясно читается дата: «в лето 6560 марта в 3», т. е. 1052 г., 3 марта. Надпись сделана в самом начале 1052 г., в третий день нового года [4].

В третьей строке надписи неясно значение слова «розгромле» (?), не вошедшего в существующие древнерусские словари.

Далее, в четвертой строке, вслед за ѳ с числовым значением 9, стоит Ч перекрытое сверху значком в виде треугольника, над которым находится черточка, возможно титло, а может, и простая царапина, относящаяся к рисунку, сделанному по нашей надписи.

Граффито читается следующим образом: «В лето 6560 (1052) марта в 3-е розгромле (?), в 9-й (час) дня. Было же то в 40-го святого мученика Евтропия». Действительно, на 9 марта приходился популярный в древней Руси праздник «40 севастийских мучеников» или просто «40 мучеников», а на 3 марта день памяти Евтропия. Здесь говорится о событии, названном словом «розгромле»; по-видимому, имеется в виду какой-то разгром, разорение. Оно происходило в начале 1052 г. во вторник 3 марта[5] в 9 часов утра.

В 1051 г. начало великого поста совпало с началом нового, мартовского года. В этом году пасха была 19 апреля[6], первое марта с 19 апреля разделяли 49 суток, т. е. 7 недель, а как раз за 7 недель

[3a] Буквы, взятые в текстах в скобки, добавлены автором по смыслу с учетом уцелевших фрагментов.

[4] Предполагаем, что в граффито летоисчисление ведется по мартовскому стилю, которого придерживалась летопись вплоть до второго десятилетия XII в. См. *Н. Г. Бережков*, Хронология русского летописания, М., 1963, стр. 16.

[5] *Л. В. Черепнин*, Русская хронология, М., 1944, стр. 43—47.

[6] *Там же*, стр. 58, таблица XV.

до пасхи начинался великий пост. Действие, указанное в надписи, происходило, в основном, в первую неделю великого поста — в так называемую Федорову неделю.

4. *Запись о «раке» — саркофаге Всеволода Ярославича*[7] *(табл. V, VI).*

Граффито расположено в центральном нефе собора, на втором от алтаря южном крещатом столбе, на высоте 1,45 *м* от пола XI в. Текст его:

ВЪ
ВЪВЕЛНКЪІНЧЕТВЬРГ
[Р]АКАПОЛОЖЕNАБЬІСТЬ
-Т-АNЪДРЕѦРОУСЪСКЬІН
КЪNѦЗЬБЛАГЪІНАДЪМН
ТРЪЧЛЪОТРОУЧЬКАЕГОМЦѦ
АПРНЛ[Ѧ]ВЪ ІДАБЕСЕ
БРЛЪП ОБЕ

Запись прочерчена глубокой линией по фресковой штукатурке XI в. Отдельные буквы граффито утрачены из-за повреждений, царапин и выбоин штукатурки, однако их чтение почти полностью восстанавливается по сохранившимся фрагментам и по смыслу надписи в целом. Из-за обвала древней штукатурки седьмая строка надписи сохранилась частично.

В начале первой строки легко определяется первая буква **В** и стоящая за ней Ъ. Несколько выше над ними видны следы этих же двух букв — свидетельство того, что надпись была начата в этом месте, а затем опущена ниже.

Следующая, вторая строка начинается каким-то словом из четырех букв, в котором хорошо читаются только **К** и **А**. Первая буква его, испорченное **Р**, угадывается по невысокой вертикальной мачте с примыкающей к ней справа треугольной петлей. Такое же маленькое **Р** наблюдается в словах «четверг» (первая строка), «Дмитр» и «отрочька» (пятая строка). Это как раз то начертание, о котором В. Н. Щепкин писал: ...первоначальная кирилица, не дошедшая до нас, имела букву **Р** с очень маленькой головкой в виде полукруга вверху, прильнувшего к прямой спинке»[8]

[7] *С. А. Высоцкий*, Запись о саркофаге Всеволода Ярославича, стр. 228—231.

[8] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, М., 1920, стр. 97.

Рис. 1. София Киевская. Интерьер Центрального нефа.
Расположение граффити:
1 — о смерти Ярослава Мудрого; 2—о саркофаге Всеволода Ярославича;
3—о поставлении владыки.

В целом первое слово второй строки читается как «рака», т. е. гробница, саркофаг, гроб. Последняя буква его **А**, что подтверждается также родовым согласованием слова «рака» со словом «положена».

Третья строка граффито начинается из трех букв, имеющих очень плохую сохранность; наиболее ясна средняя буква — **Т**.

Четвертая строка открывается словом «кънязь».

В начале пятой строки, после перенесенного сюда окончания слова «Дмитр», идет короткое, состоящее из трех букв слово с окончанием на ʌѣ. Первая буква его сохранилась фрагментарно и является испорченным ѱ (пси). Все слово поэтому читается как ѱ҃ʌѣ — писал. Вряд ли здесь можно предположить какое-нибудь другое слово, состоящее из такого же количества букв, с окончанием на «ʌѣ» и буквой в начале, соответствующей по начертанию уцелевшим фрагментам. Кроме того, над ѱ имеются остатки титла.

От слова «псал» до «м҃ца» (месяца) значится: «отрочька ‿ его». Эта часть строки разделяется на слова так: «отрочька его». Правда, буква **Г** в слове «его» может быть ошибочно прочитана как **Т.** Такое чтение вряд ли приемлемо, так как оно не вяжется не только со смысловой стороной записи, но и потому, что написание буквы **Г** с горизонтальной чертой, заходящей далеко влево, представляет особенность письма автора и отличает также слово «благой».

Трудным для понимания является слово «отрочька», не встречающееся в существующих древнерусских словарях. Возможно, что оно равнозначно или близко словам «отрок» — мальчик, служитель, младший член княжеской дружины, или «отрочьник» — наследник [9].

В следующей, шестой строке читается слово «априля», т. е. апреля. Дальше под титлом находится цифровое обозначение дня. Первая буква под титлом — десятиричное **І̄**. Вторая буква очень испорчена, но по общему контуру может быть принята за **А̄** (1) или за **Д̄** (4). Вся цифра в целом читается как 11 или 14 [10]. 11 апреля не может быть принято, так как

---

[9] Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию, Ф. Миклошичу, А. Востокову, Я. Бередникову и И. Кочеткову, СПб. 1899, стр. 547.

[10] Несколько противоречит древнерусскому правописанию помещение цифры десятков (до 20) на первом месте, но подобные случаи встречены среди софийских граффити, например, в записи № 2.

само событие, о котором говорится в надписи в прошедшем времени, случилось, как мы увидим это далее, 14 апреля, и раньше этой даты запись не могла быть сделана.

Седьмая строка сохранилась частично, смысл ее не удается уловить.

Чтение рассматриваемого граффито во многом зависит от того, как понимать плохо сохранившееся начальное слово третьей строки, о котором уже шла речь выше (стоящее перед «Андрея»). Если видеть в нем «сто», приняв крайние буквы за С и О, а царапину над ними — за остатки титла, то тогда эту часть записи можно было бы прочесть так: «В великий четверг рака положена была у (церкви) святого Андрея русьского князя благого», но такое чтение нельзя считать удовлетворительным. Во-первых, следовало бы ожидать написания не просто «сто», а «у стго», т. е. «у святого Андрея», и, во-вторых, при таком чтении выпадает и остается неизвестным имя князя, о саркофаге которого идет речь. Представляется сомнительным, чтобы автор граффито упомянул день, когда была положена рака, сообщил, что она принадлежала «русьскому князю благому», наконец, указал свое имя, месяц и число записи и пропустил самое главное — имя князя. А поэтому следует считать, что слово, предположительно принятое нами за «сто», читается как-то иначе. Вероятнее всего было бы ожидать на этом месте указательное местоимение, как, например, «того», которое в искаженном виде могло быть написано как «отого» или «ото». Несомненно также, что имя «Андрея» относится к слову «рака». И действительно, исключив слово, в значении которого мы сомневаемся, получим следующее чтение надписи: «В великий четверг рака положена была... Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14».

Следовательно, в граффито говорится о раке (саркофаге) «Андрея русьского князя благого». Такое чтение подтверждается к тому же, как мы увидим далее, и многими другими признаками.

В надписи, в первую очередь, привлекает внимание то, что речь идет не о смерти князя, а о положении его раки-гробницы, т. е. о погребении. Термин «рака» в значении саркофаг, гробница широкоизвестен по летописям. Так, князя Ярослава Мудрого «...принесше положиша и́ в раце мороморяной, в церкви святое Софье»[11] или ...и принесше положиша

[11] Повесть временных лет, т. I, М. — Л., 1950, стр. 109.

тело его (Изяслава Ярославича. — *С. В.*) в церкви святыя Богородица, вложивъше и в раку мраморяну». О месте, где была положена рака Андрея, в граффито ничего не говорится, что и должно указывать на захоронение князя в Софийском соборе, где оно было начерчено.

Главной задачей автора граффито было оставить память о том, когда было совершено погребение, в связи с чем начальными словами записи являются ссылки на то, что событие произошло в «великий четверг», т. е. в четверг последней перед пасхой страстной недели.

Для датировки надписи очень важно установить, сделана ли она в тот же день, когда произошло событие (т. е. в страстной четверг), или нет. Это дало бы возможность узнать год, когда свершилось погребение князя Андрея.

В условиях средневековой Руси память о том или ином событии неразрывно связывалась с поминанием его, в церковном смысле этого слова, для чего необходимо было знать, по меньшей мере, месяц и число события. Изучение поминальных и памятных граффити Софии Киевской показывает, что они обязательно содержали упоминание о месяце, числе и самом событии (или об имени умершего, если речь шла о смерти какого-либо лица). Например: «Месяца августа в 22 преставися раб божий Лука епископ блаженный Белогородский»[12] Или: «Месяца декабря в 4-е створиша мир на Желяни Святополк, Владимир и Олег»[13] В подобных записях очень редко встречаются ссылки на год события, но месяц и число всегда обязательны, так как это дает возможность поминания независимо от количества прошедших лет. Построение записи о «раке» князя Андрея, хотя несколько и отличается от полной формы поминальных, все же позволяет заключить, что она сделана в память о происходившем погребении; поэтому ссылка на «великий четверг» без числового обозначения дня и месяца сама по себе ничего не дает для поминания этого события. В рассматриваемом граффито указывается, что оно было сделано 14 апреля, «...а Дмитр писал, отрочька его, месяца апреля в 14». Надо полагать, что погребение было совершено также 14 апреля, в противном случае, автор должен был бы указать еще и цифровое обозначение четверга как необходимый элемент поминания.

---

[12] См. граффито № 10.

[13] *С. А. Высоцкий*, Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича, стр. 139—146.

Остается выяснить, саркофаг какого именно князя Андрея был поставлен в великий четверг 14 апреля в Софийском соборе? Датирующие признаки надписи (великий четверг и 14 апреля) в сочетании с именем князя Андрея и фактом захоронения его в Софийском соборе убедительно указывают на великого Киевского князя Всеволода Ярославича, названного в граффито его крестильным именем «Андрей»[14].

Отец Всеволода, Ярослав Владимирович Мудрый, в канун своей смерти обратился к своему сыну со следующими словами: ...Егда бог отведеть тя от житья сего, да ляжеши, идеже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее...»[15] Захоронение останков Всеволода-Андрея произошло 14 апреля 1093 г. в страстной (великий) четверг: «В лето 6601 (1093), индикта I лето, преставися великый князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь, месяца априля в 13 день, а погребен бысть 14 день, недели сущи тогда страстней и дни сущю четвертку, в онь же положен бысть в гробе в велицей церькви снятыя Софья»[16].

В 1093 году пасха была 17 апреля[17], следовательно, великий или страстной четверг приходился на 14 апреля[18], как об этом говорится в рассматриваемом граффито и летописи. Таким образом, в обоих источниках речь идет об одном и том же событии — погребении Андрея-Всеволода Ярославича в Софийском соборе. М. Д. Приселков полагал, что не столько во исполнение воли Ярослава, сколько из-за того, что в последние годы своего княжения Всеволод сочувствовал делам русской церкви, он мог быть погребен в Софийском соборе[19] в отсутствие митрополита-грека.

В какой же части Софийского собора был поставлен не сохранившийся до наших дней саркофаг Всеволода? Скорее всего, это было сде-

---

[14] *Н. П. Лихачев*, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Труды музея палеографии, Л., 1928, стр. 87; *М. П. Погодин*, Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. VII, М., 1855, стр. 443—447.

[15] Повесть временных лет, т. I, стр. 142.

Там же, стр. 141—142.

Л. В. Черепнин, Русская хронология, стр. 58; *Е. И. Каменцева*, Русская хронология, М., 1960, стр. 44—53, табл. IX, XI, XII.

[18] На точность этой летописной даты обратил внимание И. И. Срезневский. См. Статьи о русских летописях (1853—1866), СПб., 1903, стр. 81.

[19] *М. Д. Приселков*, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб., 1913, стр. 283.

лано в усыпальнице, устроенной в восточной ветви северной наружной галереи собора, довольно хорошо сохранившейся до сих пор[20] Сооружение этой усыпальницы как раз и следует отнести ко времени захоронения Всеволода Ярославича в 1093 г.

Достройку к собору северной наружной галереи надо отнести к более раннему времени, учитывая, что усыпальница в 1093 г. была встроена в уже существующую галерею.

В палеографическом отношении почерк граффито не имеет полных аналогий в письменных памятниках. При сравнении нашей записи с другими граффити Софии Киевской начертания ее букв обнаруживают многие признаки XI в.: звездообразное, почти полностью симметричное Ж, Ү в виде чаши на высокой ножке, близкое по начертанию этой же букве «Изборника» Святослава 1076 г.[21] Все буквы надписи прочерчены жирными линиями, широко расположены по отношению друг к другу и снабжены ограничительными штрихами (подсечкой). Энергичный и уверенный почерк надписи, строгое соблюдение интервалов между строками выдают руку опытного писца, привыкшего владеть пером. Титулатура, употребленная автором: «руськый князь благый», указывает на его знакомство с традиционными княжескими эпитафиями и летописными выражениями, вроде «благоверный князь Михаил, зовемый Святополк» или «сий бо благоверный князь Всеволод» и т. д.

Итак, граффито сообщает об установлении раки-гробницы Всеволода Ярославича в Софийском соборе в страстной четверг 14 апреля 1093 г. Это событие поразило воображение киевлянина Дмитра и побудило его сделать памятную запись на стене центрального нефа собора.

5. *Запись о мире на Желяни*[22] *(табл. VII, 1; VIII, 1).*

При детальном обследовании стен южной внутренней галереи (придел Антония и Феодосия) справа от южного древнего входа в собор, на вы-

---

[20] Раскопки усыпальницы были произведены в 1952 г. В. Богусевичем и В. Волковым по инициативе Софийского заповедника, см. Материалы раскопок. Хранятся в фондах Софийского музея; *М. К. Каргер*, Древний Киев, т. II, М. — Л., 1961, стр. 165.

[21] *Я. И. Трусевич*, Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв., вып. 1—140, СПб. 1905, лист I, *4*.

[22] *С. А. Высоцкий*, Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича, стр. 139—146.

соте 2,15 *м* от уровня пола XI в. была обнаружена под масляной живописью XIX в. следующая запись:

МЦАДЕКЕМБРА (с титлом)
ВЪ·Д·ЄСЪТВОРИША
МИРЪНАЖЕЛАНИ
СВАТОПЪЛКВОЛО
ДИМИРЪНОЛЬГЪ

Граффито начерчено острым предметом по фресковой штукатурке уверенной, привычной к письму рукой. Сохранность его сравнительно хорошая. Сомневаться можно только в чтении одной буквы — Ъ в последнем слове «Ольгъ».

Граффито читается так: «Месяца декабря в 4-е заключили мир на Желяни Святополк, Владимир и Олег».

Поражает деловой документальный характер записи. Буквы надписи четки, геометричны, не связаны друг с другом, имеют некоторый наклон вправо. Из палеографических особенностей этого граффито можно отметить следующие: буква А имеет острую петлю, Б — симметрична, нижняя часть ее закруглена, верхняя изломана в виде острого угла. Этот тип начертания буквы Б несколько раз встречен нами в датированных граффити XI в. в Софии Киевской, например, в надписях № 3 (1052 г.) и № 4 (1093 г.). В слове «сътвориша» буква **В** входит в лигатуру ТВ, очень похожую на встречающуюся в «Изборнике» Святослава 1073 г. и Галицком Евангелии 1144 г.[23] Буква **Ж** симметрична, древнейшего звездообразного типа[24], аналогичного встреченному в граффито № 4, который достигался пересечением трех линий. Буква **Н** имеет некоторый наклон перекладины, что, возможно, получилось в результате общего наклона всех букв надписи вправо. Подобное начертание этой буквы встречено В. Н. Щепкиным среди граффити XI—XII вв. в Софии Новгородской, в связи с чем он указывает, что такая буква **Н** известна и по «Изборнику» Святослава 1073 г.[25]

[23] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист I, *3*; лист III, *27*.

[24] *А. И. Соболевский*, Славяно-русская палеография, СПб. 1908, стр. 50—51; *В. Н. Щепкин*, указ. соч., стр. 102.

[25] *В. Н. Щепкин*, Новгородские надписи graffiti, «Древности», Труды Московского Археологического общества, т. 19, вып. III, 1905, стр. 35.

Рис. 2. София Киевская. Древний южный вход.
Расположение граффити:
1 — о мире на Желяни; 2 — о приходе Святополка Изяславича.

Интересно употребление ⁊ (ер) в слове «сътвориша» после С в безудар ном первом слоге. По этому поводу Л. П. Якубинский, упоминая о выпадении глухих, считает, что, «в первую очередь, исчезли слабые глухие в первом слоге слова при отсутствии на них ударения». Далее он говорит, что уже в памятниках XII ст. при сохранении глухих (Ъ, Ь) в других случаях пишется «створи», вместо «сътвори», и делает предположение, что в слове «сътвори» Ъ выпал еще в XI в.[26] В рассматриваемой надписи, следовательно, слово «сътвориша» (с Ъ) написано очень архаично.

В надписи о мире на Желяни, наряду с древними начертаниями букв (Ж, Д, употребление ⁊), имеются и более поздние, например, Н с немного наклонной перекладиной.

Поскольку уверенная палеографическая датировка невозможна, первостепенное значение для определения хронологии граффито приобретает его содержание.

Описанные события были, безусловно, широко известны на Руси, только этим, по-видимому, и можно объяснить отсутствие в надписи полной датировки (с указанием года). Автор применил сокращенную датировку и указал только месяц (декабря) и число Д̄ (4). Такая датировка, как это мы видели на примере предыдущего граффито, характерна для поминальных надписей.

Автор не уточняет, кто такие Святополк, Владимир и Олег. В связи с этим напомним следующее замечание М. Д. Приселкова: «Легко заметить, читая изложение Повести временных лет, что летописатели, трудившиеся в разное время над составлением ее текста, в упоминании тех или других лиц княжеской дружины прибегали к пояснениям их для читателей указанием на занимаемые этими лицами должности: «кормилец и воевода» Ярослава Буды (1018 г.); «конюх Святополчь» Сновид; «овчюх Святополчь» торчин Беренди (1097 г.); воевода Святополка Путята (1097 г.) и т. п. Но иногда таких пояснений нет, что означает громкую известность данного лица в Киеве во время записи»[27].

Понятно, что это замечание Приселкова справедливо не только для летописных записей того времени, а и для граффити древних архитек-

---

[26] *Л. П. Якубинский*, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 143.
[27] *М. Д. Приселков*, История русского летописания XI—XV вв., М., 1940, стр. 20.

турных памятников. В рассматриваемой надписи речь идет о лицах, хорошо известных в Киеве в период написания граффито. Этими лицами, несомненно, были князья, и притом такие, одних имен которых было вполне достаточно для того, чтобы всякому в то время было ясно, о ком идет речь в записи. По содержанию надписи видно, что князья-современники Святополк, Владимир и Олег заключили тройственный мир на Желяни у Киева. Для определения того, какие именно князья подразумевались автором граффито, важную роль играет имя Святополка. Имена других двух князей, Владимира и Олега, из-за сравнительно большого распространения их в княжеской среде древней Руси, не могут помочь определению записи.

Имя Святополк, как это можно видеть на примере летописи, не получило большого распространения на Руси, по-видимому, из-за дурной славы Святополка Владимировича (Окаянного), убившего своих братьев Бориса и Глеба. Поэтому, в пределах XI—XII вв., кроме Святополка Владимировича, который явно не мог иметь никакого отношения к рассматриваемому граффито (он умер в 1019 г., а Софийский собор был заложен в 1037 г.), можно назвать лишь Святополка Изяславича, Святополка Мстиславича и Святополка Георгиевича.

Святополк Мстиславич упоминается в летописи под 1135, 1142, 1150—1153 гг [28]. С 1142 г. он княжил в Новгороде, а с 1150 г. — во Владимире. Святополк Мстиславич принимал активное участие в борьбе своего брата Изяслава с Юрием Владимировичем, Ольговичами и галицкими князьями. Однако, сколько-нибудь заметной роли в этих событиях Святополк Мстиславич не играл, выступая как простой пособник своего брата Изяслава. Умер Святополк Мстиславич в 1154 г., будучи князем Владимира-Волынского.

Вряд ли рассматриваемая надпись может быть связана и с именем Святополка Георгиевича, малоизвестного туровского князя. Полагаем, что предпочтение надо отдать Святополку Изяславичу, который на протяжении 20 лет (1093—1113 гг.) был великим князем Киевским. Только его имя — великого князя — могло быть написано в граффито впереди имен двух других князей в соответствии с иерархическими правилами

[28] ПСРЛ, т. II, Ипатьевская летопись, М., 1962 (далее — Ипат.), стлб. 296, 309, 442, 447, 468.

того времени. Подобный порядок написания имен Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и Олега Святославича можно видеть на многочисленных летописных примерах 1093—1113 гг., т. е. времени княжения в Киеве Святополка Изяславича, к которому и следует отнести написание граффито на стене Софии Киевской.

Имена других князей современников Святополка Изяславича соответственно определяются следующим образом: Владимир—переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах, Олег — черниговский князь Олег Святославич, «Гориславич», как его называет автор «Слова о полку Игореве».

Желянь, на которой был заключен мир, упоминается летописью пять раз: под 1093, 1136, 1146 [29], 1162, 1169 годами [30]. Какую же местность летопись называет Желянью? На этот вопрос исследователи отвечают по-разному. Н. Карамзин считал, что летописная Желянь — это Жуляны, село под Киевом [31]; Л. Похилевич полагал, что небольшая речка, находящаяся в семи верстах к западу от Киева у с. Жуляны, называлась в древности Желянью, а затем Борщаговкой [32]; Н. Закревский указывал, что Желянью именовали урочище между рекой Лыбедью и Кирилловским монастырем [33]; Л. Добровольский связывает с летописной Желянью Киево-Жулянское плато [34].

Хотя не существует единого мнения о месте, где находилась летописная Желянь, сам текст летописи довольно определенно его указывает. В 1093 г., при занятии Святополком Изяславичем киевского стола, его войска были разбиты половцами у Триполья, а затем на Желяни: «Поидоша (половцы. — *С. В.*) Кыеву и пустиша на вороп межи Кыев и Вышегород. Святополк же выйде на Желаню и поидоша обои противу собе; и ступишася и укрепися брань...» [35] Следовательно, Святополку необходимо было выйти на Желянь для того, чтобы напасть на половцев,

---

[29] ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись, вып. II, Л. 1927 (далее — Лавр.).

[30] Ипат., стлб. 518, 534.

[31] *Н. Карамзин*, История государства Российского, т. II, СПб. 1892, стр. 72, прим. 167.

[32] *Л. Похилевич*, Сказания о населенных местностях Киевской губернии, К., 1864, стр. 17, 19, 20.

[33] *Н. Закревский*, Описание Киева, т. 1, стр. 311.

[34] *Л. Добровольский*, Змиевы валы вблизи Киева, К., 1908, стр. 8.

[35] Повесть временных лет, т. I, стр. 145.

войска которых растянулись между Киевом и Вышгородом. О том же говорится в летописи и под 1136 г.: «Ольговичи с половцы переидоша Днепр декабря в 29 и начаша воевати от Трьполя, около Красна и Васильева и до Белгорода, олиже до Киева и по Желяни и до Вышгорода и до Дерев, и через Лыбедь стреляхуся»[36].

В 1169 г. Владимир Мстиславич проходит Желянь, направляясь из Триполья в Вышгород: «Владимерь Мьстиславич пойде с Треполя Вышегороду, ись женою и съ детми; ...Ярополк же с Берендичи настигоша Владимира на Желяни у Доброго Дуба»[37]

Таким образом, Желянью в древности называлась местность на юго-запад от Киева, по которой проходила дорога на север в сторону Вышгорода.

Эта местность, расположенная в пойме реки Лыбедь, представляла собой равнину, удобную для передвижения войск, а поэтому Желянь не раз становилась местом ожесточенных боев. Как уже указывалось, в 1093 г. войска Святополка были разбиты на Желяни половцами. В 1146 г. Изяслав Мстиславич, воюя с Игорем Ольговичем, «пришед ста на Желяни», где и были разбиты войска последнего[38]. В 1162 году на Желяни был разгромлен обоз войск Изяслава Давидовича: «Тороци же настигоша возы их на Желяни, полкы же их настигоша от Булыч и ту начаша сечи»[39]

В рассматриваемом граффито, по-видимому, говорится о мире, связанном с княжескими усобицами при Святополке Изяславиче. Вот как рассказывает об этом времени автор «Слова о полку Игореве»: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждьбожа внука въ княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе деляче»[40]

Конец XI в., как известно, ознаменовался усилением княжеских усобиц и наступлением на Русь кочевых племен. В период 1094—1096 гг. особенно обострились отношения между Владимиром Всеволодовичем Мономахом и Олегом Святославичем Вотчина Олега (Чернигов) еще при Всеволоде

---

[36] Летопись по Ипатскому списку, СПб., 1871, стр. 215.

[37] *Там же*, стр. 365.

[38] Лавр. вып. II, стлб. 314.

[39] *Там же.*

[40] Слово о полку Игореве, М., 1955, стр. 23.

была отдана Владимиру Мономаху. Но уже в 1094 г. Олег Святославич с половецкой помощью вынудил Владимира покинуть Чернигов и вернуться в Переяславль. Под 1095 г. в летописи рассказывается о совместном походе Святополка и Владимира на половцев. Приглашенный ими Олег уклонился от участия в предприятии против своих союзников-половцев. «И бысть межи ими ненависть», — замечает по этому поводу летописец. Постепенно все больше обостряются отношения между Святополком, Владимиром, с одной стороны, и Олегом — с другой. Разгромив половцев, Святополк и Владимир направились к Чернигову на Олега, который вынужден был бежать в Стародуб. После 33-дневной осады Стародуба Святополк, Владимир и Олег заключили перемирие с условием, что Олег и его брат Давид Святославич придут к Киеву для заключения общего договора о Русской земле [41].

По составу участников соглашение у Стародуба напоминает зафиксированное рассматриваемой надписью; и все же понятно, что в летописи речь идет о другом событии: дело происходило не у Киева на Желяни и не в декабре месяце, а где-то в июне, так как уже 19 июля 1095 г. Святополк и Владимир разбили половцев на реке Трубеж[42]. Вражда между Святополком, Владимиром и Олегом на этом не прекратилась. Олег не выполнил условий мира, заключенного у Стародуба. Он пошел не к Киеву, а к Мурому, на Изяслава Владимировича, захватившего его муромо-рязанские земли.

В битве с Олегом Изяслав был убит. Но княживший в это время в Новгороде старший сын Владимира Мономаха Мстислав выгнал Олега из Ростова и Суздаля. В борьбе с Олегом Мстислав неоднократно обращался к нему — своему дяде, уговаривая его помириться с «братией», т. е. с Святополком и Владимиром: «и аз пошлю молится з дружиною своею к отцю своему, и смирю тя со отцемь моим» [43] Разбив Олега на реке Колокше, Мстислав снова призывает его к примирению: «не бегай никамо же, но пошлися к братьи своей с мольбою не лишать тя Русьские земли» [44]. Олег как будто обещал примириться («обещашася тако створити»), но, как известно, в лето-

---

[41] Повесть временных лет, т. I, стр. 150.

[42] *Там же*, стр. 149.

[43] *Там же*, стр. 169.

[44] *Там же*, стр. 170.

писи нет упоминания о мире между Святополком, Владимиром и Олегом накануне Любечского съезда. Между тем сам факт присутствия на Любечском съезде Олега как равноправного претендента на часть Русской земли указывает на то, что, по-видимому, он предварительно примирился со Святополком и Владимиром. Такое примирение, казалось, могло произойти в 1096 г. возле Киева, например, на Желяни, как того хотели Святополк и Владимир, заключая мир с Олегом у Стародуба.

Но против этой гипотезы говорит то обстоятельство, что в период борьбы за ростовско-суздальские земли занявший Суздаль Мстислав вел переговоры с Олегом о мире до самого великого поста: «и наста Федорова неделя поста и приспе Федорова субота» [45]. Начало великого поста в 6604 г. (1096) приходилось на 16 февраля, следовательно, в феврале Олег был еще в ссоре с братьями и продолжал борьбу, а мир на Желяни, упоминаемый в надписи, был заключен 4 декабря, т. е. раньше этих переговоров, а поэтому в граффито не может идти речь о событиях 1096 года. Возможно, что мир на Желяни был заключен перед самым Любечским съездом в 1097 г. Однако, в ноябре — декабре этого года был ослеплен Василько Теребовльский; это произошло уже после съезда князей в Любече. Поэтому скорее всего можно полагать, что в рассматриваемом граффито говорится о событиях, связанных с ослеплением Василька Теребовльского, в частности, о том мире, который упомянут в летописи под 1097 и 1098 гг.

Действительно, эти события лучше всего отвечают условиям надписи: заключение мира Святополком, Владимиром и Олегом в декабре вблизи Киева. Как известно из летописи, Владимир Мономах, услышав об ослеплении Василька Теребовльского, послал в Чернигов за Олегом и Давидом Святославичами, призывая их собраться у Городца, возле Киева и наказать виновных. Съехавшись к Городцу, князья во главе с Владимиром потребовали у Святополка объяснений. Не получив достаточно вразумительного ответа, они решили на следующий день переправиться через Днепр и напасть на Святополка. Киевляне, опасаясь новой междуусобной войны, послали к Владимиру для переговоров киевского митрополита Николу и княгиню, вдову Всеволода Ярославича. Посредничество княгини и митрополита возымело свое действие, и переговоры со Святополком возобновились.

Вина за ослепление Василька была взвалена на Давида Игоревича,

---

[45] Повесть временных лет, т. I, стр. 170.

после чего был заключен мир: «и целоваша крест межю собою, мир створше»[46].

Ослепленного 6 ноября 1097 г. Василька везли по «груднy пути бе бо тогда месяц груденъ, рекше ноябрь». Пока весть об ослеплении Василька дошла до Владимира Мономаха, пока он послал гонцов в Чернигов к Олегу и Давиду, пока последние с войсками подошли к Городцу, должно было пройти некоторое время. Затем начались переговоры со Святополком, которые, по-видимому, продолжались до конца ноября. Вполне вероятно, что мир мог быть заключен 4 декабря.

Из текста граффито явствует, что к мирному соглашению пришли на Желяни, а не у Городца, как указывается в летописи, возможно, последнее объясняется стремлением летописца связать заключенный мир не просто с географическим названием, а с определенным населенным пунктом, каким и был Городец, где собрались объединенные княжеские силы.

Днепр в то время, безусловно, являлся серьезной водной преградой, поэтому Городец, находившийся на его левой стороне, был удобным местом для сбора войск Владимира, Давида и Олега, так как, направляясь к Киеву из Чернигова и Переяславля, не нужно было переправляться на другую сторону Днепра.

Осторожный и дальновидный Владимир Мономах предпочел сначала объединиться с черниговскими князьями, а затем уже форсировать Днепр и напасть на Святополка. Когда же возобновились переговоры о мире, вполне возможно, что ставка князей и часть войск находились уже на правой стороне Днепра, например, на Желяни, откуда удобно было «межи собою мужи слати...», не переправляясь каждый раз через Днепр. Основная же часть княжеских сил могла оставаться у Городца.

Автором рассматриваемой записи был, по-видимому, киевлянин, обеспокоенный судьбами Русской земли и Киева. Он, по-видимому, был очевидцем того, как после заключения мира на Желяни только что подписанный мир, по обычаю того времени, был скреплен целованием креста, т. е. клятвой. Эта церемония, скорее всего, происходила в Софийском соборе. Несомненно, что автор граффито одобряет действия князей, заключивших мир. Он рад благополучно разрешившемуся княжескому конфликту, грозившему Русской земле новыми разорениями и гибелью; в этом смысле он

[46] Повесть временных лет, т. I, стр. 175

единомышленник автора «Слова о полку Игореве», который через столетие призывал князей к единению.

Интересно отметить необычный факт отсутствия подписи автора граффито. Писавший, видимо, задался целью не просто оставить свой автограф на стене собора, а сделал запись под влиянием патриотических чувств, сознавая важность свершившегося акта и желая сохранить память об этом событии. Но непонятно отсутствие в записи имени Давида — старшего Святославича, владевшего в это время Черниговом.

Ввиду того, что в летописи события 1097 г. изложены недостаточно ясно, трудно с уверенностью утверждать, что в граффито говорится о мире 4 декабря именно данного года. Б. А. Рыбаков полагает, например, что мир на Желяни был заключен на семь лет позже, в 1104 г. [47], но упоминания об этом в летописной статье этого года нет, хотя события, которые произошли в декабре 1104 г., подробно перечислены: приход на Русь митрополита Никифора 6 декабря, смерть Вячеслава Ярополчича 13 декабря и поставление того же Никифора на митрополичью кафедру 18 декабря [48].

Нарушенный многочисленными вставками, текст летописи за 1096—1098 гг., по-видимому, содержал в первоначальном варианте запись о мире 4 декабря на Желяни. На это может указывать приписка к летописной статье 1098 г. ...и створиша мир, якоже и в прежнее лето сказах». Как известно, первоначальная запись летописца от 1097 г. была заменена более обширной повестью Василия, рассказывающей об ослеплении Василька Теребовльского и других событиях того же года. Это, скорее всего, мог сделать игумен Выдубецкого монастыря Сильвестр, который, изображая Владимира Мономаха защитником Василька и Русской земли от половцев, пренебрег фактическими подробностями, содержавшимися первоначально в летописи под 1097 г., и заменил их картинным рассказом Василия, восхваляющим деятельность Владимира Мономаха.

6. *Запись о приходе Святополка Изяславича* [49] *(табл. VII, 2; VIII, 2).*

Рядом с надписью о мире на Желяни, в том же Антониево-Феодосиевском приделе, на стене у южного древнего входа в собор, на высоте 2 *м*

[47] *Б. А. Рыбаков*, Русская эпиграфика X—XIV вв., стр. 66.

[48] Повесть временных лет, т. I, стр. 185.

[49] Граффито датируется 1093 г., но рассматривается нами после записи о мире на Желяни (1097—1098 гг.), без которой невозможно определение и датировка первой.

от уровня пола XI в., под слоем масляной живописи XIX в. была обнаружена надпись, явно имеющая отношение к предыдущему граффито:

ПРНДЄ
КNѦЗЬ
С҃ТОПЪЛ
КЪ

Надпись нацарапана острым предметом по фресковой штукатурке непосредственно под записью № 5, ее перевод: «Пришел князь Святополк». Имя Святополка написано сокращенно, под титлом: С҃ТОПЪЛКЪ. К сожалению, вторая половина записи утрачена из-за обвала древней штукатурки. От нее уцелели только две последние буквы имени Святополка, перенесенные в четвертую строку. Далее вправо, по-видимому, в четвертой строке следовало ожидать: «Кыеву» или «с҃тыи Софье». Между третьей и четвертой строками граффито, слева, довольно ясно читается слово «князья», являющееся остатками какой-то другой надписи, которая погибла в результате обвала штукатурки (табл. VII, 2). Остатки отдельных букв последней надписи можно заметить также слева вверху у края облома штукатурного слоя. Слово «князья» нельзя связывать с рассматриваемым здесь граффито потому, что написано оно без соблюдения красной строки и вклинивается между третьей и четвертой строками, тем самым оказываясь между первой и второй половинами имени Святополка.

Граффито, от которого уцелело всего лишь одно слово «князья» и несколько отдельных букв, было написано несколько позже, чем запись о Святополке. Об этом можно судить хотя бы по тому, что писавший плохо рассчитал место от края стены до надписи о Святополке и не смог на нем уместить всю строку, в связи с чем слово «князья» он вынужден был написать между строк находившейся рядом записи. И наоборот, если бы надпись о Святополке была сделана позже, то тогда ее автор, несомненно, отступил бы несколько вправо, где имелось, как видно на фото, много свободного места.

По начертаниям букв рассматриваемое граффито близко надписи о мире на Желяни: совершенно аналогичны начертания букв **А, Д, И,** буква **З** по начертанию близка Мстиславовому евангелию 1115 г. [50]

---

[50] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист III, *24*.

Несмотря на то, что надпись лаконична (содержит всего три слова, из которых одно — собственное имя), ее содержание весьма интересно.

Автор записи говорит о приходе в Киев некоего князя Святополка. Отсутствие ссылки на год и месяц записи можно объяснить только всеобщей известностью события, о котором идет речь. Слова «приде князь...» сами по себе чрезвычайно близки летописным выражениям «приде Ярослав к Берестию...», «приде Мьтислав ис Тъмутороканя Кыеву», «приде Ярополк из Ляхов» [51] и т. д.

Для датировки и понимания записи, кроме повторяющегося в ней имени Святополка, важное значение имеет ее явная связь с предыдущей. Близость этих надписей проявляется также в сходстве начертаний отдельных букв.

Граффито «Приде князь Святополк» наиболее вероятно отнести к времени вокняжения Святополка Изяславича в Киеве в 1093 г. В апреле месяце этого года умер великий киевский князь Всеволод Ярославич. Владимир Мономах, присутствовавший при смерти своего отца в Киеве, несмотря на большую популярность в народе, не решился занять киевский стол. После некоторого размышления («Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти якоже есть стол преже отца его был» [52]). Владимир послал за Святополком Изяславичем, княжившим в Турове: «И минувшю велику дни, пришедши Праздней недели, в день антипаскы, месяца априля в 24 день приде Святополк Кыеву» [53]. Ему была устроена пышная встреча: «И изидоша противу ему кияне с поклоном, и прияша с радостью» [54].

Вполне понятно, что вокняжение Святополка на киевском столе было отмечено торжественной службой в главном храме древней Руси — Софийском соборе. Под влиянием этих событий и была сделана рассматриваемая надпись. Б. А. Рыбаков считает, что и граффито о Василии-Владимире Всеволодовиче Мономахе было нанесено на стену Софийского собора в день его вокняжения в Киеве 7 апреля 1113 г. [55]

Записи о мире на Желяни и «Приде князь Святополк» по своему харак-

---

[51] Повесть временных лет, т. I, стр. 99, 136.

[52] *Там же*, стр. 143.

[53] *Там же.*

[54] *Там же.*

[55] *Б. О. Рибаков*, Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, стр. 56.

теру и форме совершенно свободно могли бы быть помещены в летописный текст, нисколько не нарушая его своеобразного древнего колорита.

Интересно отметить, что обе записи о событиях времени княжения Святополка-Михаила Изяславича расположены на стене у входа в Михайловский придел. Возможно, считалось, что делать записи светского характера внутри самого придела не совсем удобно (хотя этого правила придерживались не все, о чем говорят многочисленные светские надписи, найденные в том же Михайловском приделе), но поскольку они относились к событиям, связанным с именем Святополка, автор поместил их на наружной в то время стене собора у самого входа в придел Михаила — патрона Святополка Изяславича.

У южного входа в Михайловский придел, но не на наружной, а на внутренней стене, открыта фигура [фигура] (6а, табл. IX, 3), напоминающая глаголическую букву [буква] хорватской глаголицы [56].

7. *Запись о поставлении владыки (табл. III, 2; IV, 2).*

Надпись находится в главном трансепте собора на восточной плоскости второго от алтаря южного крещатого столба, на высоте 1,55 *м* от уровня пола XI в. Она относится к разряду крупных и четких граффити, написана на видном месте уверенным почерком, близким по характеру греческим надписям при мозаичных и фресковых изображениях. Текст граффито:

МЦАAПРНЛА
ВЪѲДNЬПОСТА
ВЛЕNОБЪІВЛДКА

(«Месяца апреля в 9 день поставлен был владыка»). Буквы записи геометричны, тщательно отделены друг от друга, все вертикальные мачты имеют ограничительные штрихи, ширина букв превышает высоту. Все перечисленные признаки указывают на раннее время появления записи. Во второй строке буква ѳ (с числовым значением 9) изображена не под титлом, а на боку, по-видимому, с целью подчеркнуть ее цифровое значение. Последнее слово граффито написано с сокращением под титлом: влдка, т. е. владыка. Дальше справа от слова «владыка» обвалилась древняя штукатурка, в результате чего конец записи утрачен. Можно предположить, что за

[56] *Е. Ф. Карский*, указ. соч., стр. 355.

словом «владыка» шло имя. Учитывая, что в записи говорится о событии, происходившем в митрополичьем Софийском соборе, надо полагать, что под поставлением владыки автор имеет в виду происходившее в Софии возведение в сан митрополита киевского. Этот необычный факт удивил автора, записи и поэтому был запечатлен последним в настенной надписи.

Как указывает Е. Голубинский, древнерусские митрополиты не только посвящались, но и избирались константинопольским патриархом, поэтому в сообщениях летописи о новых митрополитах говорится обычно «приде митрополит» и только в трех случаях сказано «поставлен» [57] Согласно летописи, в 1051 году Ярослав Мудрый без санкции константинопольского патриарха поставил митрополитом своего любимца, «презвутера» Иллариона, автора известного публицистического произведения Киевской Руси — «Слова о законе и благодати». Второй раз то же попытался сделать в 1147 году Изяслав Мстиславич, поставив на соборе русских епископов митрополитом Клима Смолятича [58]. Третий случай — «поставление» Кирилла I в 1224 г. [59]

Вполне вероятно предположить, что граффито имеет в виду одно из этих событий, а именно поставление Иллариона, ко времени которого надпись наиболее близка по палеографическим особенностям. Кроме того, поставление Клима Смолятича митрополитом произошло не в апреле, как указано в граффито, а 27 июля [60].

В пользу нашего мнения о связи граффито с именем Иллариона может свидетельствовать указание летописи: «Постави Ярослав Лариона митрополитомь русина в святей Софьи, собрав епископы» [61]. В этом случае граффито указывает день этого события — 9 апреля.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ, БЛИЗКИЕ ЛЕТОПИСНЫМ. Граффити этой группы в большинстве случаев сообщают о смерти каких-либо лиц, изредка о вкладах, сделанных в Софию — на «помин души» или по какому-либо

[57] *Е. Голубинский*, История русской церкви, т. I, период первый, первая половина тома, М., 1901, стр. 89, 290.

[58] Ипат., стлб. 340.

[59] ПСРЛ, т. I, Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, М., 1962, стлб. 447.

[60] *Там же*, стлб. 315.

[61] Повесть временных лет, т. I, стр. 104.

другому случаю. Как правило, поминальные записи имеют строго каноническую форму и начинаются с указания месяца и числа события, только в очень редких, особо торжественных случаях встречается полная датировка со ссылкой на месяц, число и год события. Характерная для подобных записей сокращенная датировка, как указывалось выше, объясняется тем, что для поминания (в церковном значении этого слова) вполне достаточно знать всего лишь месяц, число и имя умершего.

8. *Запись о смерти Ярослава Мудрого*[62] *(табл. IX, 1; X, 2).*

В центральном нефе собора, во время обследования стен, на третьем от алтаря южном крещатом столбе, на фреске, изображающей Пантелеймона, под слоем позднейшей шпаклевки XVIII—XIX вв., была обнаружена следующая запись:

В

ВЪ ЅФЗ

МЦАФѢВРАЫ

КѪСЪП[Е]N

ѤЦРАNАШ

ГО ВЪВЪ

С — — — — — ·

ѲЕѠДѠРА

Сохранность граффито удовлетворительная, лишь шестая и седьмая строки утрачены. В первой строке его ясно читается 6562 год, у которого обозначающий единицы знак **В** (2) под титлом поставлен над строкой. Если считать, что запись была сделана по древнерусскому, мартовскому стилю, то ее следует отнести к 1055 г., учитывая, что событие произошло в феврале месяце[63]. В третьей строке содержится имеющее торжественный оттенок слово «успение», которое летописью в сочетании с «преставися» употреблено только по отношению к смерти Феодосия Печерского[64]. В целом

[62] *Б. А. Рыбаков*, Запись о смерти Ярослава Мудрого, Советская археология, 1959, № 4, стр. 245; *С. А. Высоцкий*, Датированные граффити XI в. в Софии Киевской, Советская археология, 1959, № 4, стр. 243—244.

[63] *Л. В. Черепнин*, Русская хронология, стр. 26.

[64] Повесть временных лет, т. I, стр. 122.

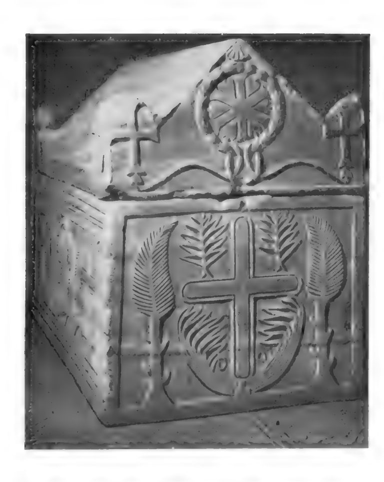

Рис. 3. София Киевская. Саркофаг, в котором 20 февраля 1054 г. был погребен Ярослав Владимирович Мудрый.

запись читается так: «В [лето] 6562 месяца февраля 20-го кончина царя нашего...» Б. А. Рыбаков связывает рассматриваемую запись с Ярославом Мудрым. И, действительно, если вести летоисчисление не по мартовскому, а по византийскому, сентябрьскому стилю, то это дает 1054 год и подводит к записи Ипатьевской летописи под 6562 г.: «Преставися князь Руский Ярослав... Ярославу же приспе конец житья и предасть душю свою месяца февраля в 20 в суботу 1 недели поста»[65].

Как известно, вопрос о дне смерти Ярослава Владимировича на протяжении долгого времени являлся спорным [66]. Объясняется это тем, что раз-

[65] Ипат., стлб. 149, 150.

[66] *А. Куник*, Известны ли нам год и день смерти вел. князя Ярослава Владимировича? СПб., 1896; *его же*, О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича, Записки Императорской Академии Наук, т. XXVIII,

ные списки летописи, говоря о смерти Ярослава, дают ссылку не только на число 20 февраля, но и на день — субботу первой недели великого поста, так называемую «Федорову неделю», а поэтому день смерти Ярослава получается связанным с пасхой. Кроме того, Новгородская летопись, опуская число, ошибочно добавляет, что князь умер «на святого Федора», т. е. на день святого Федора, который приходился на 17 февраля [67].

Запись, обнаруженная на стене центрального нефа Софийского собора, несомненно, является убедительным подтверждением точности указанной в Ипатьевской летописи даты смерти Ярослава Мудрого — 20 февраля 1054 г. Наше граффито начерчено в среднем нефе, на фреске, изображающей Пантелеймона. Последний не имел никакого отношения к Ярославу Мудрому, патроном которого был Георгий. Более понятным было бы помещение подобной записи в Георгиевском приделе. Однако, в центральном нефе был изображен групповой портрет княжеской семьи во главе с Ярославом. Фрагментарные остатки фигуры Ярослава, определяющиеся при сравнении фрески с известным рисунком А. Ван-Вестерфельда 1651 г., еще и сейчас можно видеть вверху на восточной плоскости третьего от алтаря южного столба, в центральном нефе. Таким образом, надпись была сделана возле изображения Ярослава Мудрого, находившегося поблизости — вверху на западной стене.

Немного выше записи о смерти Ярослава Мудрого читаются две глаголические буквы (см. план собора № 8а, табл. IX, 2; X, 1), Ⰿ и Ⰽ, что в кирилловской транскрипции значит: М и К. Над М имеется черточка, возможно, титло. Еще ниже изображена какая-то фигура, также напоминающая глаголическую букву Ⰴ.

9. *Запись о княжении Святослава Ярославича* [68] *(табл. XI; XII).*

В центральном нефе, на втором от алтаря южном крещатом столбе,

---

СПб., 1876; *И. Шляков*, Восемьсот лет со дня кончины великого князя Ярослава Мудрого, Журнал Министерства народного просвещения, июнь 1907, стр. 362—400; *Н. В. Степанов*, Таблицы для решения летописных задач на время, Отделение русского языка и словесности Академии наук, СПб., 1908, т. XIII, кн. 2.

[67] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 182; Христианский месяцеслов, М., 1900, стр. 69.

[68] *С. А. Высоцкий*, Граффито XI в. в Софии Киевской, стр. 273—275; *его же*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 147—182.

на высоте 1,55 *м* от уровня пола XI в. обнаружена следующая запись:

Д҃ ЛЄТАКЪНАЖНЛЪСВАТОСЛАВЪ
МЦ҃АМАР[Ѿ]ѢДЬНЬРОУГАВ[ЪДА]NА
І҃АВСБ----Ь
ЄNН------
NЄДЄЛѢ:ВЬПАМ
АШЬЄТНІЄСВАТО
СЛАВѢА[МННЬ]

Граффито состоит из семи строк различной длины. Наиболее полно сохранилась первая строка, начинающаяся буквой Д҃ под титлом (с числовым значением 4), длиной в 0,45 *м*; такую же длину имела и следующая вторая строка. Остальные пять строк, сдвинутые вправо, примерно в три раза короче первых двух верхних. Высота букв надписи достигает 2 *см*. Сохранность строк записи различна. Очень ясно читается лишь текст первой строки: «4 лета княжил Святослав... В начале второй строки поставлено

МЦ҃А,

т. е. месяца, и далее: «мар... Трудной для чтения является следующая за **Р** буква, она напоминает лигатуру Ѣ или Ѿ с какими-то непонятными дополнениями.

В самом конце второй строки легко восстанавливается слово

ВЪДАNА

— как по количеству букв, так и по начальному **В** и конечному А, а также по содержанию строки в целом. Не вызывает сомнения и слово, стоящее перед «вдана»:

РОУГА,

т. е. руга — плата, вносимая в церковь на помин души, обложение или побор в пользу церковного причта [69].

Смысл третьей и четвертой строк надписи из-за больших повреждений штукатурки не улавливается. В начале третьей строки под титлом фрагментарно сохранились буквы с числовым значением — А҃І(?). Эта цифра могла обозначать день, в который был сделан денежный вклад. Далее, начиная с шестой строки, идет: ...неделе вьпамашье тие Святославе

[69] *Т. Е. Кочин*, Материалы для терминологического словаря древней России, М. — Л., 1937, стр. 307.

а... Слово «выпамашье» (?) очень напоминает известное выражение «Слова о полку Игореве»: «Помняшеть бо, рече, первых времен усобице» [70].

В последней строке буква А в слове «Святославе» совпадает с равноконечным поминальным крестом с расширяющимися концами древнего рисунка. От заключительного слова надписи «аминь», помещенного после имени Святослава, уцелела единственная буква «а».

В целом граффито читается следующим образом: «4 лета княжил Святослав... месяце марте... дне руга вдана... в неделю в память (?) о том Святославе, аминь».

Ряд начертаний надписи находит палеографические аналогии в Остромировом Евангелии 1057 г., «Изборниках» Святослава 1073 и 1076 гг., Тмутараканском камне 1068 г., Туровском Евангелии, Супрасльской рукописи и Хиландарских листах и других рукописях XI в. Наиболее архаично начертание буквы **Ж**, близкое в палеографическом отношении к X—XI вв. и совершенно неизвестное в более позднее время. Сравнение букв Ж, З, Ѧ с соответствующими буквами новгородских берестяных грамот показывает, что между ними нет полных аналогий; в то же время эти буквы граффито находят соответствие в балканских рукописях (Супрасльской, Хиландарской) [71].

Следует отметить замену в слове «лета» ѣ простым **С** и в имени Святослава малого юса буквой **А** (или А), что не характерно для древнерусских памятников XI в. и выражает какие-то местные особенности.

Очень важно определить, какой именно Святослав упомянут в записи. Вполне естественно допустить, что в граффито киевского митрополичьего собора упомянут киевский князь. На киевском «золотом столе» сидели в разное время четыре Святослава. Святослав Игоревич княжил 28 лет и был убит в 972 году [72], задолго до постройки собора. Святослав Ольгович сидел в Киеве всего две недели (с 1-го по 13-е августа 1146 г.)[73]. Святослав Всеволодович княжил 14 лет (1180—1194 гг.) [74], но цифра 14 не может быть принята, так как в соответствии с древнерусским правописанием

[70] Слово о полку Игореве, стр. 19.

[71] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., листы I и II, *10* и *12*; *Е. Ф. Карский*, указ. соч., стр. 367.

[72] Повесть временных лет, т. I, стр. 53.

[73] Ипат., стлб. 321, 327.

[74] *Там же*, стлб. 621—680.

единицы (до 20) писались впереди десятков, и в нашем случае было бы $\overline{\text{Д}}$І, следовательно, независимо от сохранности левой части надписи была бы видна цифра десятков. Кроме того, грамматически форма «лета» может быть отнесена только к цифре 4, но не к 14.

Лишь один князь Святослав мог подразумеваться в надписи — Святослав Ярославич, севший на киевский стол 22 марта 1073 г. и умерший 27 декабря 1076 г. [75] Он княжил три года и десять месяцев, что составляет почти четыре года [76]. С именем Святослава были связаны два знаменитых «Изборника» (1073 и 1076 гг.), палеографически близких рассматриваемому граффито.

Вокняжение Святослава летописец XII в. связывает с началом княжеских усобиц: «Святослав же бе начало выгнанью братню, желая большее власти... А Святослав седе Кыеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отню, паче же божью» [77]. Так сурово осудил древнерусский историк родоначальника воинственных Ольговичей.

Святослав умер после операции («от резанья желве»), и после его смерти все богатство, которым он хвастал перед иностранцами, «расыпася разно» [78].

Любопытные сведения в связи с теми же событиями содержатся в Киево-Печерском патерике: «Отец же наш Феодосие бе по вся дьни и по вся нощи моля бога о христолюбци князи Изяславле и еще же и в ектинии веля того поминати, яко стльному тому князю и стареишу всех, сего же (Святослава), яко же рече, через закон седишу на столе том, не веляше поминати в своем монастыри, о сем же едва умолон быв от братии, повеле и того с ним поминати» [79]. Плохие отношения, перешедшие в открытый разрыв, были у Святослава и с киевской митрополией, которая во время его княжения переезжала в Переяславль к Всеволоду [80].

По причине враждебного отношения к памяти Святослава тело князя после смерти было перевезено в Чернигов и похоронено в церкви Спаса.

---

[75] Повесть временных лет, т. I, стр. 121, 131.

[76] «...а княжил 4 лета...». См. Владимирский летописец. ПСРЛ, т. 30, М., 1965, стр. 49.

[77] Повесть временных лет, т. I, стр. 121, 122.

[78] *Там же*, стр. 131.

[79] Києво-Печерський патерик, под ред. Д. Абрамовича, К., 1930, стр. 69.

[80] *М. Д. Приселков*, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., стр. 133.

Как отмечает М. Д. Приселков, это был первый случай «внекиевского погребения политического владельца Киева».

Неприязнь киевского общества к Святославу получила также отражение в летописном тексте — не только в словах, укоряющих Святослава, который нарушил «заповедь отню», а также и в отсутствии обычного надгробного слова [81]. Неудивительно поэтому стремление потомков Святослава сгладить то враждебное отношение к его памяти, которое он оставил по себе. Возможно, что одной из причин этого и было внесение в Софийский собор «руги» на помин души его, чему сопутствовало написание поминальной настенной записи. В таких условиях эта запись с упоминанием четырехлетнего княжения Святослава в Киеве, по всей вероятности, могла быть сделана только через несколько лет после его смерти, когда несколько сгладилось враждебное отношение к памяти этого князя.

Поскольку счет лет княжения Святослава в рассматриваемом граффито произведен по мартовскому стилю, «руга» была внесена в Софию в самом начале мартовского нового года — в марте месяце.

Если предположить, что деньги на поминание Святослава были внесены в Софийский собор в первые несколько лет после его смерти, то ближайшее воскресение (упоминается в пятой строке) 11-го (буквы ІА в третьей строке) марта было в 1078 г. [82]

10. *Запись о смерти Луки Белогородского* [83] *(табл. XIII; XIV).*

Надпись расположена в Апостольском приделе (южной галерее), на столбе с древним фресковым изображением Онуфрия. Она находится на высоте 2,55 *м* от условного уровня пола, XI в. [84] Текст граффито:

МЦААВЪГОУСТАВЪ
ІКВПРЕСТАВНСАРАБЪ
БЖННЛѠКАЕППЪБЖЕ
NЫІНБѢЛОГОРОДЪСІКЫН
Б

[81] *М. Д. Приселков*, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., стр. 141.

[82] *Л. В. Черепнин*, Русская хронология, стр. 43—47.

[83] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 152.

[84] Полы в этой части собора еще не опущены до уровня XI в.

(«Месяца августа в 22 скончался раб божий Лука, епископ блаженный Белогородский»). Запись глубоко процарапана в фресковой штукатурке. Буквы ее геометричны, большой ширины, свободно стоят по отношению друг к другу. Наиболее архаичное начертание имеет буква Ж звездообразного типа. Палеографически надпись, по-видимому, относится к тому времени, когда употребление и начертание некоторых букв начало изменяться. Так, в третьей строке в имени Луки употреблена лигатура ȣ, а в слове «авгоуста» — ОУ Буква Ы в словах «блаженый» и «белогородъскый» состоит не из сочетания Ъ и І, как это мы видим на примере прочих софийских граффити XI в. а из Ь и І.

Третья и четвертая строки граффито несколько повреждены различными царапинами, выпадами и какой-то, видимо, более ранней надписью. Слева, возле четвертой строки, почерком, похожим на почерк рассматриваемого граффито, начерчено прописное большое Б.

Несмотря на то, что надпись снабжена характерной для поминальных граффити неполной датой (указаны только месяц и число события), она легко датируется благодаря упоминанию епископа Луки Белогородского. Это имя встречается в летописи под 1088 и 1089 гг.: «В лето 6596. Священа бысть церкви святого Михаила монастыря Всеволожа, митрополитом Иоаном и епископом Лукою... «В лето 6597. Священа бысть церкви Печерская святая богородица монастыря Феодосьева, Иваном митрополитом и Лукою Белогородским епископом»[85]. В связи с последним событием епископ Лука упоминается Киево-Печерским патериком [86].

Лука Белогородский, епископская кафедра которого находилась ближе других к Киеву, по-видимому, был видным лицом в церковной иерархии того времени. Недаром летописец называет его сразу же вслед за митрополитом. Последний раз Лука упоминается в летописи под 1089 г., а в 1113 г. на Белогородскую кафедру был поставлен Никита [87] Сообщения о смерти Луки Белогородского в летописи нет. Он умер в промежутке времени между 1089 и 1113 гг., вероятно, еще до августа 1091 г., когда состоялось перенесение мощей Феодосия в Успенский собор. При этом, несомненно, должен был присутствовать Лука Белогородский (учитывая важ-

[85] Ипат., стлб. 199.

[86] Києво-Печерський патерик, стр. 14, 103.

[87] Ипат., стлб. 277.

ность события и близость его кафедры к Киеву), но он не назван среди присутствовавших [88]. М. Д. Приселков, рассматривая соответствующее место летописного текста, указывает, что новые Владимиро-Волынская По-росская кафедры, епископы которых принимали участие в перенесении мощей Феодосия, могли быть созданы именно в связи со смертью Луки Белогородского [89]

Настенная запись в Софии Киевской, таким образом, сообщает день смерти Луки Белогородского, которая последовала 22 августа 1089—1091 гг.

11. *(Табл. XV 1; XVI, 1).*

Запись обнаружена в алтарной части Георгиевского придела на южном столбе, на высоте 1,75 *м* от уровня пола XI в. Граффито состоит из трех строк:

МЦАМАIА
КЕ ȣТОПЛѢNЪ
ХКМХ+Ѳ

В первой строке записи указан месяц события — май. Над этой же строкой справа начерчено подобие большой буквы М (М). Под «мця», во второй строке, было указано число месяца, но оно не уцелело из-за выпадов штукатурки; видны только остатки титла. Однако слева, немного в стороне от надписи, на уровне второй строки дописано КЕ, т. е. 25-е. Далее, во второй строке читается:

ȣТОПЛѢNЪ

(утоплен, погружен) [90]. Загадочно содержание третьей строки, в которой под титлами помещен ряд букв:

ХК,М,Х +Ѳ.

В конце ее, также под титлом, несколько более крупными буквами значится:

КЗЕ.

Первые две строки читаются и переводятся вполне определенно: «Месяца мая в 25-е утоплен... В третьей строке, по-видимому, содержится имя

[88] Повесть временных лет, т. I, стр. 139.

[89] *М. Д. Приселков*, указ. соч., стр. 155, 156.

[90] Словарь древнего славянского языка..., стр. 896.

утопленника, которое по каким-то соображениям зашифровано и не поддается дешифровке. Определение смысла записи затруднительно. Однако, очень любопытным является то, что «утопление» произошло 25 мая. Невольно припоминаются летописные события 1093 года, связанные с поражением древнерусских князей на реке Стугне и гибели в ней молодого «уноши» Ростислава Всеволодовича. Об этом, спустя сто лет, вспоминал автор «Слова о полку Игореве». Летопись относит битву на Стугне ко дню Вознесения (26 мая 1093 года [91]), очень близкому к дате, которая указана в рассматриваемом граффито. Не идет ли в нем речь о смерти Ростислава Всеволодовича? Некоторые признаки говорят в пользу нашего предположения. Ростислав Всеволодович, как и его отец, был похоронен в Софийском соборе. Факт немаловажный, учитывая, что в граффито, начертанном в Софии, предельно близко совпадает число и месяц события; наконец, очень похоже, что слово под титлом третьей строки надо читать как «князе». Тогда запись в целом переводится: «Месяца мая в 25-е утоплен... князе».

12. *(Табл. XV 2; XVI, 2).*

Находится в том же месте, где и предыдущая запись. Текст граффито

МЦА (с под титлом)
ОКТАМБРАВЪ:ѲІ ПЕРЕСТА
ВНЛЪСААВЪІК
ПОГРѢБЕNЪ—

что в переводе означает: «Месяца октября в 19-е скончался, а в 20-е был погребен».

Запись представляет приписку, уточняющую дату смерти и погребения какого-то лица, имя которого остается неизвестным. Другое граффито, к которому относилась эта приписка, находилось, видимо, несколько левее, где, к сожалению, имеются значительные повреждения штукатурки. Под словом «октямбря» первой строки удается прочесть только отдельные буквы: ...М ...N, О..., относившиеся к надписи, бывшей в этом месте.

Для палеографической датировки граффито недостаточно данных, но характер почерка в целом и начертания отдельных букв записи (Б, N) указывают примерно на конец XI — начало XII вв.

[91] Повесть временных лет, т. I, стр. 144.

БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ. К рассматриваемой группе относятся граффити, начинающиеся каноническими формулами «господи помози раба своего» и «спаси господи».

13. *Запись о кагане*[92] *(табл. XVII; XVIII).*

Граффито находилось в проеме окна северной наружной галереи, ниже фрески, изображающей Адриана. Запись была известна исследователям Софии Киевской еще в довоенное время, но она не сохранилась из-за обвала штукатурного слоя. В фондах Софийского музея нам удалось разыскать фото и небольшой кусок штукатурки с фрагментами рассматриваемой записи, по которым были восстановлены масштабные размеры и сделаны фото и прорись в натуральную величину. Текст граффито:

СΖПАСН
ГНКАГ[А]NА
NАШЕГО

(«Спаси, господи, кагана нашего»). Во второй строке в слове «кагана» имеется выпад штукатурки, в связи с чем буква А не читается и может быть восстановлена только по общему смыслу слова. Буква N в том же слове благодаря горизонтальной царапине может быть ошибочно принята за Н, хотя наклонная линия все же видна. Буквы надписи четки, геометричны, снабжены ограничительными штрихами, поставлены на некотором расстоянии друг от друга. Высота букв надписи почти равна их ширине. Количество сокращений минимально, под титлом написано только слово «господи», хотя можно было бы ожидать сокращения и слова «спаси»

Несмотря на то, что надпись не имеет букв, типичных для палеографической датировки, по своему характеру она, несомненно, относится к раннему периоду древнерусской письменности (XI в.).

Каган или хакан, о котором идет речь в граффито,— слово тюркского происхождения и обозначает хазарский титул царя[93]. В древнерусской литературе оно употреблено по отношению к Владимиру Святославичу и Ярославу Мудрому. Автор «Слова о полку Игореве» вспоминает о былом «каганьем времени», времени силы и могущества древней Руси.

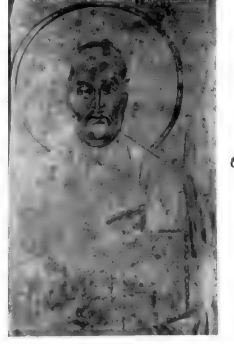
---

[92] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 157—158.
[93] *С. Гедеонов*, Варяги и Русь, ч. I—II, СПб., 1876, стр. 487—488.

а.

б.

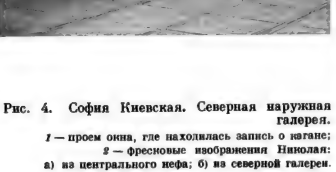

Рис. 4. София Киевская. Северная наружная галерея.

1 — проем окна, где находилась запись о кагане; *2* — фресковые изображения Николая: а) из центрального нефа; б) из северной галереи.

В надписи говорится о живом кагане, поэтому она никак не могла относиться к Владимиру Святославичу, умершему в 1015 г., задолго до постройки Софии Киевской. (Если бы речь шла об умершем, то запись выглядела бы так: «Спаси, господи, душу кагана нашего».)

Впервые обративший внимание на граффито с упоминанием кагана художник-реставратор Н. П. Сычев связывал его с именем Ярослава Мудрого, который трактуется древнерусской литературой как прямой продолжатель дела Владимира. Однако, как показали архитектурно-археологические исследования Софии Киевской (особенно в послевоенное время), внешние галереи, в том числе и северная, были пристроены хотя и в пределах XI в., но, несомненно, уже после смерти Ярослава Мудрого [94]. В 1093 г. северная галерея уже существовала, о чем свидетельствует произведенная в этом году перестройка ее восточной ветви в усыпальницу — в связи с погребением Всеволода Ярославича в Софии Киевской. Следовательно, кагана рассматриваемого граффито надо искать начиная с года смерти Ярослава Мудрого (1054) до пределов, ограниченных палеографическими особенностями записи. После смерти Ярослава в XI в. великими киевскими князьями были Изяслав, Святослав, Всеволод, Святополк и Владимир Мономах. Все они, на первый взгляд, имели равные возможности называться титулом кагана, если бы не одна очень важная деталь.

Почему именно в северной галерее, а не в другом месте, например в центральной части собора, была сделана запись с просьбой о спасении кагана — великого киевского князя? Для ответа на вопрос, кто из князей назван в надписи каганом, очень важно определить фресковый персонаж, на изображении которого начерчено граффито.

Эта фреска долгое время находилась в условиях открытой галереи и подвергалась сильным атмосферным влияниям, в результате чего красочный слой очень поврежден; не сохранилась и обычная греческая надпись, сообщающая имя святого, изображенного на фреске. И все же персонаж фрески легко определим — это святитель Николай, изображенный так же, как на известной фреске Николая, расположенной в центральном нефе собора на западной плоскости южного крещатого столба. Для сравнения приводим фото обеих фресок (рис. 4).

Перечисленные выше в рамках рассматриваемого времени киевские князья носили следующие крестильные имена: Изяслав — Дмитрия, Все-

[94] *М. К. Каргер*, Древний Киев, т. II, стр. 166, 167.

волод — Андрея, Святополк — Михаила, Владимир Мономах — Василия. Лишь Святослав Ярославич имел христианское имя Николай [95].

Надпись с призывом спасения «кагану нашему» сделана на изображении Николая — патрона Святослава Ярославича, поэтому кажется вполне логичной мысль, что в рассматриваемом граффито каганом назван Святослав, княживший в Киеве с 1073 по 1076 гг. В пользу этого говорит и начальная буква имени Святослава — С — , начерченная рядом с записью и хорошо видная на фото. В центре собора есть, как упоминалось, еще одно изображение Николая, но там не обнаружено никаких записей о Святославе, хотя вблизи на том же столбе имеется рассмотренная нами надпись о княжении Святослава [96]. Граффито «Спаси, господи, кагана нашего», вероятно, было сделано или в день «резанья желве» — неудачной операции, от которой (согласно летописи) Святослав умер 27 декабря 1076 г., или вскоре после операции, но еще до его смерти.

Запись интересна и тем, что она помогает уточнить датировку сооружения северной галереи Софии Киевской, ограничивая ее 1076 г., позже которого о Святославе нельзя было бы говорить как о живом. Несколько ниже записи о кагане (табл. XVII; XVIII) имеется глаголический фрагмент ⰃⰋⰒ (план собора № 13а), который в кирилловской транскрипции означает: ГИП, т. е. начало канонической формулы «Ги помози...»

14. *(Табл. XIX, 1; XX, 1)*.

Граффито обнаружено в крещальне Софийского собора на восточной стене, слева от алтарной абсиды. Запись сделана на стене, которая до пристройки второго яруса наружных галерей являлась западной наружной стеной Софийского собора первого этапа постройки. Граффито находится на высоте около 1,5—1,65 *м* от уровня пола XI в. Его текст:

БЛѪДЪ
СЪТВО
РНЛЪВЪ
СВАТЪ
ДЬNЬ

[95] *Н. П. Лихачев*, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, т. I, стр. 120.

[96] См. запись 9.

Граффито представляет собой покаянную запись и переводится следующим образом: «Блуд совершил в святой день». Под святым днем, по-видимому, имеется в виду какой-то христианский праздник. Справа от надписи той же рукой нацарапан шестиконечный крест на одноступенчатой голгофе.

Из палеографических особенностей надписи отметим употребление Ѫ (большого юса), аналогичного по начертанию соответствующей букве записи 1054 г. о смерти Ярослава (см. граффито № 8). Слово «сътвориша» содержит Ъ после С в первом безударном слоге, т. е. так, как оно писалось до падения глухих.

* * *

В Софийском соборе открыто 15 граффити XI в., представляющих лишь небольшую часть записей, сделанных в древности, но не сохранившихся до нашего времени.

Граффити XI в. — это, в основном, записи памятные и поминальные, которые по содержанию далеки от узкоцерковных интересов. Авторы надписей XI в. проявляли повышенный интерес к событиям отечественной истории общерусского значения. Совсем мало надписей начинаются канонической формулой «господи, помози рабу своему...

Граффити XI в. обнаруживают не только близость к летописям, но и конкретно связаны с ними, что выразилось в сходстве хронологии, языка, содержания и формы.

Палеография граффити XI в. и письменных памятников этого времени тождественна, за исключением некоторых особенностей, вызванных, вероятно, спецификой выцарапывания букв по фресковой штукатурке. Отдельные надписи выдают руку опытных каллиграфов-книжников, возможно, причастных к летописанию.

Датировка надписей XI в. в большинстве случаев не вызывает сомнения. Одни содержат прямые даты, другие датируются по упоминанию исторических лиц, остальные — по палеографическим признакам. Особый вид сокращенной датировки (без указания года) наблюдается в поминальных граффити, в которых ставится только месяц и число, достаточные для поминания. Этот прием датировки оказал влияние и на некоторые памятные записи, где иногда также указывается только месяц и число события.

Граффити XI в. представляют большой интерес как исторический источник. По данным граффити уточняется дата смерти Ярослава Мудрого

(20 февраля 1054 г.), устанавливается факт применения к Ярославу титула царя, употребления по отношению к великому князю (Святославу Ярославичу) хазарского титула — каган; в одном из них упоминается неизвестный по летописи мир, заключенный на Желяни у Киева во время княжения Святополка Изяславича, и др.

Граффити XI века обнаружены в различных частях Софийского собора: в центральном нефе, Георгиевском и Михайловском приделах, южной и северной наружных галереях. Надписи, содержащие княжеские имена, писались крупным почерком и располагались на значительной высоте от уровня древнего пола.

ГЛАВА II

ГРАФФИТИ XII в.

АВТОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ И ПРОЧИЕ ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ. Среди граффити Софии Киевской довольно значительное место занимают памятные записи автографического характера. В наиболее простой форме они представляют лишь имена писавших.

15. *(Табл. XIX, 2; XX, 2).*

Граффито с именем

ЖИЗНОБОУДЪ

т. е. «Жизнобуд», обнаружено на южной стене Георгиевского придела.

16. *(Табл. XI; XII).*

ДИМИТРЪ — имя Димитр. Граффито начерчено в трансепте (поперечном главном нефе), на восточной плоскости второго от алтаря южного крещатого столба, недалеко от рассмотренной выше записи № 9.

Более сложную и многочисленную группу автографических записей составляют граффити со словом ПСАЛЪ (писал), именем, отчеством или другим более обширным комментарием.

17. *(Табл. XXI, 1; XXII, 1).*

Надпись расположена на втором от алтаря южном крещатом столбе, на фреске, изображающей Николая. Она состоит всего из двух слов: МАТѢИПСАЛЪ, т. е. «Матей (Матвей или Матфей) писал». Граффито сделано энергичным почерком, по-видимому, рукой, привыкшей владеть пером. Буквы надписи геометричны, далеко отстоят друг от друга, снабжены ограничительными штрихами (подсечкой). Буква **А** аналогична этой же букве датированной записи 1052 г. (граффито № 3), Ѣ — написана с перекладиной, не доходящей до верхнего

уровня строки. Эти начертания букв говорят в пользу датировки граффито XI в.

18. *Запись с именем Ставра Городятинича*[1] *(табл. XXIII; XXIV).*

Находится в центральном нефе собора, на втором от алтаря южном крещатом столбе, начерчена по фреске, изображающей Николая, на высоте 1.1 *м* от уровня пола XI в. Текст граффито:

ПСАЛЪ
СТАВЪ
РЪГОРО
ДАТИНИ[Н]
ЧЬ

(«Писал Ставр Городятинич»). Эта запись интересна упоминанием в ней имени Ставра Городятинича. Невольно вспоминаются из «Поучения» «пути» Владимира Всеволодовича Мономаха: «А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есть тружал, пути дея и ловы с 13 лет. Первое, к Ростову идох сквозь Вятиче—послал мя отець, а сам иде Курьску и пакы, 2-е к Смолиньску со Ставком с Гордятичем, тои пакы и отьиде к Берестию со Изяславом, а мене посла Смолиньску...»[2]

В рассматриваемой записи отчество написано с полногласием: «Городятинич». Ставко, несомненно, является уменьшительным от имени Ставр. В граффито и в «Поучении» Владимира Мономаха совпадает не только имя Ставр, но и отчество Городятинич. Поэтому трудно сомневаться в том, что Ставко Гордятич «Поучения» и Ставр Городятинич, упомянутый в записи на стене Софийского собора, являются не одним и тем же историческим лицом, тем более, что имя Ставр представляло в древности значительную редкость[3]. Итак, в надписи идет речь о воеводе Всеволода Ярославича Ставре Городятиниче, с которым Владимир Мономах совершил свой второй поход к Смоленску. Этот поход И. М. Ивакин

---

[1] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 151; *Б. А. Рыбаков*, Древняя Русь, М., 1963, стр. 128, 129.

[2] Повесть временных лет, т. I, стр. 158; Как доказал И. М. Ивакин, вместо читающегося в «Поучении» ...со Ставком Скордятичем...» следует читать «со Ставком Гордятичем (Князь Владимир Мономах и его «Поучение», ч. I, М., 1901, стр 5—8); *Д. С. Лихачев*, Статьи и комментарии, в кн.: Повесть временных лет, т. II, стр. 440.

[3] *А. И. Соболевский*, Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии, СПб., 1910, стр. 237.

и А. С. Орлов относили к 1069—1070 гг. [4], а Д. С. Лихачев — к 1068 г. Последний, комментируя «Поучение» Мономаха, указывает, что имя Ставка Гордятича не встречается в других древнерусских источниках [6]. Б. А. Рыбаков, вслед за О. Ф. Миллером, среди исторических лиц, связанных с былинами, приводит имя Ставра — боярина, упоминаемого летописью под 1118 г. с прибавлением отчества «Городятинич», отождествляя его с былинным героем Ставром Городиновичем и со Ставком Гордятичем «Поучения» Мономаха [7].

Палеографические особенности начертания букв граффито следующие: Ѱ написано как в XII в.[8], буква Ү — в виде чаши на довольно высокой ножке, **Р** — малого формата, с короткой вертикальной мачтой, не выходящей в междустрочное пространство, и с петлей в виде острого угла. Подобное малоформатное **Р** встречено также в рассмотренных выше записях (№ 3—1052 г. и № 4 — о погребении Андрея-Всеволода Ярославича в 1093 г.).

Рядом с рассмотренной находится еще одна запись с упоминанием имени Ставра, которая явно связана с первой.

19. *Вторая запись с именем Ставра (табл. XXIII; XXIV).*

ГНПОМОЗНРА
БУСВОЕМУСТА
ВЪРОВННЕДОСТО
ННОМУРАБУТВ[ОЕМУ]

(«Господи, помози рабу своему Ставрови, недостойному рабу твоему»). Взаимное расположение 18 и 19 граффити и упоминание имени одного и того же лица говорит об их несомненной близости друг к другу. Палеографические различия между этими записями сводятся к начертанию буквы **Р**, которая в первом случае, как мы отмечали, имеет малый фор-

---

[4] *И. М. Ивакин*, Князь Владимир Мономах и его «Поучение», ч. I; *А. С. Орлов*, Владимир Мономах, М. — Л., 1946, стр. 141.

[5] Повесть временных лет, т. II, М. — Л., 1950, стр. 440.

[6] *Там же.*

[7] *Б. А. Рыбаков*, Исторический взгляд на русские былины, «История СССР», 1961, № 6, стр. 88; *его же*, Древняя Русь, стр. 127—129.

[8] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, стр. 100.

мат, а во втором — мачта этой буквы очень длинна и выступает далеко в междустрочное пространство. Очень похожи в сравниваемых граффито начертания букв Λ, Г, О, Ъ. Аналогично в обоих случаях написано имя «Ставр», с **Ъ** после **В**.

Вполне вероятно, что в «Поучении» Владимира Мономаха, Новгородской летописи, древнерусских былинах и, наконец, в двух граффити Софийского собора имеется в виду одно и то же историческое лицо — Ставр Городятинич[9], время упоминания которого как в летописи 1118 г., так и в «Поучении» (1069—1070 гг.) подтверждается палеографической датировкой рассмотренных записей.

20. *Запись дьяка Ивана*[10] *(табл. XXI, 2; XXII, 2).*

Находится в южной галерее на фреске, изображающей Онуфрия.

ИВАНЪ
ДЬѦКЪДА
ВЪІДОВЪ

(«Иван дьяк Давыдов»). Граффито процарапано четким почерком, буквы имеют некоторый наклон вправо, снабжены ограничительными штрихами. Буква **В** близка соответствующей букве надписи 1052 г. Рассматриваемое граффито представляет единственную из встреченных в Софии Киевской достоверную запись писца-профессионала.

Слово «Давыдов» не является отчеством Ивана, так как в этом случае оно стояло бы сразу же вслед за именем, и запись имела бы построение «Иван Давыдов — дьяк». Оно определяет отношение Ивана к некоему Давиду, при котором тот был дьяком. О самом Давиде ничего не сказано, что, по-видимому, указывает на его большую, во время написания граффито, известность. Не имеется ли в виду кто-либо из князей, например, Давид Святославич, Давид Ростиславич или Давид Игоревич? Дьяк Иван не ограничился одной записью. Несколько выше читается сделанное тем же почерком другое граффито.

21. *Вторая запись Ивана (табл. XXI, 3; XXII, 3).*

ИВАНЪѰ̄Л|Ъ|

[9] *Б. А. Рыбаков* считает, что запись 18 («Писал Ставр Городятинич») сделана неким киевлянином с целью удостоверить автограф Ставра (запись 19).

[10] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 151.

т. е. «Иван писал»; под именем Ивана видны буквы: Б.З.Е. Оба граффити предположительно датируются XII в.

22. *Запись Воинега из Полоцка*[11] *(табл. XXV, 1; XXVI, 1).*

Находится, как и предыдущие граффити, на фресковом изображении Онуфрия.

ВОИНЕГЪЧЛЪ ЖУРАГОВИ
ЦЬПОЛОЦАНИНЪ

(«Воинег писал Журяговиць полоцянин»). Запись сделана довольно неуверенно, писавший путал написание букв Н и И в имени Воинег. Автор был выходцем из г. Полоцка, «полоцянин». Автограф Воинега сделан на другой, более ранней надписи, содержание которой, несмотря на утраты отдельных букв, может быть восстановлено после разбора надписи № 22.

23. *(Табл. XXV, 1; XXVI, 1).*

СЪПОДОБИМАГРѢШЬН[А]
Г[О]ОТЪЧЕХВѢДАНЕПО
БИСНОУАЗЪСЪОНѢМИ
ЧРЬНИЦАМИ

Надпись начинается необычным для граффити, обнаруженных в Софии Киевской, словом «съподоби». Глагол «съподобити» обозначает находить достойным[12], удостоить. Между строк записи Воинега, как раз посредине, читается «от чех», т. е. от чехов, но твердой уверенности в таком чтении нет. Возможно, этот фрагмент следует читать как «отче» или «старче», но тогда неясно, какое слово начинается на букву Х, быть может имя Хвод или Хвед (испорченное от «Федор»). Запись представляет обращение к Онуфрию, которого вполне можно назвать «старче». Чтение надписи: «Удостой меня, грешного Федора, отче, и не побей снова, я с теми чернецами». В записи идет речь о выполнении какого-то обета.

---

[11] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 152.

[12] Словарь древнего славянского языка.., стр. 828.

Палеография граффито: буква **А** с острой петлей, **З** с большим горизонтальным навесом, **Н** с прямой перекладиной, наклонная линия буквы N опущена не с самого верха левой мачты и не доходит до низа правой мачты, буква Ү на высокой ножке, чаша не замкнута. Буквы записи глубоко прочерчены, геометричны и далеко отстоят друг от друга. Рассматриваемое граффито по почерку напоминает запись о погребении в 1093 г. Всеволода Ярославича (см. запись 4). Нашу запись можно отнести к концу XI — началу XII вв.

24. *(Табл. XXV, 2; XXVI, 2).*

Надпись обнаружена в центральном нефе собора на втором от главного алтаря крещатом столбе, на фреске, изображающей Николая. Она расположена возле граффити 18 и 19.

Первая часть граффито довольно сильно повреждена из-за выветривания штукатурного слоя, но надпись глубоко процарапана, поэтому ее содержание, несмотря на утраты отдельных букв, вполне ясно. Текст граффито:

МНХАЛЬУБОГЪІНАГРѢХ[ОМ]
БОГАТЪІНѰЛЪ[ГН]ПОМО
ЗНЄМЪ

(«Михаль убогий, а грехом богатый писал, господи, помози ему»). Граффито является типичной монашеской записью. Имя Михаль много раз встречается в летописи.

Палеографические особенности начертания букв: **З** с большим навесом, в букве **Ы** сочетаются **Ъ** с **І**, что говорит об XI—XII вв. [13], буква Ѱ имеет древнее начертание, примерно XI в. [14]

25. *Запись о Бояновой земле*[15] *(табл. XXVII; XXVIII).*

Обнаружена под масляной живописью XIX в. в южной внешней галерее (Апостольский придел), на столбе с фресковым изображением Онуфрия, на высоте 2,1 *м* от уровня пола XI в. Текст граффито:

---

[13] *А. И. Соболевский*, Славяно-русская палеография, СПб., 1908, стр. 52.

[14] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, стр. 100—101.

[15] *С. А. Высоцкий*, Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской, «История СССР», 1964, № 3, стр. 112—117.

МЦꙖѤNАРꙖВЪ·Л· СТГОИП[ОЛИ]ТА
КРИЛАЗЕМЛЮКNАГЪІN-ИБОꙖNЮ
ВСЕВОЛОЖААПЕРЕДЪСТОЮСОФИѤЮ
ПЕРЕДЪПОПЪІАТȢБЪІЛЪПО
ПИNЪꙖКИМЪДЪМИЛОПАТЕЛЕИ
СТИПЪКОМИХАЛЬКОNѢЖЬNОВИЧ
МИЛАДАNИЛОМАРКОСЬМЬЮNЪМИХАЛ
ЕЛИСАВИNИЧЬИВАNЪꙖNЪЧЬИNЪ
ТȢДОРЪТОȢБЪІNОВЪ·ИЛЬꙖКОПЪІ
ЛОВИЧЬТȢДОРЪБЪРЗАТИЧЬАПЕРЕ
ДЪТИМИПОСЛȢХЪІКȢПИЗЕМЛЮКNА
ГЪІNИБОꙖNЮВЬСЮ·АВЪДАЛАNАNѤИ
СЕМЬДЕСАТЪГРИВЬNЪСОБОЛИИАВЪТОМЬ
ДРАNИЦЬСЕМЬСЪТȢГРИВЬNЪ —

Надпись содержит четырнадцать строк. Она сделана по фресковой штукатурке XI в., испещренной многочисленными царапинами, выбоинами и остатками более ранних записей. Несмотря на это, текст удается прочесть полностью.

В первой строке граффито содержится датировка, к сожалению, не полная, указан только месяц ѤNАРꙖ (января) и число ·Л· (30). Кроме того, в тексте имеется ссылка на день памяти святого, в который произошло указанное событие. Полностью имя святого в надписи не сохранилось из-за выпада штукатурного слоя, уцелели только две первых и две последних буквы: **ИП** и **ТА**; это соответствует имени Ипполит, день памяти которого действительно отмечали 30 января.

Первое слово, стоящее во второй строке — КРИЛА, форма глагола прошедшего времени (перфект) от КРИТИ, употребляемого наряду с КЬРNОУТИ и КРЪІТИ, что в переводе означает «купить» [16]. Изредка глагол «крьнути» встречается вместо «купити» в письменных памятниках древней Руси. Например, в договоре 945 г. между князем Игорем и Византией: «Паволок аще кто крьнеть, да показывает цареву мужу» [17];

[16] Словарь древнего славянского языка..., стр. 341. Слово «къринуть» встречено также в новгородской берестяной грамоте начала XII в. (см. *А. В. Арциховский* и *В. И. Борковский*, Новгородские грамоты на бересте, М., 1958, стр. 42—43, № 160).

[17] Повесть временных лет, т. I, стр. 36.

в «Русской Правде»: «Аще кто кренеть чюж холоп не ведая... («Пространная Правда», статья 118).

Некоторое сомнение при чтении слова «крила» рассматриваемой надписи может вызвать буква К [18], напоминающая **Ю**. Это объясняется тем, что крючок верхней части буквы **К**, опущенный вниз, дополняется выбоиной штукатурки, что хорошо видно при рассмотрении граффито в натуре. Противоречит также чтению этой буквы как **Ю** и отсутствие горизонтальной линии, которая должна соединять обе части последней.

В пользу предложенного чтения первого слова второй строки говорит отсутствие в начальной части нашего граффито другого глагола, который бы мог быть сказуемым, а также употребление в 11 строке надписи равнозначного глагола («купити»).

На уровне четвертой и шестой строк, справа, прослеживаются остатки еще какой-то ранней записи. Удается прочесть только:

Г͞НПОМОЗНРА
БУСВОЄМО[У]
ГЄОРЪГН[Ю]

(«Господи, помози рабу своему Георгию...»).

Ниже седьмой строки, справа, находится изображение шестиконечного креста с буквами I͞С.Х͞С.N͞Н.К͞А и пальмовыми листьями с обеих сторон. Над крестом имеются остатки еще одной записи, из которой читается всего одно слово, по-видимому, имя —

ВОНNАТА

т. е. Воинята. Крест и надписи возле него были сделаны раньше, чем рассматриваемое граффито 25, о чем можно судить по сдвигу строк последнего влево, а также по тому, что в 13 строке буквы **М** и **Ь** написаны с таким расчетом, чтобы не испортить рисунка.

В непосредственной близости от этого граффито, сразу же вслед за последней строкой, написано крупными буквами и другим почерком:

КЪСNАТНNЪ
КЪСNАТНNЬОТРОКЪ

---

[18] Буква ү (перед К) этой строки относится к другой надписи, расположенной слева от рассматриваемой.

Рис. 5. София Киевская. Южная наружная галерея. Фреска «Онуфрий» с записями:

1 — о Бояновой земле; 2 — о смерти Луки Белогородского.

По интервалам между строками граффито 25 видно, что с одиннадцатой строки автор начал сокращать расстояния между строками, стараясь «уложить» запись на оставшемся месте. Это говорит о том, что запись о Константине была сделана раньше, чем текст рассматриваемого граффито.

В середине текста последнего находится изображение голубя с веткой в клюве.

Рассматриваемая запись читается следующим образом: «Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софиею, перед попами, а тут были: попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьюн, Михал Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубынов, Илья Копылович, Тудор Борзятич; а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в этом [заключается] часть семисот гривен».

В первой половине записи, непосредственно за датой, говорится о покупке Бояновой земли княгиней Всеволодовой при «послухах» — свидетелях. Имена свидетелей перечислены, всего их 12 человек. Вначале, по-видимому, упоминаются имена попов Софии, к которым можно отнести Пателея Стипка, Михалька Неженовича, Михаила [19], Данила, Марка, Семьюна, Михала Елисавинича. Затем следует имя Ивана Янчина, попа Андреевского — Янчина монастыря, основанного в Киеве Всеволодом Ярославичем для своей дочери Янки в 1086 г. Вряд ли слово «Янчин» означает отчество от имени Ян, так как тогда надо было бы ожидать формы «Янев». В нашем случае Янчин — производное не от мужского имени Ян, а от женского Янка, но так как отчество переходит к сыну по отцовской линии, следовательно, имеется в виду не отчество, а прозвище, поясняющее, что упомянутый Иван был попом Янчина монастыря.

После Ивана Янчина в надписи упоминаются Тудор Тубынов, Илья Копылович и Тудор Борзятич.

В граффито и летописи со второй четверти XII в. встречаются одни и те же имена: Тудора, тиуна вышгородского [20], Михаила, митрополита

---

[19] Имя в тексте написано сокращенно — под титлом в виде крестика.

[20] Ипат., стлб. 321.

Киевского [21], попа Семьюня, духовника киевского князя Ростислава Мстиславича [22] и др.

Среди свидетелей, упоминаемых в граффито, только один из них, Яким Домило, помимо имени и отчества, назван еще «попыном», т. е. выходцем из попов, как считал М. Д. Приселков, комментируя указание летописи о поставлении попына Прохора в 1112 г. игуменом Печерского монастыря [23]. Но из начальных слов записи нам известно, что событие произошло «перед стою Софиею перед попы». Следовательно, выделение Якима особым термином «попын» из числа прочих свидетелей указывает, вероятно, на то, что он был не простой поп. Действительно, Яким Домило не только выделен, но и поставлен первым среди послухов, что, учитывая несомненное перечисление свидетелей по старшинству, явно указывает на его высокий пост в церковной иерархии. Поэтому есть основания полагать, что в качестве свидетеля княгини Всеволожей под именем Якима Домило в граффито упоминается епископ Туровский — Яким (Аким), имя которого читается в летописи под 1144 и 1146 гг. [24] Подтверждается это не только совпадением имен и приведенными соображениями, указывающими на высокий церковный пост Якима, а и палеографической датировкой надписи.

Во второй половине записи довольно трудны для понимания заключительные строки: «купила княгиня землю Боянову всю, а вдала на ней семьдесят гривьн соболии, а в томь драниць семьсту гривьн». В первую очередь, возникает вопрос: что означает слово драница? Точного значения его, к сожалению, не удалось установить по имеющимся древнерусским словарям, поэтому обратимся к смысловой стороне этой части надписи. На первый взгляд получается, что за Боянову землю княгиня уплатила семьдесят гривен. Эти семьдесят гривен явно имеют какое-то отношение к сумме в семьсот гривен. Возможно, речь идет о задатке или соотношении между собольими и куньими гривнами? Все же нам кажется наиболее вероятным, что 70 гривен — одна десятая часть от 700, например, церковная десятина. По содержанию надписи слово

---

[21] Ипат., стлб. 341.

[22] *Там же*, стлб. 529.

[23] *М. Д. Приселков*, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII в., стр. 325; Лавр., вып. 2, стлб. 364; Повесть временных лет, т. I, стр. 195.

[24] Лавр., вып. 2, стлб. 364; Ипат., стлб. 529.

«драницъ» означает часть, отрезок, кусок. Это как будто подтверждается близким ему по значению словом «дранина» — часть чего-либо, отодранная от целого [24а]. Но не исключена возможность, что слово «драницъ» означает дар и является результатом метатезиса (перестановки) букв Д и Р в слове «дарницъ» [25].

Следовательно, в граффито говорится как о покупке княгиней Всеволодовой Бояновой земли, так и об уплате 70 гривен, составивших, вероятно, церковную десятину от всей стоимости земли в 700 гривен.

Десятина, по-видимому, была внесена княгиней в Софийский собор, если судить по тому, что граффито сделано на одной из его стен.

Десятая часть от 700 гривен была уплачена «собольими гривнами», вероятно, гривнами соболей.

В 1160 г. Ростислав Мстиславич, наряду с другими дарами, подарил Святославу Ольговичу и собольи меха: «да бо Ростислав Святославу собольми и горностайми, и черными кунами, и песцы, и белыми волкы, и рыбьими зубы» [26] Под 1193 г. в Новгородской летописи имеется указание о том, что Югра платила дань Новгороду, в которую также входили собольи меха: «копим серебро и соболи и ина узорочья», отвечали послы восставшей Югры новгородцам, желая хитростью затянуть время, чтобы собрать «вои».

Соболий мех в древней Руси очень ценился, как об этом можно судить по приведенным выше примерам из летописей. Среди даров Ростислава Мстиславича соболя упоминаются на первом месте, им отдается явное предпочтение перед другими мехами — горностаями, черными кунами, песцами и др. То же самое наблюдается и в летописном упоминании югорской дани, где о соболях речь идет сразу же вслед за серебром, а остальные ценности названы просто «ина узорочья».

Выражение стоимости в гривнах и в мехах, как и в рассматриваемой записи, встречено также в «рукописании» владимиро-волынского князя

[24а] Словарь церковного славянского и русского языка, т. I, 2 изд., СПб. 1867, стр. 772.

[25] Подобное толкование слова «драницъ» было предложено научным сотрудником Института языковедения АН УССР А. И. Багмут. Следует иметь в виду и то, что вместо буквы Р в этом слове, возможно, надо читать О, а все слово доаницъ, т. е. дар. Смысл надписи при этом остается прежним.

[26] Ипат., стлб. 504.

Владимира Васильковича: «А село есмь купил Березовиче у Юрьевича у Давыдовича Федорка, а дал есмь на немь 50 гривн куп, 5 локоть скорлота да броне дощатые» [27]

Стоимость Бояновой земли в 700 гривен весьма значительна, особенно по сравнению с другими летописными примерами. В 996 г. Владимир Святославич на празднике в честь постройки церкви Преображенья в Васильеве роздал нищим 300 гривен [28]. Ярослав Владимирович (Мудрый), будучи новгородским князем, платил Киеву ежегодную дань в 2000 гривен [29] В 1114 г. Киевский князь Всеволод Ольгович взял у галицкого князя Василька контрибуцию в 1400 гривен, которую разделил между участниками похода: «Сребра же собе Всеволод не прия один, но роздая братьи на части» [30] Следовательно, даже части указанной суммы в 1400 гривен были щедрыми дарами, вызвавшими удивление летописца. Под 1158 г. летописец особо подчеркивает вклад, сделанный в Печерский монастырь минским князем Глебом Всеславичем и его вдовой: «Глеб же вда в животе своем, с княгинею 600 гривен серебра, а 50 гривен золота, а по княжи животе книгини вда 100 гривен серебра, 50 золота; а по своем животе вда княгыни 5 сел и с челядью, и все да и до повоя» [31].

Очень важно для уяснения смысла записи уточнение ее даты. Сокращенная датировка с упоминанием только месяца и числа характерна для поминальных надписей, встреченных в Софийском соборе. Употребление сокращенной датировки в записи о Бояновой земле свидетельствует о прочной традиционной форме настенных поминальных надписей, от которой не смог отказаться и автор настоящей памятной записи. С целью определения даты граффито рассмотрим его палеографию.

А — с петлей в виде острого угла, примыкающего к наклонной спинке, иногда нижняя часть петли несколько закруглена.

Б — преобладает несимметричное начертание с сокращенной верхней и набухшей нижней частью, но имеется и тип, отличающийся почти полной симметричностью буквы.

Ж — встречено дважды. В одном случае буква имеет древнейшее звездооб-

[27] Ипат. стлб. 904.

[28] Повесть временных лет, т. I, стр. 85.

[29] *Там же*, стр. 88.

[30] Ипат., стлб. 316.

[31] *Там же*, стлб. 492—493.

разное начертание, характерное для XI—XII вв.[32], а во втором — ее симметрия значительно нарушена.

З — с большим горизонтальным навесом и длинным хвостом, направленным к началу строки. По начертанию близко соответствующей букве Юрьевского евангелия 1118—1128 гг. [33], а также одному из типов буквы З берестяной новгородской грамоты XI—XII вв. «От Гостяты к Васильви» [34].

Н — во всех случаях с горизонтальной перекладиной.

И — встречается двух видов: древнейшего, при котором перекладина опущена с самого верха одной до самого низа другой мачты, и более позднего, при котором перекладина хотя и опущена с самого верха, но доходит только до середины (или несколько ниже середины) противоположной мачты. Эти типы букв, по определению В. Н. Щепкина, преобладали в XII—XIII вв. [35]

Р — с головкой в виде неправильного овала, а иногда и треугольника, прильнувшего к вертикальной мачте, которая в некоторых случаях имеет небольшой изгиб.

У — во всех случаях в виде лигатуры ȣ (ОУ).

Ч — имеет очень своеобразное начертание, при котором чаша представляет собой подобие треугольника с незамкнутой вершиной, опирающегося основанием на высокую ножку. Полных аналогий этому начертанию в работах по палеографии И. И. Срезневского, Я. И. Трусевича, А. И. Соболевского, В. Н. Щепкина, Е. Ф. Карского, Л. В. Черепнина и в берестяных новгородских грамотах [36], а также среди других граффити Софийского собора в Киеве не встречено.

---

[32] *А. И. Соболевский*, указ. соч. стр. 50.

[33] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист. III, *25*.

[34] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте, М., 1953, табл. к стр. 40.

[35] *В. Н. Щепкин*, указ. соч., стр. 103.

[36] *И. И. Срезневский*, Славяно-русская палеография XI—XIV вв., СПб., 1885; *Я. И. Трусевич*, указ. соч.; *А. И. Соболевский*, указ. соч.; *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии; *Е. Ф. Карский*, указ. соч.; *Л. В. Черепнин*, Русская палеография; *А. В. Арциховский*, Новгородские грамоты на бересте, М., 1954; *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, указ. соч.

ѣ — мачта буквы не возвышается над строкой, но коромысло приподнято почти до верхнего уровня строки, как в XII в. [37]

ꙗ — соединительная черта горизонтальна, немного приподнята и примыкает к верхней трети А, петля которого несколько закруглена. Этот тип начертания, по определению Е. Ф. Карского, относится к XIII в. Он встречается в Кормчей 1284 г., Хутынском служебнике, Холмском евангелии [38].

ѥ — горизонтальная соединительная черта примыкает к середине йота, как в рукописях XI—XII вв. [39]

К наиболее архаичным буквам рассматриваемой записи относятся ж и з, но преобладают более поздние типы начертаний букв: несимметричное в,н с перекладиной, опущенной до середины правой мачты, ѣ с коромыслом в верхнем уровне строки, ꙗ с приподнятой соединительной линией. Запись относится ко времени, когда процесс падения глухих Ъ и Ь еще не был завершен [40] Слабые глухие Ъ и Ь в первом безударном слоге уже исчезают (княгыни, а не кънягыни; Всеволожа, а не Вьсеволожа), но сильные еще сохраняются в словах Дъмило (а не Домило), Бързятич (а не Борзятич) и др.

Совокупность палеографических и фонетических признаков позволяет отнести рассматриваемое граффито ко второй половине XII в.

Важное значение для определения смысла и даты записи имеет текст второй строки: «крила землю Боянову княгиня Всеволодова». Попытаемся установить, какая историческая личность фигурирует в записи под именем княгини Всеволожей. В пределах второй половины XI и начала XII вв. в летописи так дважды была названа супруга Всеволода Ярославича под 1097 и 1111 гг.

Вдова Всеволода Ярославича, после смерти своего супруга в 1093 г. принимала довольно активное участие в политической жизни Киева. По словам летописца, благодаря ей был ликвидирован конфликт Владимира Мономаха, Олега Святославича и Давида Святославича со Свято-

---

[37] *В. Н. Щепкин*, указ. соч. стр. 100.

[38] *Е. Ф. Карский*, указ. соч. стр. 206.

[39] *А. И. Соболевский*, указ. соч., стр. 50.

[40] Л. П. Якубинский, вслед за А. А. Шахматовым, указывает, что процесс падения глухих в южных древнерусских говорах завершается во второй половине XII в. (*Л. П. Якубинский*, История древнерусского языка, М., 1953, стр. 143).

полком Изяславичем, вспыхнувший в 1097 г. из-за ослепления Василька Теребовльского. Вдова Всеволода Ярославича умерла в 1111 г. и была похоронена в Киеве в Андреевском (Янчином монастыре) [41]

Княгиней Всеволожей была названа летописцем и супруга Всеволода Ольговича, упомянутая летописью в год ее смерти (1179): «Преставися княгиня Всеволожая, приемьши на ся черничьскую скиму и положена бысть в Киеве у святого Кюрила, юже бе сама создала [42].

Полное имя супруги Всеволода Ольговича известно из Густинской летописи, где под 1179 г. имеется следующая запись: «Преставися благоверная княгиня Мария Всеволодовая, мати Святославля» [43] С именем супруги Всеволода Ольговича летопись связывает и сооружение в Киеве Кирилловской церкви.

В рассматриваемой надписи нет прямых указаний на то, о какой княгине в данном случае идет речь: о вдове Всеволода Ярославича или о вдове Всеволода Ольговича, поэтому важное значение приобретает палеографическая датировка, на основании которой надо отдать предпочтение Марии Мстиславне, супруге Всеволода Ольговича, так как ее жизнь и деятельность больше соответствует XII в. Хорошо согласуется с таким предположением и упоминание в записи среди свидетелей-попов епископа Якима — ставленника Всеволода Ольговича, занимавшего Туровскую кафедру с 1144 г. [44]

Большой интерес вызывает упоминающееся в надписи имя Боян. Оно встречено в виде притяжательного прилагательного «боянѭ» (от Боянъ, им. п. Боянь). В «Слове о полку Игореве» несколько раз встречается имя Бояна, «соловия старого времени», поэта древней Руси. Оно отмечено также в других письменных источниках; например, в Рядной Тешаты и Якима (1266—1291 гг.) среди свидетелей — «послухов» назван Боян [45].

В Новгородской летописи упоминается «Боянья улка», на которой в 1300 году была построена церковь Дмитрия, а в 1326 году «загореся на Бояни улке» [46].

---

[41] Ипат. стлб. 273.
[42] *Там же*, стлб. 612.
[43] ПСРЛ, т. II, вып. III, Ипатьевская летопись, СПб. 1843, стр. 317.
[44] Ипат. стлб. 314.
[45] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.— Л. 1949, стр. 317.
[46] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 91, 97.

Боянова земля нашей записи, кроме указания на ее принадлежность, не имеет каких-либо примет, говорящих о ее местоположении, границах («обводах») или площади, как это обычно наблюдается в купчих грамотах Новгорода и Пскова. Это еще раз подтверждает то, что Боянова земля была хорошо известна «послухам».

Термин «земля», как это можно судить по новгородским и псковским грамотам (правда, более позднего времени), объединял двор, пахотные земли, луга, леса с перевесищами и ловищами и т. д.

Боянова земля также состояла из многих частей, поэтому автор граффито особо подчеркивает, что княгиня купила ее всю, следовательно, можно было приобрести и часть этой земли.

К сожалению, местоположение земли Бояна остается для нас неизвестным. Возможно, что упоминаемая в надписи земля некогда имела какое-то отношение к Бояну «Слова о полку Игореве». Ко времени написания граффито Бояна уже не было в живых, но память о нем и местах, связанных с его именем, могла сохраняться в народе, совершенно так же, как до нашего времени в Киеве уцелели названия, связанные с его древней историей и топографией, например: Аскольдова могила, Дорогожич и др. Поэтому автор записи, сделанной на стене Софии Киевской, мог ограничиться всего лишь лаконичным указанием на принадлежность данной земли Бояну.

Памятное граффито, обнаруженное в Софии Киевской, является своеобразным юридическим документом, содержащим одно из наиболее ранних известий, в которых земля выступает как товар.

26. *(Табл. XXVII; XXVIII).*

Как уже упоминалось, ниже рассмотренной записи находится граффито, сделанное несколько раньше, начерченное крупным почерком и состоящее из двух строк: «Къснятинъ, Къснятинь отрок».

Имя «Къснятин» (Константин) встречается в летописи в различных вариантах: то как Къснятин — боярин новгородский, то как Коснячко — воевода киевский [47].

В конце второго слова Къснятинь стоит не Ъ («ер»), а Ь («ерь»), следовательно, это не имя собственное, а краткое притяжательное прилага-

[47] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 39, 189; Повесть временных лет, т. I, стр. 114.

тельное от Късиятинь, поэтому в переводе надо читать: «Константин, Константинов отрок». Точно так же, как в Мстиславовой грамоте 1130: «се азъ Мьстиславъ Володимирь сынъ» [48], т. е. «это я Мстислав, Владимиров сын».

Надпись, по-видимому, была сделана неким Константином, отроком (слугой или воином) своего тезки Константина, связанным с последним какими-то вассальными отношениями.

По своему характеру граффито о Константине несколько отличается от подобных записей, встреченных в Софии Киевской, в которых обычно перед именем или после имени автора следует слово «псал».

БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ. Наиболее многочисленными из надписей, обнаруженных в Софии Киевской, являются граффити, начинающиеся уже встреченной нами среди записей XI в. широко известной в старославянских памятниках канонической формулой «господи, помози рабу своему». Н. П. Лихачев, указывая на большую древность этой формулы, отмечает, что в Византии она встречается еще в доиконоборческий период — на монетах Ираклия (610—641 гг.), Феофила (829—842 гг.) и др. [49] Во время наибольшего влияния Византии на молодое русское государство формула «господи, помози» нашла широкое отражение в многочисленных письменных древнерусских памятниках. Известно много печатей, змеевиков, ювелирных изделий и других памятников вещевой палеографии, содержащих эти слова. Общеизвестны также подобные надписи на Двинских камнях. Они встречены и на кирпичах, обломках штукатурки [50], среди берестяных новгородских грамот. Но наибольшее распространение указанная формула получила, по-видимому, в настенных храмовых записях. При изучении граффити Софии Новгородской с нею столкнулся В. Н. Щепкин [51]. Первое знакомство с граффити Софии Киевской заставляло думать,

---

[48] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.— Л., 1949, стр. 140.

[49] *Н. П. Лихачев*, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 104.

[50] *М. К. Каргер*, Археологические исследования древнего Киева, К., 1950, стр. 226, рис. 164.

[51] *В. Н. Щепкин*, Новгородские надписи «graffiti», стр. 35.

что большинство настенных древних записей сделаны по одному образцу и начинаются словами: «господи, помози рабу своему». Однако, наибольшее распространение эта формула получила только в XII в.

Первые граффити Софии Киевской этой группы, с упоминанием видных исторических лиц: Мартирия, архиепископа Новгородского и Василия-Владимира Мономаха, были обнаружены М. К. Каргером и изданы Б. А. Рыбаковым [52].

Несмотря на однообразное построение, эти записи часто содержат ценный палеографический, лингвистический, а иногда исторический материал в виде дополнительных комментариев их авторов.

27. *Запись об Олисаве, вдове Изяслава Ярославича* [53] *(табл. XXIX; XXX).*

Значительный интерес в связи с изучением древних граффити представляют хоры («полати») Софии Киевской, где во время церемоний находился киевский великий князь, его семья и наиболее приближенные к нему лица. Хоры слева, с северной стороны, предназначались для женщин (гэниконит), а южная половина — для мужчин [54]. Доступ на хоры для простого народа был закрыт.

При обследовании первичной штукатурки в северной части хоров, на втором от алтаря пучковом столбе, на высоте 1,75 *м* от уровня пола XI в. было обнаружено следующее граффито:

ГНПОМОЗНРА
БѢСВОЕНОЛНСАВѢ
СТОПЛЪЧНМА|Т|ЕРН
РУСЬСІКЫІІКЪNАГЪІNН
ААЗЪДОПСЪСЪНNЪНСЪЧНН

Во второй строке содержится женское имя Олисава. Спорным является чтение буквы С, которая может быть принята и за О. По-видимому, края С сомкнулись из-за того, что ее пересекает длинный хвост буквы З из первой строки. В начальной части третьей строки ясно читается «стополъчи», т. е. «святополчей», в слове «матери» той же строки утрачена буква Т.

[52] *Б. Рибаков*, Іменні написи XII ст..., стр. 53.

[53] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 147—182.

[54] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, в кн.: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, т. II, СПб., 1891, стр. 144.

Рис. 6. София Киевская. Хоры, северная сторона. Пучковый столб с граффити:

1 — Олисавы, Святополчей матери; *2* — Михаила-Святополка Изяславича; *3* — варяга Якуна.

Несмотря на то, что граффито находится в северной, «женской» части хоров и в нем названо имя женщины, его автором (точнее, пятой строки) был мужчина, на что указывает форма слова «псал».

Наряду с канонической формулой первой и второй строк надпись содержит обширный комментарий в отличие от остальных граффити этой категории. В целом надпись сравнительно хорошо сохранилась и читается вполне определенно — за исключением пятой строки, толкование которой до последнего времени было весьма спорным.

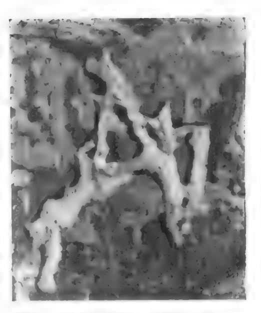

Рис. 7. Макроснимок буквы «Д» пятой строки надписи с именем Олисавы (увеличено в 4,5 раза).

Первые четыре строки записи читаются: «Господи, помози рабе своей Олисаве Святополчей матери русской княгине...»

В пятой строке записи после слов «а азъ...» под титлом значится

пс҃ъ

— «псал», т. е. писал. Перед этим словом имеются еще две буквы: не вызывающее сомнения О и вторая буква, которая нами первоначально принималась за испорченное Т [55], но, как показало дополнительное изучение записи в натуре, этой буквой является Д (рис. 7). Все слово поэтому читается как «допсал», т. е. дописал. Окончание пятой строки, состоящее из двух слов, в предварительной публикации граффито мы предположительно читали как «СЫНЫ СЪУЩИ». Недавно В. Л. Янин предложил читать последнее слово надписи как «СЪЧИИ», т. е. Святополчии, с чем нельзя не согласиться [56]. Но вызывает возражение перевод В. Л. Яниным окончания пятой строки граффито, «сыны съчии», как «сынъ Святополчии». В надписи слово «сыны» читается очень ясно и заменять его словом «сынъ» в единственном числе нет оснований. Подобную замену можно было бы допустить лишь в том случае, если вертикальную прямую во

[55] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 155.

[56] *В. Л. Янин*, Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. Нумизматика и эпиграфика, т. IV, 1963, стр. 142.

второй части буквы Ы и перечеркивающую ее горизонтальную линию признать за посторонние царапины на штукатурке. Но против этого убедительно говорит изучение надписи в подлиннике, где хорошо видны в слове «сыны» обе буквы Ы, одинаково написанные. Поэтому заключительные слова пятой строки правильнее читать не «сын Святополчии», а «сыны Святополчии». При этом следует обратить внимание на максимальное сокращение букв в слове «съчии»; это объясняется тем, что дальше вправо на столбе не было места для продолжения надписи. Несмотря на это, автор последней строки написал слово «съчии» не с одним И в конце, чего следовало бы ожидать из-за отсутствия места и в случае употребления им единственного числа слова «сынъ», а с удвоением буквы И. Это надо отнести к стремлению писавшего согласовать слово «Святополчии» с множественным числом слова «сыны».

В целом пятая строка надписи читается так: «А аз дописал сыны Святополчии». В таком виде пятая строка граффито скорее представляет не продолжение текста об Олисаве, а отдельную приписку, сделанную другим лицом. На это указывают и другие признаки. Пятая строка надписи почти вдвое длиннее предыдущих четырех строк, написана она со сдвигом вправо, формат букв двух последних слов значительно увеличен. Отличается также и написание букв в сравниваемых строках. Так, буква Ʒ в слове «помози» первой строки имеет гораздо больший хвост, направленный к началу строки, чем Ʒ в пятой строке. Особенно показательно начертание буквы ѵ: в основном тексте она написана в виде чаши с закругленными краями, а в слове «съчии» — в виде бокала с почти вертикальными краями на очень высокой ножке ү Оба эти типа буквы ѵ встречаются в письменных памятниках XI в., например, в «Изборнике» Святослава 1073 г. [57], но написание этой буквы одним автором двумя разными способами в кратком тексте граффито представляется маловероятным.

Первые четыре строки граффито, скорее всего, были сделаны самой Олисавой, о чем свидетельствует как место расположения надписи на женской половине хор, так и то, что подобные записи (типа «господи, помози рабу своему»), встреченные в Софийском соборе, написаны обычно от первого лица и не содержат никаких приписок об их исполнителях.

---

[57] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист I, *3*.

Встречаются, правда, граффити этого типа (см. надписи №№ 31, 46), содержащие по два имени, одно из которых принадлежит, по-видимому, автору. Но в этом случае имена написаны таким образом, что к ним обоим в равной мере относятся начальные слова с просьбой. Граффито же Олисавы представляет типичную запись с просьбой о помощи, большое количество которых открыто в соборе. Единственное отличие ее от других текстов этого типа заключается в обширном комментарии, состоящем из двух строк и удостоверяющем, что Олисава была матерью Святополка, «русьской княгыней», т. е., в данном контексте, супругой великого киевского князя. Упоминание сыновей Святополчих в приписке пятой строки следует понимать как стремление автора этой строки приобщить внуков Олисавы к просьбе их бабки, направленной к богу и зафиксированной в надписи на стене Софийского собора. В этом, по нашему мнению, смысл слов: «А аз дописал сыны Святополчии». По указанной причине слова «сыны Святополчии» выделены крупным шрифтом.

В целом граффито читается следующим образом: «Господи, помози рабе своей Олисаве, Святополчей матери, русской княгине. А я дописал сынов Святополчих».

Очень важно установить, какая историческая личность имеется в виду автором граффито. Известны три Святополка, матери которых могли быть названы в XI — начале XII вв. «русскими княгинями», т. е. женами великих киевских князей: Святополк Владимирович, Святополк Изяславич и Святополк Мстиславич.

Святополк Владимирович, как известно из летописи, после смерти Владимира Святославича сделал попытку утвердиться на великокняжеском столе, убив своих братьев Бориса и Глеба. После безуспешной борьбы с Ярославом Владимировичем Святополк умер в 1019 г., за 18 лет до постройки Софийского собора в Киеве (1037). Его мать, согласно летописи, была «грекиней» [58]. Вряд ли надпись, сделанная по поручению матери Святополка Владимировича (Окаянного), убийцы Бориса и Глеба, могла сохраниться до наших дней в соборе, не будучи уничтоженной еще в древности. Большое количество таких тщательно зачеркнутых граффити можно видеть в разных местах собора.

Рассматриваемое граффито могло также относиться и к матери Свято-

[58] Повесть временных лет, т. I, стр. 56.

полка Мстиславича, жене Мстислава Владимировича, княжившего в Киеве до 1132 г. Однако трудно допустить, что мать Святополка Мстиславича была бы названа по сыну, а не по мужу — киевскому князю Мстиславу Владимировичу (Великому), как, например, названа летописцем его первая жена «Мьстиславляя Хрьстина» [59].

Условиям надписи полностью удовлетворяет мать Святополка Изяславича, жена Изяслава Ярославича, о смерти которой упоминается в летописи под 1107 г.: «В то же лето преставися княгыни, Святополча мати, месяца январяв 4 день» [60]

Святополк Изяславич, княживший в Киеве около 20 лет, был, безусловно, широко известной личностью не только в Киеве, а и вообще на Руси; с его именем были связаны многочисленные события, описанные в летописи под 1093—1113 гг. Понятно поэтому, что писать во время княжения Святополка Изяславича или вскоре после его смерти «Святополчей матери русьской княгине», имея в виду не его мать, а мать Святополка Мстиславича, ничем не выдающегося волынского князя, было бы совершенно бессмысленно. Автор записи ссылается на известное в то время лицо — Святополка и добавляет, что Олисава была его матерью.

Отношение надписи к матери Святополка Изяславича подтверждается и палеографической датировкой. Буква ȝ встречается дважды, снабжена большим горизонтальным навесом и длинным хвостом, направленным к началу строки, букве ϒ придана форма чаши на высокой ножке. Архаичность написания этих букв позволяет отнести их к XI в. [61] В рассматриваемом граффито имеются начертания букв и более позднего времени. Так, перекладина буквы ѣ в одном случае из двух приподнята до верхнего уровня строки, а в букве н перекладина не доходит до самого низа правой мачты [62]. Но все же признаки XI в. выражены более определенно. Об этом свидетельствует также написание слова «кънягыни» через Ъ после К в первом безударном слоге. Исчезновение слабых глухих Ъ, Ь в подобном случае большинство исследователей относит к XI в.[63] Достаточно сказать, что уже на Тму-

[59] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 21.
[60] Повесть временных лет, т. I, стр. 187.
[61] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, стр. 98—103.
[62] *Там же*, стр. 100—101; *А. И. Соболевский*, указ. соч., стр. 51.
[63] *Л. П. Якубинский*, указ. соч., стр. 143.

тараканском камне 1068 г. слово «князь» написано без Ъ после К[64]. Палеографические особенности позволяют датировать надпись концом XI—началом XII вв.

По летописным данным, у Изяслава Ярославовича было три сына: Мстислав, Ярополк и Святополк. Мстислав с 1069 г. княжил в Полоцке, где вскоре и умер. Ярополк в 1078 г. «седящю Вышегороде»[65] Третий Изяславич, Святополк, княжил в Новгороде и в Турове, а с 1093 г.— в Киеве.

Имя матери Ярополка Изяславича известно: ею была Гертруда, сестра польского короля Казимира, жена Изяслава Ярославича — «ляховица», как ее называет Киево-Печерский патерик. С именем Гертруды связан так называемый «Кодекс Гертруды», входящий в известную Трирскую псалтырь, в которой, наряду с латинскими молитвами Гертруды о ее сыне Ярополке (Петре), содержатся миниатюры, изображающие самого Ярополка, его жену Ирину и мать Ярополка Гертруду.

А. А. Бобринский отмечает, что в Трирской псалтыри «Гертруда молится за сына своего единственного» («Petrum unicum filium meum»)[66] На основании этого наблюдения он делает вывод, что Ярополк (Петр) и Святополк (Михаил) были сыновьями Изяслава от разных браков[67] Косвенное подтверждение этому содержится в летописном толковании событий 1085 г.: «Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых советник. Се уведав, Всеволод посла противу ему сына своего Володимира. Ярополк же, оставив матерь свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхи... Володимир же посади Давыда Володимери, в Ярополка место, а матерь Ярополчю, и жену его, и дружину его приведе Кыеву, и именье взем его»[68].

---

[64] *А. Спицын*, Тмутараканский камень, М., 1915.

[65] Повесть временных лет, т. I, стр. 132.

[66] *А. Бобринский*, Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича, в псалтыри Егберта архиепископа Трирского, СПб. 1902, стр. 17.

[67] *Там же*; В. Л. Янин в указанной выше статье (Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк, стр. 156) высказал предположение, что Олисава и Гертруда представляют имена одной и той же исторической личности. Однако его аргументация в отношении факта моления Гертруды в «Кодексе» за единственного сына Петра-Ярополка недостаточно убедительна.

[68] Повесть временных лет, т. I, стр. 135. 136.

Летописец различает, а, возможно, и противопоставляет выражения «Святополча мати» и «матерь Рополчю»[69]

Ярополк и Святополк были сыновьями Изяслава Ярославича от разных браков, что подтверждается рассматриваемым граффито, в котором определенно говорится об «Олисаве, Святополчей матери, руськой княгине». Эта запись никак не могла относиться к Гертруде, которая, судя по Трирской псалтыри, была ярой католичкой, а поэтому маловероятна запись о ней, помещенная в православном Софийском соборе.

Имя Олисава, или в канонической форме Елисавета, по созвучию очень близко древнерусским женским именам вроде Горислава, в особенности, Предслава и Сбыслава, как звали известных по летописям дочерей Святополка.

Граффито было сделано матерью Святополка Изяславича — Олисавой до 1107 г. — года ее смерти. Оно представляет значительный интерес благодаря упоминанию неизвестного по летописным источникам [70] имени матери Святополка.

Рассмотрим теперь ряд других граффити-приписок, сделанных у записи Олисавы. В непосредственной близости от записи о «Святополчей матери» находится еще три граффити, имеющие к ней отношение.

28. *Запись Михаила-Святополка Изяславича* [71] *(табл. XXXI, 1; XXXII, 1).*

На северной плоскости того же пучкового столба, где расположено граффито об Олисаве, на уровне последнего находится следующая надпись:

ГНПО
МОЗН
РАБУС
ВОЄМОУ
МНХА
НЛУ

[69] Повесть временных лет, т. I, стр. 136, 137.

[70] В. Л. Янин в заметке «Печати с надписью «Дьнѣслово» (Советская археология, 1962, № 2, стр. 168, 169) указывает, что имеется две печати с именем Олисавы — вдовы Изяслава Ярославича. Одна из них издана Н. П. Лихачевым (Сфрагистический альбом, табл. XIV, 2), другая находится в собрании Института общественных наук УССР во Львове. О том же см. уже упоминавшуюся работу В. Л. Янина, Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк, стр. 159—160.

[71] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 157.

(«Господи, помози рабу своему Михаилу»). Строки граффито содержат от трех до пяти букв. Вся запись вытянута в виде колонки, чувствуется стремление автора расположить ее как можно ближе к граффито о «Святополчей матери».

Расположение граффити с именами Олисавы, матери Святополка Изяславича, и Михаила вблизи друг друга и нахождение их на хорах трудно считать случайным, поскольку крестильное имя Святополка Изяславича было Михаил. Вполне вероятно поэтому полагать, что запись о Михаиле скорее всего была сделана самим Святополком Изяславичем и является его автографом. Этому не противоречит упоминание в надписи только одного крестильного имени Святополка — Михаил.

В свое время Н. П. Лихачев обратил внимание на то, что в надписях на различных предметах, монетах и пр., содержащих формулу «господи, помози... обычно опускается титул [72]. То же самое наблюдается и в настенных граффито, обнаруженных в Софии Киевской: Всеволод Ярославич назван просто Андреем, а Владимир Мономах — Василием.

29. *Запись варяга Якуна* [73] *(табл. XXXI, 2; XXXII, 2).*

Вниз от граффито Михаила нацарапана черта, напоминающая стрелу с оперением, которая на расстоянии 10 *см* упирается еще в одну запись, заключенную в рамку:

ПОМО
ЗНРА
БУОСОЕ
МУОАК
УОNУО

(«Помози рабу своему Якуну»). Граффито явно близко к предыдущей записи о Михаиле. Это подтверждается не только стрелой, соединяющей обе надписи, но и сокращенной формулой последней — без обычного ГН («господи») в начале. По-видимому, слово ГН надписи Михаила, по мысли автора рассматриваемой записи, должно было относиться и к данной приписке. Имя Якун хорошо известно из летописи [74]. Надпись, вероятно, сделал варяг-христианин, который не совсем хорошо владел древнерусской

[72] *Н. П. Лихачев*, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, стр. 127.

[73] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 157.

[74] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 24, 54, 81.

письменностью. Так, в третьей строке он пропустил букву в, а в сочетании ОУ он ставит букву у впереди о — уо. Якун, несомненно, имел какое-то отношение к Святополку Изяславичу. По аналогии с разбираемой ниже записью № 31, расположенной также на хорах и содержащей два имени под одним обращением «Г̅И̅ помози... можно предположить, что Якун был каким-то приближенным к князю лицом, возможно, мечником Святополка Изяславича.

30. *(Табл. XXIX)*[75].

Непосредственно под записью о «Святополчей матери» имеется еще граффито следующего содержания:

Г̅Н̅ПОМОЗНРАБОУСВОЕМОУ
МЕРКУРНЮНВАNЗВН

(«Господи, помози рабу своему Меркурию Иванови»). Запись сделана довольно небрежно и неряшливо. Правая ее часть попорчена в результате потертостей штукатурного слоя. Для палеографической датировки граффито данных недостаточно.

31. *Запись о княжеском мечнике Василии (табл. XXXIII, 1; XXXIV 1).*

На втором этаже собора, с северной стороны хоров, на втором от главного алтаря крещатом столбе, под слоем масляной живописи и шпаклевки XIX в. обнаружена запись:

Г̅Н̅ПОМОЗНРАБОУС|В|ОЕМУГ|Е|ОРЗГНЕВН
|Н|МЕЧЬNНКОУКЗ|N|АЖОУВАСНЛЬ|Е|ВН

Граффито имеет утраты отдельных букв, вызванные выпадами и дефектами первоначальной фресковой штукатурки. В конце первой и второй его строк помещены два имени. Вслед за обычной формулой «господи, помози рабу своему» следует «георъгиеви», т. е. «Георгиеви» или «Гюргиеви», но последнее менее вероятно, так как между буквами Г (вертикальная мачта которой ясно видна) и О имеется место еще для одной буквы, по-видимому, для Е. В конце второй строки читается «Васильеви». Оба имени поставлены в дательном падеже, и, следовательно, к ним обоим в равной мере относится начальная благопожелательная формула. В на-

---

[75] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 157.

чале второй строки, под буквой Г, в штукатурке имеются выбоины, указывающие на то, что здесь находилась буква Н (и), связывавшая обе части надписи. Граффито читается так: «Господи, помози рабу своему Георгию и мечнику княжескому Василию».

Совершенно необычным для подобных записей является указание автора на должностную принадлежность Василия. Термин «мечник» известен по летописям и, особенно, по упоминаниям в статьях Русской Правды. Согласно летописи, в 1146 г. киевляне разгромили дворы тиуна Ратши и мечников [76] В 1175 г. вспыхнуло восстание в Суздальской земле [77], направленное против тиунов и мечников.

В Русской Правде мечники упоминаются в статьях 1, 33, 41—42, 86 [78]. Согласно первой статье Русской Правды, за убийство мечника налагался штраф в 40 гривен, как и за убийство других княжеских слуг — ябедника и гридина. Самовольное истязание мечника, огнищанина или тиуна («без княжа слова») каралось, согласно 33 статье, двенадцатью гривнами штрафа. Статья 41—42 определяет, что наряду с другими низшими судебными и должностными лицами мечник получал доход «от гривны куна». В обязанности мечника входило также присутствие при испытании железом, за что, согласно 86 статье Пространной Правды, ему полагалось 5 кун.

Почти все исследователи Русской Правды, комментируя перечисленные выше статьи, полагали, что мечник был не воином в собственном смысле этого слова, не оруженосцем князя, называемом меченошей, а должностным судебным лицом, помощником судьи [79].

В рассматриваемом граффито формула «господи, помози» относится сразу к двум именам, равно как в записи № 29. Одно из имен принадлежало княжескому мечнику Василию, но к кому относилось имя Георгий? Можно предположить, что Василий был мечником у Георгия.

---

[76] Ипат., стлб. 322.

[77] *Там же*, стлб. 592.

[78] Правда Русская, т. II, М.— Л., 1947.

[79] *П. Мрочек-Дроздовский*, Исследования о Русской Правде, Приложения ко 2 вып., Чтения Общества истории и древностей российских, т. I, 1888, стр. 86; *М. Ф. Владимирский-Буданов*, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, К., 1899, прим. 127; *С. В. Юшков*, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939, стр. 155.

Сравниваемые граффити (№№ 29 и 31) близки также тем, что расположены они на хорах собора, куда доступ простому народу был закрыт. Не идет ли речь в указанных надписях о мечниках, особо приближенных к князьям? В первом случае Якун мог быть мечником Святополка Изяславича, а Василий — некоего князя Георгия, например Юрия Владимировича Долгорукого. Доказательств для этих предположений недостаточно, но известно, что приближенные мечники при князьях действительно были. Достаточно вспомнить мечника Андрея Боголюбского Михну, выполнявшего при князе посольские поручения, которому Мстислав Изяславич приказал остричь бороду, желая оскорбить его как посла [80].

Почерк исследуемой записи довольно неряшливый, строки неровные, некоторые буквы прорезаны глубже других, не выдержан их единый формат, отдельные буквенные начертания архаичны. Так, буква **Ж**, насколько можно судить по уцелевшим фрагментам, звездообразна, ее верхняя часть незначительно уменьшена, **З** не имеет полных аналогий в письменных памятниках, наиболее близко ей **З** Реймского евангелия XI в.[81], ⲩ изображено в виде чаши на высокой ножке. Слово кЪNАЖОУ написано с **Ъ** после **К** в первом безударном слоге, что является архаизмом для XII в. к которому, приблизительно, можно отнести наше граффито.

32. *(Табл. XXXIII, 2; XXXIV, 2).*

Надпись находится в алтарной части Михайловского придела, на фресковом изображении «честного креста», расположенном на северной стене. Некоторые буквы надписи имеют фрагментарную сохранность или утрачены, а поэтому чтение двух последних строк затруднительно. Граффито заключено в рамку, Его текст:

ГНПОМОЗНРА
БОУСВОЮМОУ
[А]РХЪНАПЬЦ[Ю]
[IВ]АЧНЧЮ

Предположительно запись читается следующим образом: «Господи, помози рабу своему Архипцю (?) Ивачичю». Имя Ивач встречается в Новгородской летописи[82]. Начертания букв граффито довольно архаичны: З

[80] Ипат., стлб. 573.

[81] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист II, *16*.

[82] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 38, 64.

близко соответствующей букве мозаичной надписи собора Михайловского Златоверхого монастыря 1108 г. [83], Б и Р — этим же буквам югославского евангелия Мирослава XII в. [84] Аналогий для буквы Ү, имеющей форму неглубокой чаши на высокой ножке, не встречено.

33. *(Табл. XXXV, 1; XXXVI, 1).*

Надпись обнаружена в центральном нефе собора, на северном, третьем от главного алтаря, крещатом столбе. Левая часть ее утрачена из-за обвала первоначальной фресковой штукатурки. Граффито очень вытянуто по горизонтали и имеет в длину 0,33 *м*, высота букв достигает 1 *см*. Текст:

[г҃нпомозн]рабоусвоѥмꙋандрѥѥв[н]богатомоугрех҃ꙑ
[ндо]брꙑмнделꙑ

Запись в целом, по-видимому, читалась: «Господи, помози рабу своему Андрееви, богатому грехами и добрыми делами».

Буквы граффито геометричны, хорошо прочерчены и расставлены на некотором расстоянии друг от друга, частично снабжены ограничительными штрихами. В слове «рабу» вместо Б ошибочно поставлено В. Особенности начертания букв: В в виде двух острых углов, примыкающих к вертикальной мачте — тип, близкий этой же букве «Изборника» Святослава 1073 г. [85]; Р напоминает соответствующую букву Ярославского евангелия [86]. Наряду с лигатурой ꙋ дважды применено сочетание оу.

34. *(Табл. XXXV; XXXVI).*

Граффито находится под правой частью предыдущей записи и содержит четыре строки мелкого отчетливого почерка:

г҃нпомозн
рабꙋсвоѥмꙋ
грнгоревн
амнн[ь]

(«Господи, помози рабу своему Григореви, аминь»). Буквенные начертания сближают эту запись с предыдущим граффито. Аналогично написаны

---

[83] *А. А. Белецкий*, Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской; в кн.: *В. Н. Лазарев*, Мозаики Софии Киевской, М., 1960, стр. 169.

[84] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист IV, *41*.

[85] *Там же*, лист I, *3*.

[86] *Там же*, лист IV, *44*.

буквы Б,Ꙋ,Р, несколько по-иному — **А** и **М**. Сравниваемые граффити, по-видимому, отделены незначительным промежутком времени.

Привлекает внимание то обстоятельство, что записи Григория и Андрея тесно примыкают друг к другу, несмотря на то, что рядом имелось более чем достаточно чистой фресковой штукатурки — без других записей и царапин. Не объясняется ли подобное расположение граффити вассальными отношениями, связывавшими их авторов, что мы видели на примере записей Михаила-Святополка и Якуна, а также Георгия и его мечника Василия?

35. *(Табл. XXXV, 2; XXXVI, 2).*

Находится в приделе Иоакима и Анны, на западной плоскости третьего от алтаря южного крещатого столба. Надпись расположена на высоте 1,1 *м* от уровня пола XI в. Текст:

ГН|ПОМ|ОЗНРАБꙊСВОЕМꙊНѠАНꙊГРЕШЬНО
МОУНЖЕСЕП|Н|САМНЬ

(«Господи, помози рабу своему Иоану грешному, который это писал, аминь»). Граффито сделано четко и грамотно, его буквы не связаны и расположены на некотором расстоянии друг от друга, их высота преобладает над шириной. Буквы Б,Р,ОУ,Ꙋ наиболее близки соответствующим буквам Мстиславова евангелия[87] (1115 г.), З — этой букве грамоты Мстислава Юрьевскому монастырю (1130 г.) [88]. Буква Ѡ написана с высокой серединой, как в XI в.

36. *(Табл. XXXVII, 1; XXXVIII, 1).*

Запись находится рядом с предыдущим граффито, на высоте 1,1 *м* от уровня пола XI в. Написана крупным почерком, некоторые буквы достигают 3 *см* в высоту, но единый их формат не выдержан. Текст:

ГНПОМОЗНРАБОУСВО
ЕМУПЕТРУѲЕОДУЛОУ

(«Господи, помози рабу своему Петру Феодулу»). Палеографически буквы Б,З,Р близки соответствующим буквам Мирославова евангелия XII в.[89]

---

[87] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист III, *24*.

[88] *Там же*, лист III, *26*.

[89] *Там же*, лист IV, *41*.

37. *(Табл. XXXVII, 2; XXXVIII, 2).*

Расположено в первоначальной южной наружной галерее, на фресковом изображении Онуфрия, где обнаружено наибольшее количество древних надписей. Текст:

Г̄НПОМОЗНРАБОУСВОЄМОУНВАNУ
НМАМЪРАВАТѢ ПОПОВННВА
NОУНВЬСѢМЪХРЬСТЬѦNАМ
НМЄNѢГРѢШЬNНКУАМНN[Ь]

(«Господи, помози рабу своему Ивану именем Равяте, попу Ивану и всем христианам и мне грешнику, аминь»). Граффито начерчено очень тонким и острым орудием. Несмотря на то, что многочисленные мелкие повреждения красочного слоя фрески затрудняют чтение надписи, все буквы ее сравнительно легко выявляются. Граффито написано хорошим почерком, умелой рукой. Буквы геометричны, снабжены ограничительными штрихами, строки строго горизонтальны.

Интересно, что автор назвал оба своих имени: крестильное, Иван, и русское, Равята. Интересна в палеографическом отношении буква Б, верхняя часть которой изображена в виде острого угла, а нижняя закруглена; она находит аналогии в Успенском сборнике житий XII в. а М — в Церковном новгородском уставе 1193—1200 гг.[90]

38. *(Табл. XXXIX; XL, 1).*

Находится при входе в южную лестничную башню, слева от окна. Текст граффито:

Г̄НПОМОЗН
РАБОУСВОЄ
МОУСЪМЄОNО
ВЪ[Н]Г[РЄ]ШЬNНКОУ
ѦКОТЬІЄСЪТЬ
ЪІСТЬNОУ

(«Господи, помози рабу своему Семену грешнику, так как это истина»). Запись сделана четким почерком, буквы геометричны и снабжены в некоторых случаях подсечкой. Очень важно было бы установить ее дату, ввиду того, что, согласно результатам архитектурно-археологических

---

[90] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист IV, *37*.

исследований Софии Киевской, южная башня считается пристройкой, относящейся ко второму этапу строительства собора.

Палеографические особенности начертаний букв: ᴧ — с острой петлей, Б — с верхней половиной в виде острого треугольника и закругленной нижней. Эта буква не встречает себе полных аналогий в письменных памятниках, но наиболее близко ей Б Мстиславова евангелия (1115 г.)[91]. Буква З похожа на соответствующую букву Архангельского евангелия 1092 г., а К — Чудовской псалтыри XI в.[92] Во всех случаях перекладина буквы N доходит до самого низа мачты, как писали в XI в. Интересно написание буквы Р с головкой в виде прямого угла, который примыкает к вершине короткой мачты — тип, встреченный в новгородских берестяных грамотах XI—XII вв.[93] По характеру почерка наше граффито напоминает предыдущее о попе Иване Равяте: в сравниваемых надписях аналогичны начертания букв А, Б, Н, ОУ, но несколько разнятся М N.

Граффито приблизительно датируется серединой XII в.

ЗАПИСИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ФРЕСКОВЫМ ИЗОБРАЖЕНИЯМ.

Среди открытых в Софийском соборе граффити тематически можно выделить довольно значительную группу надписей, относящихся к фрескам. Последние либо объясняют содержание композиций, либо представляют обращения к изображенным на фресках персонажам. Впервые граффити этой группы были встречены в крещальне собора, на фреске «40 севастийских мучеников». Так, в нижней части этой фрески, на высоте 1,5 *м* от уровня древнего пола, обнаружена запись:

39. *(Табл. XLI, 1; XLII, 1).*

СТZIНМ

(«40 святых»). Если бы подобная запись была единична, то можно было бы предположить, что это фрагмент граффито с призывом о помощи с канонической формулой «помозите рабу своему». Но подобные краткие записи имеются еще на данной фреске.

---

[91] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист III, *24*.

[92] *Там же*, лист I, *5*; II, *19*.

[93] *Л. В. Черепнин*, Русская палеография, стр. 163, табл. 3.

40. *(Табл. XLI, 2; XLII, 2).*

СТН М МҮNКА

(«святые 40 мучеников») [94], а несколько ниже, слева от этой надписи, начерчено аналогичное граффито:

41. *(Табл. XLI, 2; XLII, 2).*

СТН:М:МNҮКЗ

Время написания всех перечисленных граффити можно определить XI—XII вв. Особенно характерны начертания букв последней надписи, в большинстве случаев близкие буквам Остромирова евангелия: Ү,N,С,З, а К напоминает соответствующую букву Юрьевского евангелия [95]. Все буквы надписи отличаются геометричностью начертаний, четкостью и хорошей отделкой.

На указанной фреске «40 севастийских мучеников» обнаружено граффито, содержащее обращение к изображенным на композиции персонажам:

42. *(Табл. XLI, 1; XLII, 1).*

СТН М МѪҮЕ
NНѰНПО
МОЗЗІТЕ
РАБѪ
СВ[ОЕМҮ]

(«Святые 40 мучеников, помогите рабу своему»). Запись интересна своей палеографией: дважды употреблен Ѫ (большой юс), буква Ү на высокой ножке очень близка по начертанию этой же букве на берестяной новгородской грамоте «от Гостяты к Васильви» XI—XII вв. [96] Буква Р изображена как в надписи на Тмутараканском камне 1068 г., Ѱ — стоит хвостиком на строке, как в Савиной книге [97].

43. *(Табл. XLIII, 3; XLIV, 3).*

Очень интересное граффито с замечанием относительно фрескового изображения встречено на западной стене Михайловского придела на

[94] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 159

[95] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист I, *2*; III, *25*.

[96] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, указ. соч., стр. 40—42.

[97] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист II, *13*, *23*.

высоте 1,3 *м* от пола XI в. В этом месте находятся два фресковых медальйона с погрудными изображениями святых. В нижней части южного медальйона читается следующая надпись:

МАРН
АБЫТЬ
ЗЗЛА

(«Мария была злая»). Некоторые буквы повреждены, но в целом чтение текста не вызывает сомнений. И, действительно, на фреске изображено суровое лицо Марии с плотно сжатыми губами и сдвинутыми к переносице бровями, что придает ее лицу злое и аскетическое выражение. Запись интересна смелым критическим суждением по отношению к изображению святой. К сожалению, палеографических признаков для уверенной датировки граффито недостаточно, но начертания букв **А**, **З**, **Н** довольно древние.

44. *(Табл. XLIII, 1; XLIV, 1).*

Надпись открыта на столбе, находящемся в крайнем западном проходе из Георгиевского придела в придел Петра и Павла, на высоте 1,2 *м* от уровня пола XI в. Текст:

МАРНАМАГДАЛ[НNА]

(«Мария Магдалина»). Граффито объясняет фресковое изображение мученицы с крестом в руках, на котором оно нацарапано.

45. *(Табл. XLIII, 2, XLIV, 2).*

Надпись находится на западной плоскости крещатого столба, при переходе из Михайловского придела в придел Иоакима и Анны, на изображении святой в рост. Она гласит:

АNАСТА

(«Анна святая»). Граффито указывает, что здесь изображена святая Анна, и это как нельзя лучше согласуется с иконографическим типом фрески.

46. *(Табл. XLIII, 4; XLIV, 4)*[98].

---

[98] *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 179, табл. XIV. *3.*

Граффито обнаружено в Апостольском приделе, на изображении Онуфрия, на высоте 1,8 *м* от условного уровня пола XI в. Его текст:

СТЗIНОNОУ
ФРНЄМОЛН
БАМНЛОСТН
БАГОЗАРАБОУ
СБОЮЄЛЄNОУ
НБ---ПОМОЩН
Н--ЗРАБОУ
СБОЄМОУФСЗЗI
ПОРОБНАМ[НNЬ]

Запись представляет обращение к изображенному на фреске Онуфрию и читается: «Святой Онуфрий, моли бога милостивого за рабу свою Елену и... помощи... рабу своему Фсыпорови, аминь». Она определяет фреску как изображение Онуфрия, которое иногда принимается за Марка Фрячьского.

В палеографическом отношении интересны буквы А и Л с сильно срезанной верхней частью. М и N напоминают аналогичные начертания из Милятина евангелия 1215 г. [99]

47. *(Табл. XLV; XLVI).*

Надпись находится на изображении Пантелеймона, в центральном нефе собора, на высоте 1,15 *м* от уровня пола XI в. Она заключена в рамку и содержит три строки, последняя из которых не читается.

СТЗIПАNТЄЛѢНМОNЄ
ПОМНЛЮРАБАСБОЮГО

(«Святой Пантелеймон, помилуй раба своего»). Левая часть третьей строки, как и какая-то приписка к граффито справа, зачеркнуты. Немного ниже этой надписи можно прочесть:

48. *(Табл. XLV; XLVI).*

ПАNТЄЛЄ[Н],
МОNЄАМNЬ

Нельзя сомневаться в том, что верхняя запись (№ 47) относится к изображенному на фреске Пантелеймону, а нижняя (№ 48), вероятно, пояс-

[99] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист V, *47*.

няет находящийся здесь же рисунок, на котором изображен какой-то человек (погрудный портрет). Его лицо характеризуется широко раскрытыми круглыми глазами, со зрачками в виде точек, отсутствием надбровных дуг и бровей, густая шапка волос на голове (возможно, нимб) похожа на тюрбан. В левой руке человек держит подобие какого-то жезла. Изображение испорчено прочерченным по нему рисунком двух молитвенно сложенных рук, который часто встречается в разных местах собора. Ниже изображения человека расположена грубо нарисованная фигура коня. Создается впечатление, что чья-то шутливая рука дорисовала лошадь, тем самым посадив на нее человека. Изображение человека прочерчено четкой, тонкой линией и довольно опытной рукой, рисунок же лошади поражает своей примитивностью; они сделаны, вероятно, разными лицами и в разное время. Влево от записи о Пантелеймоне находится изображение руки, держащей крест.

* * *

В соборе обнаружено 35 граффити XII в., которые датируются, в большинстве случаев, по палеографическим признакам и только небольшая часть их — по упоминающимся в записях историческим лицам и событиям. Надписей с прямыми датами не встречено.

Граффити XII в. по тематике значительно отличаются от надписей XI в. Отсутствует группа поминальных записей (обнаружено всего лишь одно граффито подобного рода), но появились тематически новые надписи, поясняющие фресковые изображения.

Преобладающее количество надписей XII в. составляют автографические и благопожелательные тексты. Особое распространение в это время получили записи с формулой: «господи помози рабу своему».

Среди граффити, датируемых XII в., нет записей, полностью аналогичных по содержанию летописи, что наблюдается в записях XI в., но с летописанием первые связаны упоминанием исторических имен, общими языковыми выражениями и терминами, например, «русьская княгыни», «отрок», «дьяк», «мечник» и пр.

Палеографически записи XII в. в большинстве случаев подобны записям XI в., но в некоторых начертаниях букв уже имеются особенности, известные по письменным памятникам XII в.

Граффити XII в. представляют значительный интерес как исторический источник. В них упоминаются: Ставр Городятинич, известный по летописи и былинам; Михаил-Святополк Изяславич, великий киевский князь; и его мать Олисава — супруга Изяслава Ярославича, имя которой было неизвестно по письменным источникам; таинственная Боянова земля, за которую в Софийский собор была внесена десятина собольими гривнами, и др.

Большинство надписей XII в. встречено в центральном нефе Софийского собора, южной наружной галерее, на хорах и в крещальне.

ГЛАВА III

ГРАФФИТИ XIII—XIV вв.

Среди открытых в Софийском соборе граффити впервые нами были обнаружены достоверные записи XIII—XIV вв. Несмотря на их в большинстве случаев узко канонические рамки, эти записи проливают свет на некоторые стороны культурной жизни Киева в смутный период времени после татаро-монгольского нашествия.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСИ.

49. *Запись 1221 г. (табл. XLVII; XLVIII, 2).*

Граффито открыто в главном алтаре собора, на восточной плоскости южного крещатого столба. Оно расположено на высоте 1,15 *м* от уровня пола XI в.

лѣ̃ ҂ѕ̃ ѱ̃ кѳ̃ прѣставнрабъбнi
подьꙗкъпетр[ъ]

(«В 1221 году скончался раб божий подьяк Петр...»). Надпись сохранилась фрагментарно: утрачены окончания обеих строк. В конце первой строки, по-видимому, значились обязательные для поминания число и месяц события. В слове «прѣставн» с целью сокращения усечено окончание «ся».

Палеография: к имеет аналогии в «Книге евангельских чтений» 1215 г., н — со слегка наклонной чертой, как в «Апостоле с толкованием» 1220 г., ꙗ — как в договоре Мстислава Давидовича с Ригой 1229 г. [1]

Упоминаемый в записи подьяк Петр, ви-

[1] *И. И. Срезневский*, Славяно-русская палеография XI—XIV вв., СПб., 1885, стр. 173, 176; *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист V, *49*, *51*.

димо, имел отношение к Софийскому клиру [2], поскольку надпись о его смерти была сделана в главном алтаре собора.

50. *Запись о смерти Кирилла (табл. XLIX; L).*

Обнаружена на северной стене алтарной части Михайловского придела, она сделана у изображения «честного креста», на высоте 1,35 *м* от уровня пола XI в.

с
МЦАNОА
МБРАБЗ
ІКЗДNЬПРѢ
С|ТА|БНСАРА
БЗБЖНН
МНТРОПО
ЛНТЗКЮ
РНЛО

(«Месяца ноября в 27 день скончался раб божий митрополит Кюрило»). Граффито сделано довольно неряшливым почерком, писавшему явно не удавалось письмо на довольно твердой фресковой штукатурке. Заметны многочисленные царапины от срывавшегося резца, а поэтому некоторые буквы получились иными, чем хотел их изобразить автор. Наиболее необычно написание буквы ѣ, мачта которой сильно возвышается над строкой. Аналогичное начертание имеется в «Апостоле с толкованием» 1220 г. [3]

Трудно сказать, о каком «Кюриле» в граффито идет речь, возможно, о Кирилле I, умершем в 1233 г., или о другом киевском митрополите Кирилле II, который, согласно летописи, умер 6 декабря 1281 г. и был похоронен в Софийском соборе в Киеве [4]. Наиболее вероятным было бы думать, что запись на стене собора относится к последнему, но большие расхождения в дне и месяце события, имеющиеся в летописи и рассматриваемом граффито, оставляют вопрос нерешенным.

Рядом с записью о смерти Кирилла имеется еще одно, судя по палео графическим данным, более раннее граффито.

---

[2] И. И. Срезневский объясняет термин «подьяк» как помощник дьякона или приказной служитель. (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II, СПб., 1895, стр. 1075.)

[3] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист V, *49*.

[4] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 324.

51. *(Табл. XLIX; L).*

ГНПОМОЗНРА
БОУСВОЕМОУ
NHKONY

(«Господи, помози рабу своему Никону»). Для определения личности Никона нет никаких данных, за исключением того, что он, по-видимому, принадлежал к духовенству и поэтому имел доступ в алтарные части собора. Буква з надписи имеет аналогии в Юрьевском евангелии 1118—1128 гг., у — в грамоте князя Мстислава (1130), данной им Юрьеву монастырю [5].

52. *Запись 17 февраля 1285 г. (табл. LI; LII).*

Обнаружена в главном алтаре собора, на восточной плоскости северного крещатого столба, на высоте 1,8 *м* от уровня пола XI в. Сохранность надписи неудовлетворительна, хотя не читается только последняя строка. Текст:

ВЪЛѢ ѮѰ·ЧГ·ПРНСТА
В[НС]АРАБЪБЖННЗА
ХАРНА·МЦА·ѲЕВРА
РА[ЗI]ДNЬNАПАМА
ТЬСТОГЪѲЕДОРАТН
РЕNА—ВСУБО[Т]УВЪ
ЖЪNОВЦААѰ-----

(«В 6793 (1285) скончался раб божий Захария в месяце феврале... в день на память святого Федора Тирена, в субботу...»). Граффито представляет полный, развернутый тип поминальной надписи с обширной датировкой, содержащей не только год и месяц события, но и ссылку на день памяти (Федора Тирена), что дает нам число месяца (17 февраля) [6].

Надпись интересна с точки зрения датированных начертаний букв конца XIII в. В граффито употреблены: а с сильно набухшей ломаной петлей, несимметричное ч, как в Псалтыри 1296 г., ѱ (пси) в виде цветка, ж, написанное в пять взмахов и похожее на встречающееся в Погодинском евангелии (XIII в.) [7].

[5] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист III, *25*, *26*.

[6] Христианский месяцеслов, М., 1900, стр. 69.

[7] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист VII, *68*, *71*.

Нам не удалось установить, кем был упоминаемый в рассматриваемой записи Захария.

53. *(Табл. LIII, 1; LIV, 1).*

Надпись находится в алтаре придела Петра и Павла, на южной стене, на высоте 1,8 *м* от пола XI в.

МЦАAУГОУСТА
ВЗКЕПРЕСТАВН
САРАБАБЖНААNA
ПЗПАДНАСЬМЬЮNA

(«Месяца августа в 25 скончалась раба божая Анна, попадья Семенова»). Граффито глубоко процарапано в фресковой штукатурке и имеет хорошую сохранность.

Палеографические признаки записи: А — с сильно набухшей ломаной петлей (особенно в слове Анна), близкое по начертанию такой же букве в рассмотренной выше записи 1285 г. и в «Типике» XIII—XIV вв.[8] Публичной библиотеки; Б несимметрично, Ж написано в пять приемов. Буква состоит из вертикальной мачты и примыкающих к ней трех прямых.

54. *(Табл. XLVII; XLVIII, 1).*

Находится на восточной плоскости южного крещатого столба, в главном алтаре, на высоте 1,35 *м* от пола XI в. Текст граффито:

МСЦАIЮNАВЗВI
ДNЬПРѢСТАСАРА
БЗБНIВАNЗ

(«Месяца июня в 12 день скончался раб божий Иван»). Слово «преставися» написано с сокращением: «престася». Не совсем обычно также сокращено слово «божий». «БИ», без буквы Ж. Из палеографических признаков можно отметить начертание Ѣ с перекладиной, приподнятой до верхнего уровня строки. Буква ч написана наоборот (правая более длинная черта поставлена слева), как, например, в берестяной грамоте № 2[9]

[8] *Я. И. Трусевич*, указ. соч. лист XIII, *139*.

[9] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, указ. соч., стр. 22—*24*.

В граффито, по-видимому, говорится о смерти лица, близкого к клиру Софийского собора, которое заслуживало поминальной записи в главном алтаре.

ПАМЯТНЫЕ НАДПИСИ.

55. *Запись 1259 г. (табл. LIII, 2; LIV, 2).*

Находится в западной галерее собора, вправо от главного входа, на высоте 1,10 *м* от уровня пола XIX в.

въꙇѣ ҂ѕ ноѥ ѱ ноѥ ѯз є

Граффито представляет собой дату — преамбулу какой-то неоконченной надписи — и читается: «В лето 6-ти тысячное, 7-ми сотое, 67-е... т. е. «в 6767 год...», что, в переводе на современное летоисчисление, означает 1259 г. Это наиболее ранняя достоверная запись, сделанная в соборе после татаро-монгольского разграбления Киева в 1240 г.

Среди палеографических особенностей записи следует отметить явный архаизм для этого времени — йотированный ꙇѣ. Вряд ли можно принять левую черту, в которой мы видим йот, за простую царапину или один из ограничительных штрихов коромысла, случайно продленный вниз; в последнем случае такой же штрих должен был бы быть и с правой стороны, но его нет. Йотированный ꙇѣ в письменных памятниках встречается только в обоих «Изборниках» Святослава 1073 и 1076 гг.[10]

56. *Запись прощеника (табл. LV, 1; LVI, 1).*

Надпись открыта в северной внутренней галерее (Владимирский придел), на угловом крещатом столбе с фреской, изображающей Артемия, на высоте 0,5 *м* от уровня пола XI в. Текст:

михальскопосовъпрощеникъ

(«Михаль Скопосов, прощеник»). Граффито написано крупными буквами, размером в среднем 2,5—3 *см*, имеет в длину 64 *см*. В словах «Михаль» и «прощеник» употреблены соответственно лигатуры ми и ик. Имя Михаль широко известно по летописи и встречено среди граффити Софийского собора (№№ 24, 25).

[10] *А. И. Соболевский*, Славяно-русская палеография, стр. 52.

Прощеники находились под особым покровительством церкви, ими были «люди, получившие исцеление вследствие какого-нибудь чуда»[11]. Прощеники упоминаются в Уставной Смоленской грамоте 1150 г.: «А се даю святей Богородици и епископоу прощеники с медом и с кунами и с вирою и с прдажами, и не надобе их соудить никакому же человеку»[12].

57. *(Табл. LV, 2; LVI, 2).*

Граффито находится в Апостольском приделе, на фреске, изображающей Онуфрия, рядом с записью о Бояновой земле.

РАБЪБЖИ
ГРѢШЬНЪІ
ПАНЪТЕ
ЛЕИМОНЪЛЪѴ

(«Раб божий, грешный Пантелеимон писал»). Привлекает внимание ряд необычных написаний: А с поворотом петли вправо, написанное в три приема и имеющее очень большую верхнюю половину, слово «псалъ» с ѵ под титлом в конце и с ЛЪ в начале. Возможно, последнее начертание объясняется стремлением автора уместить все буквы на пространстве, свободном от записи о Бояновой земле.

Для датировки рассматриваемого граффито важно написание буквы ѵ в виде глубокой округлой чаши на высокой ножке[13], которая не возвышается над краями чаши; этот тип встречен в датированной записи 1285 г. (№ 52).

58. *(Табл. LVII, 2; LVIII, 2).*

Граффито написано на изображении Онуфрия, слева от предыдущей записи. Текст:

КБОЛЪІ
НАѴ|ЛЪІ

---

[11] *М. В. Довнар-Запольский*, Церковь и духовенство домонгольской Руси, СПб. 1906, стр. 30; *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка... т. II, стр. 1610.

[12] Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., Сборник документов, подготовленный к печати Г. Е. Кочиным, Л., 1936, стр. 155.

[13] *И. А. Шляпкин*, Палеография, Лекции, читанные в С.-Петербургском Архитектурном институте, СПб., 1905, стр. 38.

Выше и ниже записи нацарапаны два креста, значение которых неясно. Надпись, по-видимому, осталась неоконченной, судя по отсутствию в ней окончания ЛЪ. Считая, что имя «Кволына» сомнительно, читаем запись следующим образом «Кволы написал... где «кволы» — слабый, болезненный. Для датировки граффито палеографических признаков недостаточно, но буква В несимметрична, а Ѱ изображена в виде конической чаши, средняя черта которой не возвышается над краями, как в начертаниях XIII в.[14]

59. *(Табл. LVII, 1; LVIII, 1).*

Запись открыта на западной плоскости первого от главного алтаря южного крещатого столба. Она расположена на высоте 0,95 *м* от уровня пола XI в. Текст:

СЄАЗЪГРЄШNЪІ[Н]
NНКОЛА[NА]ПСА
ХЪМЪ[Л]АСА
Г͞УНБ͞ГСВОЄ
МУДАЗБАВН
ТЬ[М]А-ѰНСЛЄ
NЪІХЪ[ГРЄ]ХЪ
МОНХЪ

(«Это я, грешный Никола написал, молясь господу и богу своему, во избавление меня от многих грехов моих»). Запись заключена в рамку.

К палеографическим особенностям граффито можно отнести употребление во всех случаях Н с очень мало выраженным наклоном перекладины. Почерк записи довольно неряшливый.

БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ.

60. *Запись Агафьи (табл. LIX, 1; LX, 1).*

Обнаружена на хорах собора с северной стороны, на втором от главного алтаря крещатом столбе, на плоскости, обращенной внутрь хоров. Граффито расположено на высоте 1,0 *м* от пола XI в. Текст:

+Г͞НПОМОЗНРАБѢСВОЄН
ОГАѲНІ

---

[14] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, стр. 101; *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист VI, *56*.

(«Господи, помози рабе своей Агафье»). Надпись выцарапана довольно четким, уверенным почерком, ее буквы свободно расставлены по отношению друг к другу. ʒ близка по начертанию соответствующей букве псалтыри Афонского монастыря (XIII в.), Рядной Тешаты и Якима (до 1299 г.), Поучения Ефрема Сирина (до 1288 г.); Б несимметрична и имеет очень большую верхнюю часть, как в Договорной грамоте князя Феодора Смоленского с Ригой (1284 г.) [15]. Необычно написание буквы д с отсеченной нижней частью. Похожее начертание этой буквы, правда, с верхней отсеченной частью, было встречено В. Н. Щепкиным среди граффити XI—XII вв. Софии Новгородской, имеется оно и в Юрьевском евангелии [16] Этот прием понятен, если учитывать трудности начертания округлых линий по штукатурке. Перекладина буквы ѣ находится в верхнем уровне строки.

Автором записи, несомненно, была женщина. Граффито написано на хорах слева, с северной стороны, т. е. в месте, которое издавна в греческих храмах отводилось для женщин и называлось «гэниконит»[17] В XI—XII вв. доступ на хоры, где размещалась во время церемоний княжеская семья, был закрыт для простого народа. Если бы рассматриваемая запись относилась к этому времени, то можно было бы предположить, что Агафья имела какое-то отношение к княжеско-боярской верхушке. Но в XIII в. и позднее, в связи с татаро-монгольским нашествием и общим экономическим и политическим упадком Киева, многие старинные традиции были забыты и не соблюдались, поэтому общественное положение Агафьи — женщины, сделавшей запись на хорах собора, остается для нас неизвестным.

61. *Запись Лазаря забойника (табл. LIX, 2; LX, 2).*

Написана в одну строку и расположена непосредственно под предыдущим граффито:

Г҃НПОМОЗНРАБУСВОЄМУЛАЗОРЄВНЗАБОННИКУ

И. И. Срезневский, Славяно-русская палеография, стр. 211; *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист VII, *66*, *67*, *70*; VIII, *77*.

[16] *В. Н. Щепкин*, Новгородские надписи «graffiti», стр. 37; *И. И. Срезневский*, Славяно-русская палеография, стр. 147.

[17] *Д. Ф. Беляев*, Byzantina, в кн.: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, т. II, стр. 141, 144.

Особенности начертаний букв: **В** — несимметрично, **Є** — с направленным вверх язычком, N — с перекладиной, опущенной не с левой, как обычно, а с правой мачты. Наиболее древнее начертание имеет буква **З** с большим горизонтальным навесом.

Запись читается следующим образом: «Господи, помози рабу своему Лазорю забойнику». Слово «забойник», вероятно, является указанием на профессию автора записи Лазаря, подобно тому, как это мы видим в летописных выражениях: «конюх Святополчь Сновид», «овчюх Святополчь торчин Беренди» (1097 г.). «Кормилец и воевода» Ярослава Буды (1018 г.) и др. Однако употребление термина «забойник» в качестве названия профессии в древнерусской литературе не встречается. Под «забоем», «лодьи забойные» «Русской правды»[18] И. И. Срезневский, вслед за Н. Карамзиным, понимает загороду, загородку[19]. Вероятно, «забойником» называли плотника, строившего «забои»: загородки для скота или лодки с бортами, дополнительно обшитыми досками: «забойные» или «набойные» ладьи», предназначавшиеся для плаванья в открытом море[20].

62. *(Табл. LIX, 2; LX, 2).*

Надпись расположена непосредственно под предыдущим граффито:

ГНПОМОЗНРАБУСВѢЕМОУНЛНН

(«Господи, помози рабу своему Илье»). Буква **У** во всех случаях написана в сочетании с **О**, **З** имеет древнее начертание — со значительным навесом и длинным хвостом. Для уверенной палеографической датировки данных недостаточно.

63. *Запись о Феогносте (табл. LXI, 1; LXII, 1).*

Обнаружена в главном алтаре, на восточной плоскости южного крещатого столба. Высота ее от уровня пола XI в. составляет 1,6 *м*.
Текст:

ГРЕСѰNОМѸМНТРОПОЛНФЕОГNОСТѸ
ВСЕѦРОУСНМNОЛѢ

[18] Правда русская, т. II, М. — Л., 1947, стр. 503, прим. 1.

[19] *И. И. Срезневский*, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, СПб. 1895, стр. 896.

[20] *Н. Н. Воронин*, Средства и пути сообщения, в кн.: История культуры древней Руси, М. — Л., 1948, стр. 284.

(«Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета»). Несколько выше этой записи имеются следы букв, сделанных той же рукой. Можно разобрать:

ТѸБЫРАБ

т. е. «тут был раб...

Первое известие о митрополите Феогносте относится к 1328 г.: «Того же лета приде на Русь митрополит Гречинъ именем Феогност»[21]. Он принимал активное участие в политической жизни Руси первой половины XIV в. его имя много раз встречается в летописном тексте под 1330—1342 гг. Феогност выступал в качестве посредника при разрешении различных политических конфликтов, возникавших между Московским княжеством, Новгородской землей, Тверью и Золотой Ордой.

Уцелевшее на стене Софийского собора граффито, вероятно, относится ко времени проезда Феогноста из Византии в Москву через Киев.

Приведенное в записи наименование Феогноста «митрополитом всея Руси» представляет, по-видимому, одно из наиболее ранних употреблений этого титула. Известно, что последний появился в XIV в. Граффито написано не позже 1352 г., в котором умер Феогност.

НАДПИСИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ФРЕСКАМ

64. *(Табл. XXV, 2; XXVI, 2).*

Запись расположена на втором от алтаря южном крещатом столбе, на фреске, изображающей Николая.

СВАТЗIЕNН|КОЛ|АСПА|СН|
МАГРѢШN|НК|АПАВУ

Граффито представляет обращение к Николаю и переводится: «Святой Николай, спаси меня грешника Паву», т. е. Павла. Палеография записи: буква **В** несимметрична, близка начертанию, встреченному в берестяной новгородской грамоте № 2 XIV—XV вв. [22] Буква **Т** имеет крючок в нижней части вертикальной мачты, встречающийся в начертаниях этой буквы

[21] ПСРЛ, т. XXV, Московский летописный свод конца XV в., М.-Л., 1949, стр. 168—169.

[22] *А. В. Арциховский* и *М. Н. Тихомиров*, указ. соч., стр. 22, 23.

в Кормчей книге 1282 г. **Р** — с треугольной головкой, примыкающей прямым углом к мачте.

65. *(Табл. LXI, 2; LXII, 2).*

Граффито находится в приделе Антония и Феодосия, на северной стене, некогда бывшей наружной стеной Софийского собора. Оно расположено на высоте 1,1 *м* от уровня пола XI в. Текст:

СТЗІНСТЕФА
НЕМОЛНБАЗА
МАГРѢШІ
НАГО

(«Святой Стефан, моли бога за меня, грешного»). Запись сделана довольно небрежно и не совсем уверенной рукой. Буквы имеют разные размеры, строки граффито то поднимаются вверх, то сползают вниз. Представляют интерес начертания букв:

А — с петлей, примыкающей к спинке буквы не слева, а справа;
Ѣ — как в «Пандектах» Никона Черногорского 1296 г. [23];
З — с большим горизонтальным навесом.

66. *(Табл. LXI, 2; LXII, 2).*

Надпись расположена несколько ниже предыдущей:

СТЗНСТЕ
ФАНЕМОЛН
БАЗАМА

(«Святой Стефан, моли бога за меня»). Граффито прочерчено более твердой рукой, чем предыдущее, но все же и в нем чувствуется некоторая торопливость и поспешность выполнения.

Для палеографической датировки обеих надписей данных слишком мало, но, судя по содержанию, они хронологически близки друг другу. Обращение к Стефану, содержащееся в обоих граффито, дает возможность утверждать, что на стене, где они написаны, когда-то находилось фресковое изображение Стефана, ныне сохранившееся в незначительных фрагментах.

[23] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист VII, *69*.

67. *(Табл. LV 3; LVI, 3).*

Надпись находится во Владимирском приделе, на южной плоскости крайнего западного столба. Текст:

+АРТЄМНОС
ПОМНЛОУМА
ГРѢШЬНИКА-
І͞Ѡ:АЗЪТВОꙗ
СТНХ+РА[Б]АNАРХНСА

Первые три строки граффито переводятся вполне определенно и представляют обращение к фресковому персонажу: «Артемий, помилуй меня, грешника... В начале четвертой строки значится І͞Ѡ под титлом, что, вероятно, является счетом так называемых «зачал» — отрывков, читаемых в церквах [24]. Далее следует отрывок с неясным смыслом: «я твоя святых, раба Нархиса» (?).

В надписи содержатся как архаические, так и более поздние начертания букв. Ѡ изображена с высокой серединой, Ѣ — с перекладиной, не достигающей верхнего уровня строки, но одновременно встречены несимметричное Б и ꙗ с косой перекладиной, соединяющей обе части буквы, что наблюдается в письменных памятниках XIV в. [25]

68. *(Табл. LXIII; LXIV).*

Надпись помещена на изображении Онуфрия в южной галерее и является обращением к нему:

С͞ТЗІ[О]NОУФРННСЄNАПРАВНМ
АNАПѸТЬНСТЬNЗNЗІНСЗ
ПАСНД͞ШѸГРѢШѢNѸ

(«Святой Онуфрий, направь меня на путь истинный, спаси душу грешную...»). По верхней строке надписи прочерчена более ранняя монограмма в виде креста под титлом, с буквами А.К.С.Ж, значение которых определить не удалось.

69. *(Табл. LXIII; LXIV).*

Над предыдущим граффито читается запись в одну строку:

ОХЗМNѢNАОСОУДЖNЄNЄ

(«Ох, [помози] мне в осуждении...»). Граффито содержит обращение к Онуфрию с просьбой о помощи в день «страшного суда».

[24] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, стр. 100.
[25] *Там же*, стр. 103.

* * *

В результате исследования обнаружено 22 граффити XIII—XIV вв. среди которых насчитывается лишь три с прямыми датами, остальные датированы, в основном, по палеографическим признакам.

Тематически надписи XIII—XIV вв. представлены памятными, благопожелательными и относящимися к фрескам текстами. Кроме того, в это время опять появляются поминальные граффити, аналогичные по форме и близкие по содержанию подобным надписям XI в. Рассмотренные в этой главе надписи свидетельствуют о постепенном сужении кругозора их авторов, отражающих в своих записях местные узкоцерковные интересы, что особенно заметно по сравнению с XI—XII вв.

В надписях XIII—XIV вв. встречается ряд имен, терминов и выражений, сближающих их с летописью, Русской Правдой и другими памятниками древнерусской письменности.

Находки достоверных записей XIII—XIV вв. проливают свет на уровень письменности и вообще культуры того времени, опровергая тезис буржуазной историографии о полном замирании культурной жизни Киева в период татаро-монгольского владычества.

В палеографическом отношении граффити XIII—XIV вв. сходны с письменными источниками. Особенностью первых является употребление архаичных написаний некоторых букв, что чрезвычайно затрудняет палеографическую датировку настенных надписей.

Граффити XIII—XIV вв. встречены в главном алтаре, Михайловском и Георгиевском приделах собора, а также в южной внешней галерее и на хорах.

ГЛАВА IV

РИСУНКИ

В Софийском соборе, наряду с надписями, было обнаружено довольно значительное количество рисунков, выполненных в той же технике выцарапывания.

Рисунки расположены обычно в тех же местах, что и надписи. Иногда при изображениях имеются относящиеся к ним надписи, позволяющие более определенно судить о времени выполнения рисунков. По содержанию рисунки делятся на две группы: символические и бытовые.[1]

СИМВОЛИЧЕСКИЕ РИСУНКИ. К этой группе относятся изображения святых, княжеских и различных магических знаков, фигур, напоминающих гончарные клейма, крестов всевозможных начертаний и т. д.

70. *(Табл. LXV, 1).*

Рисунок находится на втором от главного алтаря южном крещатом столбе, возле записи «4 лета княжил Святослав» (Табл. XI). Он представляет собой погрудное изображение человека с округлым безбородым лицом и пышной шапкой волос без нимба. Справа от рисунка пояснительная надпись:

ГЄОРГНХРАБРОН

(«Георгий храбрый»). Несколько непонятным является отсутствие нимба у св. Георгия, что надо отнести, вероятно, к общей неоконченности изображения, в котором отсутствуют и руки.

---

[1] Рисунки №№ 72, 75, 85, 90, 94, 95 и 98 издавались. См. *С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской.

По иконографическому типу рисунок соответствует фреске Георгия в конхе абсиды Георгиевского придела Софийского собора, последняя также является погрудным изображением с молодым безусым лицом и пышными волосами.

В Византии, а затем и на Руси Георгий почитался как великомученик или как святой-воин [1a]. Нельзя сказать, в какой из этих трактовок изображен Георгий на рассматриваемом рисунке, но, судя по эпитету («храбрый»), имелся в виду Георгий-воин.

Трудно датировать граффито палеографически, хотя есть некоторые основания отнести его к XI—XII вв.

71. *(Табл. LXV, 2).*

Рисунок обнаружен на правой стороне южного столба при входе в алтарную часть Михайловского придела, на высоте 1,0 *м* от уровня пола XI в. Граффито представляет поясное изображение немолодого человека с нимбом в святительских ризах. По обе стороны его головы пояснительная надпись: NIKOΛA, т. е. св. Николай. Типологически лицо фигуры соответствует мозаичному и фресковому изображениям Николая в Софии Киевской: округлый овал лица, впалые щеки, опущенные вниз усы, небольшая круглая бородка. Особенность одежды фигуры составляет круглый, а не крестообразный омофор. Из трех изображений Николаев, имеющихся в Софии Киевской, аналогичный святительский омофор встречен на Николае в северной галерее, а также на святителях в центральной абсиде, Василии Великом и Григории Богослове.

Неясно, какой предмет находится в левой руке рассматриваемой фигуры, в которой обычно находится евангелие.

К палеографическим особенностям сопроводительной надписи можно отнести начертание N, которое изображено с перекладиной, опущенной почти с самого верха левой до низа правой мачты. Такая буква N характерна для XI в.

72. *(Табл. LXVII; LXVIII).*

Рисунок и запись сделаны в крещальне, на западной первоначальной стене собора XI в., слева от алтарной абсиды.

В. Лазарев, Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве, «Византийский временник», т. VI, 1953, стр. 193—202.

На рисунке изображен шестиконечный крест, водруженный на престол, в виде прямоугольника, который разделен на 8 клеток. В шести из восьми клеток написаны буквы: в верхней строке — **I, Ѧ, Ю,** в нижней — **Ѧ, I, Ю.** Престол с крестом покоится на одноступенчатой голгофе. На престоле, под нижней перекладиной креста, изображено шесть свечей в виде вертикальных прямых, заостренных в верхней части. Две свечи значительно возвышаются над остальными четырьмя. Рисунок выполнен двойной линией и ретуширован косыми черточками. Возле креста начертаны буквы под титлами: вверху ІС,|ХС|, внизу NН, справа от креста КА; все вместе представляет обычную монограмму Христа («Исус Христос ника» — победитель). По обе стороны от рисунка начертано по крупной букве: слева[16] А, справа Ѡ. Эти буквы, являющиеся первой и последней в греческом алфавите, встречаются при монограммах Христа в надписях римских катакомб, начиная с III—IV вв. Они взяты из откровения Иоанна: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний...»[2].

73. Справа от рассматриваемого под № 72 рисунка нацарапана пояснительная надпись:

ОЛЪТАРЬПЛАМАNЪІ
АЦРКЪІЛЕДАNАНОЛТА
.РЬПОГАСNЕТЪНЦЕРКЪІ
СТАКТЬ

(«Алтарь пламенный, а церковь ледяна, алтарь потухнет, церковь растает»). Рисунок изображает «Иордань», сооружаемую обычно на реке во время крещенских праздников[3].

74. Другая запись при этом же рисунке сделана непосредственно под престолом:

ГНПОМНЛОНПОМОЗН
ПОМАNНДАNНІЛА

---

[16] Конфигурация буквы А после удаления шпаклевки XIX в. была уточнена по сравнению с первой публикацией записи (*С. А. Высоцкий*, Древнерусские граффити Софии Киевской, стр. 182).

[2] *А. Фрикен*, Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства, ч. II, М. 1877, стр. 141.

[3] *Б. А. Рыбаков*, Древняя Русь, стр. 120, прим. 63.

(«Господи, помилуй и помози и помяни Даниила»). Содержание надписи не совсем ясно. С одной стороны, благопожелательные призывы («помилуй и помози»), относящиеся к живому человеку; с другой — формула «помяни Даниила», как будто, должна относиться к умершему.

Все три надписи сделаны одновременно с рисунком и близки к нему как по характеру резьбы, так и в палеографическом отношении. Например, буква А, помещенная дважды в клетках престола, аналогична ее же начертанию в слове надписи «помяни», N и С из текста об алтаре соответствуют этим же буквам монограммы Христа на рисунке.

Для датировки записи очень важно написание буквы ω, по которому, согласно В. Н. Щепкину, можно различить записи XI и XII вв[4]. В нашем случае она изображена с низкой серединой и близко сведенными боковыми сторонами, это начертание скорее относится к XII, чем к XI в., что дает определенные основания датировать запись граффито XII веком .[5]

75. *(Табл. LXIX, 1; LXX, 1).*

Рисунок находится во Владимирском приделе, на одном из столбов южной стены, которая до последующих пристроек была внешней северной стеной собора. Рисунок нацарапан в нижней части фрески, которая, судя по сопроводительной надписи XIX в., изображает св. Федора.

Граффито представляет княжеский знак сложного рисунка. Полных аналогий ему среди княжеских знаков, приведенных А. В. Орешниковым и Б. А. Рыбаковым, не встречено [6]

Справа, немного ниже этого граффито, у самого облома древней штукатурки читается фрагмент надписи, сделанной той же рукой:

ⁱи-помилоуим[а],

т. е. и помилуй меня... По-видимому, это окончание формулы «Господи помози и помилуй меня... далее должно было следовать имя.

К палеографическим особенностям надписи можно отнести начертание н с горизонтальной перекладиной и у в сочетании с О (ОУ), при-

---

[4] *В. Н. Щепкин*, Учебник русской палеографии, М. 1920, стр. 100.

[5] Б. А. Рыбаков связывает запись с именем епископа юрьевского Даниила, поставленного 6 января 1114 г. (указ. соч. стр. 120).

[6] *А. В. Орешников*, Денежные знаки домонгольской Руси, М., 1936, табл. I; *Б. А. Рыбаков*, Ремесло, в кн.: История культуры древней Руси, т. I, М.-Л., 1948, стр. 167—168.

чем буква ѵ написана в виде палочки с расщепом на конце. Последняя встречена нами в надписи начала XII в. о Святополчей матери Олисаве.

Привлекает внимание необычная ориентация княжеского знака — зубцами вниз, а не вверх, как, вплоть до настоящего времени, располагают при публикации подобные фигуры. Возможно, что именно в таком положении и надо рассматривать княжеские знаки, встречающиеся на монетах, печатях и других памятниках древнерусской материальной культуры.

76. *(Табл. LXIX, 2; LXX, 2).*

Надпись и рисунок расположены в северной части хоров, на втором от главного алтаря северном крещатом столбе. На рисунке изображен процветший шестиконечный крест с пояснительной надписью:

ЖАДЪКО ѰЛЪ ХРСТЪ

(«Жадко писал крест»).

Представляют интерес начертания букв А с острой петлей и ограничительным штрихом (подсечкой) сверху и Ж звездообразного древнего рисунка. Буквы надписи геометричны, поставлены на некотором расстоянии друг от друга. Примерная датировка граффито — XII в.

77. *(Табл. LXVI, 1).*

Рисунок обнаружен в Михайловском приделе, на южном столбе, справа от южного древнего входа в собор, и является погрудным изображением неизвестного святителя. Сравнительно хорошо сохранилась только голова фигуры. Лицо выполнено в энергичной манере, смелыми, уверенными штрихами, его несколько вытянутый овал обрамлен короткими, по-видимому, вьющимися волосами, рот, нос, брови, выразительные глаза — все выдает руку опытного рисовальщика. Слева и справа, немного ниже шеи, на святительском омофоре изображено по кресту. Какие-либо сопроводительные надписи при рисунке отсутствуют.

78. *(Табл. LXVI, 2).*

В том же Михайловском приделе, на северном, втором от алтаря крещатом столбе, находится изображение неизвестного духовного лица, стоящего в полный рост, со сложенными на груди руками.

79. *(Табл. LXXI, 2; LXXII, 2).*

В Апостольском приделе (первоначальной южной галерее), в проеме окна справа, находится целый ряд рисунков. Среди них изображение

фигуры, напоминающей известный по многим публикациям знак Рюриковичей, но повернутый зубцами вниз, как и рассмотренный выше княжеский знак (75). Рядом с фигурой остатки записи:

ГНПОМО
ЗНРАБУСВ|ОЕМУ|
БОРНСОВНВЗ--
ДЬЦУ

(«Господи, помози рабу своему Борису... владцу (?)»).

80. *(Табл. LXXI, 1; LXXII, 1).*

В Апостольском приделе, на фресковом изображении Онуфрия, обнаружены рисунок и следующая надпись:

ГНПОМОЗНРА
БОУСВОЕМОУ
ПАВЗЛОВН

(«Господи, помози рабу своему Павлу»). К правой части рамки, которой очерчена надпись, примыкает изображение фигуры, напоминающей знаки Рюриковичей. Она имеет два отчетливых зубца, средний зубец изображен в виде небольшого бугорка. Крайние зубцы завернуты концами внутрь. Принадлежность знака установить не удается.

81. *(Табл. LXXIII, 1).*

Рисунок находится в южной части хоров, на угловом юго-восточном крещатом столбе. Это знак, в основу которого положен шестиконечный крест с расширяющимися к концам лучами, водруженный на шлемовидной голгофе. К боковым лучам креста примыкают процветшие стебли. Справа вверху имеется изображение небольшого равноконечного креста. В целом граффито довольно близко изображениям процветших крестов, во множестве встреченных в соборе, но необычно наличие при нем малого креста, что сближает весь рисунок с княжескими знаками Святополка Изяславича[7].

82. *(Табл. LXXIII, 2).*

Рисунок обнаружен в северной части хоров, на угловом северо-восточном крещатом столбе. На нем изображен магический знак сложного пле-

---

[7] *А. В. Орешников*, указ. соч. табл. I, № 16; *Б. А. Рыбаков*, Ремесло, в кн.: История культуры древней Руси, т. I, стр. 168, № 8.

тения, за основу которого взят равноконечный крест, расположенный в центре. Фигура имеет восемь заостренных к внешнему краю, взаимно переплетающихся лучей.

83. *(Табл. LXXIV, 1).*

Рисунок находится в проеме окна Апостольского придела и представляет собой восьмиконечный магический знак, близкий по начертанию к предыдущему, хотя и немного более простого рисунка. В основу фигуры также взят равноконечный крест.

84. *(Табл. LXXIV, 1).*

В том же месте, слева внизу, имеется рисунок небольшого шестиконечного креста на шлемовидной голгофе.

85. *(Табл. LXXIV, 2).*

Рисунок находится также в проеме окна Апостольского придела, рядом с рассмотренным граффито, на нем изображен крест на одноступенчатой голгофе, лучи которого соединены прямыми линиями. Вся фигура напоминает знаки мастеров на гончарных изделиях древней Руси.

86. *(Табл. LXXV, 1; LXXVI, 1).*

Рисунок начерчен по фресковой композиции «честного креста», написанной на северной стене алтарной части Михайловского придела; он изображает массивный крест на одноступенчатой голгофе. Возле креста имеются остатки надписи:

[Д]АNНЛО...»,

по-видимому, окончание имени «Данило».

Рисунок креста по характеру резьбы и штриховкой косыми черточками напоминает рассмотренное граффито «Алтарь пламенный» (71) из крещальни. Удивительно также совпадение имен в сопроводительных надписях сравниваемых рисунков.

Рядом с крестом находится фигура, напоминающая сердце, которая дополнена орнаментальными изображениями. В нижней ее части виден грубо процарапанный крест с расширяющимися лучами.

87. *(Табл. LXXV, 2; LXXVI, 2).*

Граффито расположено в проходе из придела Иоакима и Анны в придел Михаила, на втором от алтаря крещатом столбе. Надпись находится на высоте 1,15 *м* от уровня пола XI в. и представляет собой решетку из пересекающихся прямых, которые образуют 28 клеток. В каждой клетке поставлено по букве древнерусского алфавита, но с уверенностью они

читаются только в 17 клетках. Некоторые буквы повторяются. Так, **А** поставлено в четырех клетках, **В** — в трех, буквы **Г, Д, Є** и **З** повторены в двух клетках каждая. Текст записи:

			Ѫ
Г?		Ж	А
Є	А	О?	Г
В	Г	Д	Є
Y	О	ꙅ	З
ꙅ	З	А	В
А	В	Г	Д

Из палеографических особенностей надписи отмечаем употребление большого юса, Ѫ, симметричного Ж (?), написанного в три взмаха, и буквы ꙅ, повернутой головкой влево.

Уловить какую-либо закономерность в расположении букв в клетках не удается. Рисунок, вероятно, представляет одну из разновидностей так называемой «зрячей пасхалии», которая в древности применялась для определения подвижных церковных праздников. В нашем случае это, скорее всего, таблица для определения вруцелета, на что указывает количество клеток, соответствующее 28-летнему солнечному циклу, при котором повторяются дни новогодней недели [8].

88. *(Табл. LXXVII).*

Рисунок нацарапан на южной стене алтарной части придела Иоакима и Анны. Он изображает двух воинов в кольчугах, с копьями и щитами в руках. На головах обеих фигур конусообразные шлемы. Один из воинов нападает на фантастическое чудовище с двумя птичьими лапами, крыльями и змееобразным телом, изображенным в виде двойной ломаной линии. Это фантастическое животное, вероятно, являлось олицетворением какого-то злого духа. Оно напоминает изображение на угловом камне Борисоглебского собора в Чернигове [9] (рис. 8).

Несмотря на некоторую примитивность и схематичность рисунка, автор довольно хорошо передал движение: чувствуется стремительный выпад воина вперед, энергичный взмах копья.

---

[8] *Л. В. Черепнин*, Русская хронология, стр. 40.

[9] *М. А. Остапенко*, Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові, Архітектурні пам'ятки, К., 1950, стр. 67, рис. 70.

Рис. 8. Чернигов. Борисоглебский собор XII в. Угловой камень портала с изображением фантастического животного.

Второй воин, слева, изображен в более спокойной позе. В правой руке он также держит копье, готовясь нанести удар. Одежда воина состоит из кольчуги, перетянутой у талии поясом. Длинные полы кафтана, насколько это можно судить по двум косым линиям, заткнуты за пояс для свободы движений.

89. *(Табл. LXXVIII, 3).*

В разных местах Софийского собора встречены граффити, изображающие молитвенно сложенные руки, например, в проеме окна Апостольского придела.

90. *(Табл. XXVII; XXVIII).*

На записи о Бояновой земле, которая находится в Апостольском приделе, нацарапан голубь с оливковой ветвью в клюве. Согласно древнехристианской символике, подобное изображение голубя означало слова: «душа твоя в мире»[10].

БЫТОВЫЕ РИСУНКИ. Бытовые рисунки, встреченные в Софии Киевской, чаще всего являются изображениями различных домашних животных.

91. *(Табл. LXXVIII, 1; LXXVI, 3).*

Рисунок лошади обнаружен на южной стене алтарной части Михайловского придела. Слева от рисунка имеется фрагмент записи:

ѰΛЪДНМН|ТРЪ?|

(«Писал Димитр»). Особенности почерка надписи позволяют отнести ее к XII в., в пользу чего говорит характер написания букв М и Ѱ

92. *(Табл. XXXIX, XL).*

Рисунок находится в южной лестничной башне, возле граффито № 38. Он представляет изображение человека в полный рост, с молодым, безусым лицом. На его голове высокая шапка с полукруглым верхом и меховой опушкой, изображенной в виде полукруглых черточек в месте соприкосновения шапки с головой. Одежда фигуры состоит из длинного платья, перехваченного у талии поясом. Левая рука человека непропорционально малого размера.

По характеру одежды фигура очень напоминает изображения сыновей Святослава Ярославича на выходной миниатюре «Изборника» Святослава[11]: в обоих случаях одни и те же высокая шапка с полукруглым верхом и меховым околышем, длинный кафтан, перетянутый у талии поясом. Это дает основания предполагать, что на рассматриваемом рисунке изображен неизвестный молодой княжич.

---

[10] *А. Фрикен,* Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства, ч. II, стр. 58.

[11] *А. В. Арциховский,* Одежда, в кн.: История культуры древней Руси, т. I, стр. 249.

93. *(Табл. LXXVIII, 2).*

Находится на первом этаже справа, на столбе в южной башне, под фресковой композицией «Охота на белку». Рисунок представляет погрудное изображение человека в профиль. Лицо немолодое, с бородой и усами, на голове шапка, как и на персонаже предыдущего рисунка, но без меховой опушки.

94. *(Табл. LXXIX, 1).*

Рисунок обнаружен в алтаре Михайловского придела, на южной стене, под композицией XVIII в. «Чудо в Хонех». Он изображает боевого оседланного коня с уздечкой. Все выдает руку опытного рисовальщика, сумевшего даже на сравнительно твердой фресковой штукатурке передать динамику движения животного и подметить его наиболее типичные черты. По своим стилистическим признакам рисунок обнаруживает несомненное сходство с изображениями коней на рельефах из Михайловского Златоверхого монастыря.

95. *(Табл. LXXIX, 2).*

Рисунок находится на южной стене абсиды Михайловского придела. Он представляет изображение бегущего коня, на голове которого чья-то шутливая рука дорисовала коровьи рога, но видны и конские уши в виде двух треугольников. Несколько выше головы животного читается слово «муу», подражание мычанию коровы.

96. *(Табл. LXXX, 1).*

Рисунок находится в Апостольском приделе, слева, на фресковой композиции Онуфрия. На нем изображены два голубя, нарисованные один над другим; фигура нижнего не закончена, его ноги остались не дорисованными. По стилю изображение близко рисункам «Изборника» Святослава 1073 г. и рельефам Дмитриевского собора во Владимире.

97. *(Табл. LXXX, 2).*

Граффито расположено на той же фресковой композиции Онуфрия, что и предыдущий рисунок; оно представляет изображение головы какого-то зверя, быть может, медведя или даже единорога, «единорожца»: на лобовой части головы виден как будто рог, закрученный спиралью.

98. *(Табл. LXXX, 3).*

Изображение петуха находится в проеме окна Апостольского придела с западной стороны.

* * *

Открытые в Софийском соборе рисунки разделяются на символические и бытовые.

Символические рисунки являются изображениями популярных на Руси святых, а также различных знаков. В простейшей форме последние представляют кресты и фигуры, напоминающие гончарные клейма, магические знаки в виде сложных переплетений и княжеские знаки.

На бытовых рисунках, в основном, изображены домашние животные.

Часть изображений снабжена краткими текстами, благодаря которым в отдельных случаях удается датировать эти рисунки.

Открытые рисунки представляют интерес как памятники народного изобразительного искусства XI—XIV вв.

Некоторые граффити обнаруживают сюжетную и стилистическую близость к известным памятникам изобразительного искусства древней Руси.

Рисунки открыты в тех же местах Софийского собора, что и надписи: в приделах Михаила и Георгия, в центральном нефе, на хорах и в южной галерее.

ГЛАВА V

О ПАЛЕОГРАФИИ, ОТНОШЕНИИ К ЛЕТОПИСИ И РАСПОЛОЖЕНИИ В ПАМЯТНИКЕ СОФИЙСКИХ ГРАФФИТИ

ПАЛЕОГРАФИЯ ГРАФФИТИ И ПРИНЦИПЫ ДАТИРОВКИ. Важнейшим вопросом изучения граффити Софийского собора является определение их хронологии, которое в большинстве случаев может быть проведено только на основании палеографических признаков. Трудности, связанные с подобной датировкой, общеизвестны. К тому же хронология надписей, нацарапанных по известковой штукатурке и имеющих свои специфические особенности, не может в полной мере опираться на палеографию обычных письменных памятников. Поэтому особенно важное значение приобретают датированные надписи, которые позволили составить сводную палеографическую таблицу софийских граффити XI—XIV вв.

Всего в Софийском соборе открыто 13 датирующихся записей, из которых 9 содержат прямые даты.

И все же, несмотря на наличие палеографической таблицы, которая составлена из букв, относящихся к точно установленному времени, датировка граффити представляет большие трудности по трем основным причинам: во-первых, потому, что в связи с особенностями письма по штукатурке даже одни и те же начертания букв имеют различия; во-вторых, не все, особенно краткие записи, содержат те буквы, хронология которых хорошо разработана, и, в-третьих, в связи с недостаточностью датированных надписей в нашей таблице не охвачено все многообразие начертаний букв XI—XIV вв. В связи с этим при определении дат софийских граффити использовалась совокупность датирующих палеографических признаков, известных по обычным памятникам

письменности, датированным граффити и берестяным новгородским грамотам.

Палеографическая таблица софийских граффити составлена на основании шести надписей XI в., двух — XII в. четырех — XIII в. и одной — XIV в. Самая ранняя надпись 1052 г.[1] по своей палеографии наиболее близка Остромирову евангелию 1056—1057 гг. Аналогичны буквы Ж, М, похоже начертание Б, у которого верхняя часть похожа на острый угол, а нижняя закруглена, хотя закругление не удалось автору граффито и получилось угловатым. Буква S головкой повернута вправо, мачта Р — короткая и не выходит в междустрочное поле, но головка Р соответствует верхней половине этой буквы в указанном евангелии. З находит наиболее близкие аналогии в Минее служебной за октябрь (1096 г.)[2]. Буква Y имеет начертание двух видов: в первом случае, это неглубокая чаша на высокой ножке, покрытая треугольником. Возможно, что подобный тип имел в виду В. Н. Щепкин[3], говоря о Y с чашей, покрытой сверху горизонтальной чертой. Второе Y начертано с более глубокой чашей, ножка его несколько ниже. Края венчика чаши отогнуты в противоположные стороны. Коромысло Ѣ находится на том же уровне, что и в начертаниях этой буквы из Остромирова евангелия.

Другая запись того же периода времени (1054 г., о смерти Ярослава Мудрого) имеет близкие разобранной выше буквенные начертания: А написана со срезанным верхом — особенность, которая редко встречается в более поздних датированных граффити, но в берестяных грамотах XI—XII вв. она отмечена несколько раз[3а], Б — с закругленной нижней частью и верхней в виде острого угла; S — с поворотом головки вправо; N — с перекладиной от самого верха одной до низа другой мачты; Р в одном случае имеет маленькую головку, но мачта его удлинена; Ѡ — с высокой серединой, перечеркнутой короткой горизонтальной линией, как в «Изборнике» Святослава 1076 г. или Туровском евангелии[4], но без буквы Т над ней. Вместо ОУ в записи употреблен Ѫ, большой юс.

---

[1] Надписи 1042 и 1046 гг. (№ 1 и № 2) не использованы в таблице в связи с их недостаточной достоверностью.

[2] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист I, *2*, *8*.

[3] *В. Н. Щепкин*, указ. соч., стр. 99, табл. XXXIX, ряд 10.

[3а] *Л. В. Черепнин*, Русская палеография, стр. 162, табл. 3.

[4] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист I, *4*; II, *17*.

Среди граффити конца XI в. интересны в палеографическом отношении записи о смерти Луки Белогородского (около 1091 г.), о саркофаге Всеволода Ярославича (1093 г.) и о мире на Желяни (около 1097 г.). В первом из них буква А имеет начертание, при котором правая линия значительно продлена вверх и вниз. Полных аналогий этой букве в рукописях не встречено, наиболее близки ей начертания Мстиславова евангелия болгарской Супрасльской рукописи XI в., где правая черта А также значительно удлинена и выходит в верхнее междустрочное поле[5]. Буква Б встречается в рассматриваемой надписи в двух вариантах: с верхней частью в виде острого угла и в виде округлой петли. Звездообразное Ж состоит из трех пересекающихся прямых. Р начертано с головкой умеренного размера и очень длинным хвостом. Наряду с ОУ применена лигатура Ȣ. Палеография надписи, по-видимому, относится к тому времени, когда употребление и начертание некоторых букв начало изменяться. Так, в третьей строке в имени «Лука» употреблена лигатура Ȣ, а в слове «авгоуста» — сочетание ОУ Буква ЪІ в словах «блаженый» и «белогородскый» состоит из сочетаний не Ъ и І, что мы видим в прочих софийских граффити XI в., а из Ь и І.

В записи о саркофаге Всеволода Ярославича (1093 г.), как и в граффити 1052 и 1054 гг., Б состоит из угловатой верхней и закругленной нижней частей; Ж дано древнейшего звездообразного рисунка и близко начертаниям в Минее служебной за ноябрь 1097 г.[6]; З — малого формата с коротким хвостом, незначительно выступающим в нижнее междустрочное поле; Р полностью умещается в строке, т. е. тоже имеет малый формат; Y начертано в виде довольно глубокой чаши (бокальчика) на высокой ножке. Как значительную редкость и необычность для письменных памятников, относящихся к этому времени, надо отметить употребление в данном граффито буквы Ы то с Ъ, то с Ь в первой ее части, что наблюдается в XI в. только в обоих «Изборниках» Святослава 1073 и 1076 гг.[7]

В граффито конца XI в. интересны начертания букв Т с росчерком в виде волнистой линии, идущей вниз от вертикальной мачты (Приде князь Святополк), и З с росчерком, являющимся продолжением петли.

---

[5] *Я. И. Трусевич*, лист II, *11*; *Е. Ф. Карский*, указ. соч., стр. 207.

[6] *И. И. Срезневский*, Славяно-русская палеография XI—XIV вв., стр. 120.

[7] *Е. Ф. Карский*, указ. соч., стр. 203—204.

Палеографическая таблица граффити Софии Киевской
(XI – XIV в.в.)

		XI					XII	XIII				XIV
		1052	1054	1085 1091	1093	1097	до1107 до1113	1221	до1233	1259	1285	до1352
1	А											
2	Б											
3	В											
4	Г											
5	Д											
6	Е											
7	Ж											
8	S											
9	З											
10	И											
11	I											
12	К											
13	Л											
14	М											
15	Н											
16	О											
17	П											
18	Р											
19	С											
20	Т											
21	У											
22	Ф											

* Примечание. Уменьшено в 2 раза

		XI					XII	XIII				XIV
		1052	1054	1085 1091	1093	1097	до1107 до1113	1221	до1233	1259	1285	до1352
23	х											
24	ω											
25	ц											
26	ч											
27	ш											
28	щ											
29	ъ											
30	ы											
31	ь											
32	ѣ											
33	ю											
34	ꙗ											
35	ѥ											
36	ѧ											
37	ѫ											
38	ѩ											
39	ѭ											
40	ѯ											
41	ѱ											
42	ѳ											
43	ѵ											
44												

Подобные росчерки, вероятно, представляют зачаточную орнаментацию букв.

Несколько в стороне от остальных граффити XI в. по своим палеографическим признакам стоит последняя запись этого времени — о мире на Желяни. Несмотря на то, что нормы ее буквенных начертаний не противоречат XI в. (звездообразное, хотя и несколько потерявшее симметричность **Ж**, аналогичное предыдущим граффити **В** и т. д.) по общему характеру письма, текст резко отличается от других записей указанного времени. В нем нет и в помине той торжественности и следов кропотливого выписывания и отделки каждой буквы, как в прочих записях XI в. Благодаря некоторому наклону букв вправо в записи чувствуется динамика движения руки ее автора, который, несомненно обладая профессиональными навыками письма, отметил деловым, энергичным почерком поразившее его событие.

При сравнении рассмотренных надписей XI в. можно заметить, что в самых ранних из них (1052, 1054 гг.) буквы поставлены строго вертикально, а иногда даже с незначительным наклоном влево, но уже в записи 1091 г. чувствуется некоторый наклон букв в противоположную сторону — вправо. Еще более определенно эта тенденция проявляется в записях о саркофаге Всеволода-Андрея, о приходе на княжение Святополка и, особенно, в граффито о мире на Желяни. Трудно сказать, объясняется ли указанная особенность просто случайностью или она как-то связана с эволюцией почерков граффити XI в.

Двенадцатый век представлен только двумя датированными записями, относящимися к первой четверти столетия, поэтому характер написания букв этого времени трудно отличить от почерка рассмотренных более ранних граффити. Укажем лишь, что ʌ начертано с острой петлей. З — с большим горизонтальным навесом и длинным хвостом, N — с перекладиной, опускающейся с самого верха левой мачты ниже середины правой мачты, но в букве коромысло в одном из случаев (в надписи «Об Олисаве») уже приподнято до верхнего уровня строки.

Более полно представлен датированными надписями тринадцатый век, к которому относятся четыре граффити: 1221, до 1233, 1259 и 1285 гг.

Наиболее ранняя из записей XIII в. «О смерти подьяка Петра» (1221 г.) имеет уже довольно значительные палеографические отличия от граффито XII в. Буква ɛ повернута головкой влево, средняя черта **Н** имеет уже

довольно значительный наклон, начертание ее близко этой же букве Апостола с толкованием 1220 г. и Пролога 1262 г. [8]; ꙗ — похоже на встречающееся в Договоре Мстислава Давидовича с Ригой 1229 г. [9], черта, соединяющая йот с **А**, имеет довольно значительный наклон и примыкает к середине, а не к верхней части **А**.

В записи о смерти «Кюрила» (до 1233 г. ?) необычно ѣ с высокой мачтой и перекладиной, приподнятой значительно выше уровня строки — тип, близкий Апостолу с толкованием 1220 г. [10]

Палеография надписи 1259 г. отличается употреблением очень редко встречающегося йотированного ѣ, известного только по «Изборнику» Святослава 1073 и 1076 гг. [11] Трудно сказать, чем можно объяснить столь архаичное для XIII в. написание. Буква Б несимметрична, ее верхняя часть несколько сокращена; головка ч имеет поворот влево, что, как указывает А. И. Соболевский, обычно для рукописей XII—XIV вв. [12]

Граффито 1285 г. характеризуется общей манерностью почерка, особенно в начертаниях букв А, М, N. К нововведениям этого времени, не встречавшимся в предыдущих надписях, следует отнести несимметричное Ч, находящее аналогии в Погодинском Евангелии [13], и ѱ с округлой чашей, напоминающей в разрезе тюльпан.

В единственной датированной записи XIV в. палеографические особенности выражены недостаточно определенно, лишь буква Б имеет типичное для этого времени несимметричное начертание.

В рассмотренных граффити XI—XIV вв. в основном повторяются буквенные начертания рукописей древней Руси, хотя буквы граффито обладают некоторыми особенностями, связанными со спецификой материала для письма — штукатурки. Из-за соскальзывания резца вертикальные и наклонные линии зачастую продолжались в верхнее и нижнее междустрочные поля, округлые линии выходили ломаными, поэтому буквы граффити не всегда получались такими, какими их желал бы видеть автор.

---

[8] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист V, *49*, *55*.
[9] *Там же*, лист V, *51*.
[10] *Там же*, лист V, *49*.
[11] *Там же*, лист I, *3*, *4*.
[12] *А. И. Соболевский*, указ. соч., стр. 52.
[13] *Я. И. Трусевич*, указ. соч., лист VII, *71*.

Кроме того, в граффити употреблялись архаичные буквы, с целью обеспечения наибольшей четкости письма; этот прием известен по новгородским берестяным грамотам[14]. Перечисленные особенности, встреченные при изучении граффити, чрезвычайно затрудняют палеографическую датировку тех надписей, которые не имеют других датирующих признаков.

Полное соответствие рукописям встречено в начертаниях и эволюции следующих букв граффити: Ж,Ѕ,Ѡ,Ѵ. Особой последовательностью и четкостью в своем развитии отличается написание буквы Ѣ, в которой коромысло в период XI—XIV вв. неуклонно поднимается вверх.

В соответствии с палеографией рукописей находится и написание единичных букв с числовым значением, которые даже при наличии титла внутри строки выделяются точками с обеих сторон. При нескольких буквах под титлами указанные точки отсутствуют.

Буква Ѯ (кси) встречена только в числовом значении (60), а Ѱ (пси) употреблена при написании слова ѰЛЪ («псал») и в числовом значении 700.

К особенностям палеографии граффити (впрочем, характерным и для новгородских берестяных грамот) относятся начертания Н,N (XI — XIV вв.), которые не отражают известной по памятникам письменности эволюции написания этих букв. Буква Н в записях XI—XIV вв. пишется одинаково — с горизонтальной перекладиной, а в букве N в некоторых случаях (запись 1285 г.) перекладина опускается с верха одной до низа другой мачты, как в XI в. Наклон перекладины в этих буквах изменяется лишь незначительно, что, по-видимому, было вызвано указанным выше стремлением добиться наибольшей четкости письма. Возможно, по этим же причинам среди граффити XIII—XIV вв. встречены лишь единичные типы букв нового стильного почерка (с сигнальной линией в верхней части букв), отмеченного В. Н. Щепкиным в рукописях этого времени.

Среди граффити Софийского собора встречено всего пять глаголических букв: Ⰳ (Г), Ⰽ (К), Ⰿ (М), Ⱂ (П), Ⰻ (и), написанных не вполне

[14] Эта особенность была отмечена М. В. Щепкиной в рецензии на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте» (см. в кн.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот, М., 1955).

круглым почерком, что, вероятно, отражает не столько особенности начертания букв, сколько трудности написания закругленных линий по фресковой штукатурке. Кроме того, открыто еще две фигуры [illegible] (на плане № 8а) и [illegible] (6а), напоминающие глаголические буквы.

ГРАФФИТИ И ЛЕТОПИСЬ. Часть открытых в Софийском соборе граффити несомненно связана с летописанием. Подобные граффити можно разделить на две группы: надписи, имеющие прямые аналогии в летописи, и надписи, напоминающие летописные тексты историческими именами и отдельными языковыми оборотами.

К первой группе граффити относится ряд надписей, в основном XI—XII вв., которые достаточно расположить в хронологическом порядке, чтобы их сходство с летописью стало очевидным.

Граффити Софии Киевской	Летопись[15]
«6550 (1042 г.)». Дата без текста. «В лето 6554 (1046 г.)». Дата без текста.	—
«6559? (1051 г.)». «Месяца априля в 9 день поставлено бысть владыку».	«В лето 6559. Постави Ярослав Лариона митрополитом русина въ святей Софьи, собрав епископы».
«В лето 6560 (1052 г.), марта в 3-е разгром...»	—
«В лето 6562 (1054 г.), месяца феврари в 20 успенье царя (цесаря) нашего...	«В лето 6562... Преставися князь Руский Ярослав... Ярославу же приспе конець житья и предасть душю свою месяца февраля в 20 в суботу 1 недели поста в святого Федора день» [16].
«6586? (1078 г.).... «4 лета княжил Святослав...	

[15] Отрывки даны по кн.: Повесть временных лет, т. I.
[16] Ипат., стлб. 149, 150.

«6599? (1091 г.)». «Месяца августа в 22 преставися раб божий Лука епископ блаженный Белогородский».	—
«6601 (1093 г.)». «В великий четверг рака положена бысть Андрея русьского князя благого, а Дмитр писал отрочка его месяца априля в 14...»	«В лето 6601, индикта 1 лето, преставися великий князь Всеволод, сын Ярославль, внук Володимерь, месяца априля в 13 день, а погребен бысть 14 день, недели сущи тогда страстней и дни сущю четвертку, в онь же положен бысть в гробе в велицей церькви святыя Софья. Сий бо благоверный князь Всеволод бе...
«6601 (1093 г.)». «Приде князь Святополк...	(В то же лето (6601)) «... И минувшю велику дни, пришедши Праздней недели, в день антипаскы, месяца априля в 24 день, приде Святополк Кыеву».
«6601–6621 (1093–1113 гг.)». «Месяца декабря в 4-е створиша мир на Желяни: Святополк, Володимир и Ольг».	—
«В лето 6729 (1221 г.) преставися раб божий подъяк Петр».	—
6741? (1233 г.) «Месяца ноямбря в 27 день преставися раб божий митрополит Кюрило».	—
«В лето 6767 (1259 г.)». Дата без текста.	—
«В лето 6793 (1285 г.) преставися раб божий Захария месяца февраля в (17) день на память святого Федора Тирена — в субботу...»	—

По своей тематике близкие к летописи граффити относятся к памятным и поминальным записям Подавляющее большинство их периода XI—XIV вв. было сделано в XI в. Они зафиксировали не только события, имеющие отношение к Софийскому собору, например, «поставление владыки» (митрополита), упоминания о смертях Ярослава Мудрого, Луки Белогородского, о раке Всеволода и других видных лиц, но и эпизоды общерусской политической жизни, связанные с княжением Святослава Ярославича на протяжении четырех лет, приходом Святополка Изяславича на княжение, миром на Желяни, вероятно, заключенном после княжеских «котор» (усобиц), и др.

Некоторые граффити не всегда находят полные соответствия в летописном тексте, но тематика их не выходит из рамок летописных записей. Так, в летописи нет точного сообщения о том, сколько лет княжил Святослав Ярославич, но такие свидетельства есть по отношению к другим князьям. Например, Всеволод Ярославич «княжив лет 15 Кыеве, а в Переяславли лето, а в Чернигове лето» или (под 1068 г.) «Всеслав же седе Кыеве месяць 7». В летописи нет и сообщения о мире на Желяни, но похожая запись имеется под 1098 г.: «В лето 6606. Приде Володимер и Давыд и Олег на Святополки и сташа у Городца, и створиша мир»[17].

Очень много языковых аналогий в летописи находит граффито «Приде князь Святополк». Помимо записи 1093 г. о вокняжении Святополка Изяславича в Киеве, сообщения, начинающиеся словом «приде», очень часты в летописном тексте: «приде Мьстислав из Тъмутороканя Кыеву», «приде митрополит Никифор в Русь»[18] и многие другие. Даже простейшие надписи, состоящие из одних дат, находят соответствие в летописи, где обычны указания годов без текста.

Большое количество граффити представлено поминальными записями, по смыслу и форме близкими к летописным поминаниям. В свое время А. А. Шахматов полагал, что при Софийском соборе в XI в. велся княжеский помянник, при составлении которого использовались надписи на крестах и надгробных плитах[19] Эти надписи впоследствии вошли в Начальную летопись. К княжескому помяннику, по мысли Шахматова,

---

[17] Повесть временных лет, т. I, стр. 115, 142, 181.

[18] *Там же*, стр. 99, 185.

[19] *А. А. Шахматов*, Розыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 458.

ведет торжественное слово «преставися», характерное для поминальных записей Софийского собора, которое лишь в граффито о смерти Ярослава Мудрого заменено еще более торжественным термином «успение». Впрочем, последний, наряду с «преставися», употреблен летописью под 1074 г. по отношению к смерти Феодосия Печерского.

Из поминальных граффити Софийского собора в княжеский помянник, несомненно, были вписаны имена Ярослава Мудрого, Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. И все же, несмотря на это, их имена в обычной поминальной форме были начертаны на стенах собора. Есть основания полагать, что причина этого заключалась в том, что, по существовавшему обычаю, поминальные записи писались на стенах того храма, в котором были погребены упомянутые в них лица. Наше предположение подтверждается находками граффити о смерти Ярослава Мудрого, о раке Всеволода Ярославича, о смерти Владимира Мономаха[19a] и захоронением перечисленных князей, согласно летописи, в одном и том же соборе. Возможно, что в связи с этим епископ Лука Белогородский также был похоронен в митрополичьем Софийском соборе. Мало того, по отношению к некоторым поминальным надписям с термином «преставися» возникает вопрос: не выцарапаны ли они над теми местами в соборе, где под полом имелись погребения упомянутых в записях лиц?

При составлении вышеупомянутого княжеского помянника, вероятно, использовались и настенные поминальные надписи, сделанные на видных местах в различных церквях и говорящие о погребенных в них людях.

Поминальные граффити, открытые в Софийском соборе, как уже указывалось, имеют твердо установившуюся форму написания, обязательными элементами которой является ссылка на месяц и число события. Интересно отметить, что дата смерти (кроме года), т. е. месяц и число в летописных сообщениях, как правило, ставится в конце записи, а в граффити, наоборот, в начале, например:

В летописи:[20]	В граффити
«В лето 6602... преставися епископ Володимерский Стефан, месяца априля в 27 день, в час 6 нощи».	«Месяца августа в 22 преставися раб божий Лука епископ блаженный Белогородский».

[19a] Запись не вошла в настоящее издание.

[20] Повесть временных лет, т. I, стр. 148.

«В лето 6562... Преставися князь Руский Ярослав... Ярославу же приспе конець житья и предасть душю свою месяца февраля в 20 в суботу 1 недели поста». [21]

«В лето 6562 месяца февраля в 20 успение царя нашего...

«В лето 6619... преставися Иоан, епископ Черниговский, месяца ноября в 23».

«Месяца ноямбря в 27 день преставися раб божий митрополит Кюрило».

Форма поминальных записей, как мы отмечали, оказала большое влияние на записи другого характера, например, на памятные граффити, которые часто начинаются указанием месяца и числа события, например: «месяца априля в 9 поставлено бысть владыку... «месяца декабря в 4-е створиша мир на Желяни», «месяца енаря в 30 на святого Ипполита, крила землю Бояню княгыни Всеволожа» и т. д. Авторы перечисленных записей совершенно упустили из виду, что краткая датировка вполне достаточная для поминания, недостаточна для указания времени совершившегося события. Однако в силу установившейся традиции в ряде случаев применялась форма, заимствованная из поминальных надписей.

Поминальные граффити без каких-либо структурных изменений сохранились и в XIII в. о чем свидетельствуют надписи о смерти митрополита «Кюрила», подьяка Петра, некоего Захарии и др.

Целый ряд надписей связывается с летописью по историческим именам, титулатуре, языковым оборотам, терминам. К ним относится большинство граффити, начинающихся канонической формулой «господи, помози рабу своему». Очень интересны в этом отношении взаимосвязанные надписи об Олисаве, Святополчей матери, Михаиле-Святополке Изяславиче и Якуне. Имя первой не читается в летописи, которая ограничивается лишь указанием на ее родственное отношение к Святополку: ...преставися княгыни Святополча мати» [22]. Но по сфрагистическим материалам имя матери Святополка известно: оно встречается на печатях, приписываемых вдове Изяслава Ярославича [23]. Из граффито же следует, что Олисава была не

[21] Ипат. стлб. 149, 150.

[22] Повесть временных лет, т. I, стр. 187.

[23] *В. Л. Янин*, Печати с надписью «Дынѣслово», стр. 168, 169.

только матерью Святополка, но еще и «русьской княгыней», т. е. супругой великого киевского князя. Эти дополнительные комментарии чрезвычайно напоминают летописные, вроде «Рогънедь, мати Ярославлья», «Евпракси дщи Всеволожа», «жена Ярославля, княгыни» и др.[24]

Надпись Святополка, расположенную рядом с граффито об Олисаве, сближает с летописью упоминание крестильного имени князя — Михаил, употребленного летописцем в надгробном слове Святополку под 1093 г.: «благоверный князь Михаил, зовемый Святополк». К граффито о Михаиле, в свою очередь, относится запись о Якуне, содержащееся в ней имя находит аналогии в летописи под 945, 1024, 1159 и 1160 гг.[25]

Две записи с именем Ставра Городятинича имеют прямое отношение не только к летописному Ставру[26] и Ставку Гордятичу «Поучения» Владимира Мономаха[27], но и к былинному Ставру Городиновичу[28]. Встреченный в надписи о Бояновой земле Иван Янчин заставляет вспомнить летописный Янчин (Андреевский) монастырь, основанный Всеволодом Ярославичем в 1086 г. для своей дочери Янки.

Как было сказано выше, запись Олисавы близка летописи не только благодаря тому, что она относится к матери Святополка Изяславича, но и в связи с широко известной летописной титулатурой «русьская княгыни». Другим, хорошо знакомым по древним литературным памятникам, в том числе и летописи, титулом был «каган», встреченный в записи «Спаси господи, кагана нашего». Этим титулом под 965 г. назван в летописи хазарский князь[29], Илларион в «Слове о законе и благодати» называет «великим каганом» Владимира Святославича, а Ярослава Мудрого в «Изложении веры»— «благоверным каганом»; в «Слове о полку Игореве» говорится о «каганьем» времени. Значительно более редко и не в прямом смысле употребляется летописью другой равнозначный титул — царь или цэсарь, упоминающийся в записи о смерти Ярослава Мудрого. В 1149 г. Юрий Владимирович обратился к Изяславу Мстиславичу — киевскому великому князю: «А ти седи царствуя в Кыеве». По смерти Изяслава

[24] Повесть временных лет, т. I, стр. 88, 104, 187.
[25] Ипат., стлб. 503, 505.
[26] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, стр. 204, 205.
[27] Повесть временных лет, т. I, стр. 158—159.
[28] *Б. А. Рыбаков*, Древняя Русь, стр. 125—129.
[29] Повесть временных лет, т. I, стр. 47.

Мстиславича (13 ноября 1154 г.) «плакася по нем вся Русьская земля и вси Чернии Клобуци и яко по цари и господине своем» [30]. В 1200 г. намерение князя Рюрика Ростиславича соорудить подпорную стену у церкви Михаила Выдубецкого монастыря было названо игуменом Моисеем «царской мыслью» [31]. Необычный титул «митрополит всея Руси» применен в настенной записи XIV в. по отношению к Феогносту.

Часть граффити напоминает летописный текст и другие древние письменные памятники по содержащимся в них названиям зависимых людей древней Руси, к которым относятся отроки, прощеники и т. д. В одних случаях прибавление к имени указывает профессиональную принадлежность автора записи («забойник»— строитель забоев (?), загородок для скота). Другие эпитеты говорят о связях писавших с княжеской администрацией: «Иван дьяк Давыдов», «мечьник княжеский Василий» и др. Например, княжеский мечник упоминается летописью под 1174 г.: «Андрей же (Боголюбский) ражьгся гневом и посла Михну мечьника» [32]

Тематика записей-граффито безымянных авторов охватывает, в основном, тот же круг вопросов, что и летопись. Главное внимание при этом отводилось упоминаниям о различных событиях церковно-политической истории и поминаниям погребенных в соборе лиц.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ГРАФФИТИ В ПАМЯТНИКЕ. Древнерусские граффити обнаружены почти во всех помещениях Софийского собора, особенно в первоначальной пятинефной части постройки (см. планы I и II этажей), т. е. там, где лучше всего сохранилась древняя штукатурка.

Наибольшее количество граффити открыто в центральном нефе собора, а также в приделах Михаила и Георгия. У южной стороны среднего нефа и в примыкающих к нему приделах, как об этом можно судить по числу граффити, располагались посетители, много и охотно писавшие на стенах. Наоборот, с северной стороны центрального нефа и в ближайших к нему северных приделах обнаружено несравненно меньше записей. Посетители этой части собора, в большинстве случаев, ограничивались выцара-

[30] Ипат. стлб. 380, 469.
[31] *Там же*, стлб. 712.
[32] *Там же*, стлб. 572.

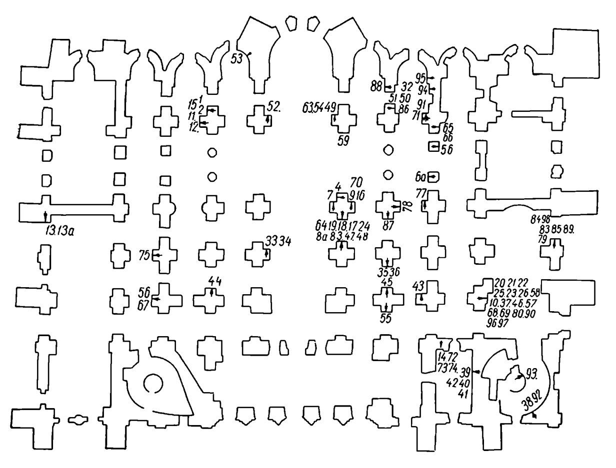

Рис. 9. София Киевская. План I этажа. Цифрами указаны места расположения граффити.

пыванием многочисленных крестов, что свидетельствует, вероятно, об их неграмотности. Эта особенность в расположении граффити, по-видимому, отражает существовавший на Руси обычай, согласно которому во время церемоний в соборе мужчины располагались с южной, а женщины — с северной стороны первоначального ядра храма. Подобная закономерность расположения граффити наблюдается и на втором этаже, на хорах Обе надписи с упоминанием имен женщин (Олисавы и Агафьи) обнаружены в северной части хоров, где располагалась женская половина княжеской семьи.

Скопления древнерусских граффити, как правило, связаны с фресковыми изображениями популярных на Руси святых. Много записей встречено на нижних частях фресок: Пантелеймона и Николы в центральном

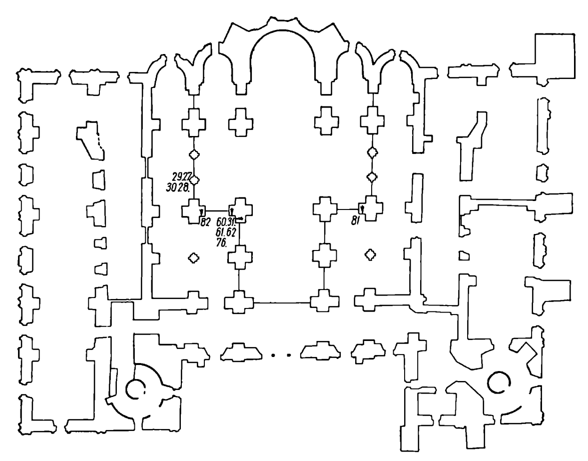

Рис. 10. София Киевская. План II этажа. Цифрами указаны места расположения граффити.

нефе, Онуфрия и Стефана в наружной и внутренней южных галереях, на композиции «40 севастийских мучеников», в крещальне собора, в Михайловском приделе, у так называемого «честного креста» и во многих других местах.

Некоторую закономерность можно уловить и в расположении граффити, относящихся к князьям или содержащих княжеские имена. Среди открытых на южных крещатых столбах среднего нефа княжеских надписях (о смерти Ярослава Мудрого и Всеволода, о руге Святослава) интересно расположение граффито о кончине Ярослава Мудрого. Эта надпись находится на восточной плоскости третьего от алтаря южного крещатого столба (см. план I этажа, № 8). На первый взгляд, может показаться довольно странным, почему княжеская запись помещена не на более почет-

ном месте, например, на одном из столбов подкупольного квадрата (как надписи о сыновьях Ярослава — Всеволоде и Святославе) или в приделе Георгия — патрона Ярослава? Подобное размещение записи о смерти Ярослава Мудрого можно объяснить только тем, что вверху над ней, на западной стене, некогда находилось фресковое изображение князя и членов его семьи. В настоящее время первоначальная западная стена главного нефа не сохранилась, но на западной плоскости крещатого столба, который был когда-то частью той стены, можно видеть небольшой фрагмент фигуры Ярослава (на плане № 8). Эта часть фресковой фигуры легко узнается по очертаниям в изображении Ярослава Мудрого с моделью храма в руках на рисунке А. Ван-Вестерфельда, голландского художника, побывавшего в Киеве в 1651 г. и зарисовавшего в Софийском соборе портрет семьи князя до того, как была разрушена западная стена[33].

Граффити о мире на Желяни и «Приде князь Святополк», написанные во время княжения в Киеве Святополка Изяславича. Также не случайно помещены у южного входа в Михайловский придел (см. на плане №№ 5, 6), посвященный патрону Святополка — Михаилу.

Еще три записи с княжескими именами находятся на хорах (о матери Святополка Олисаве, о Михаиле-Святополке и о князе Георгии (?) и его мечнике Василии). Помещение подобных записей на хорах вполне закономерно, поскольку там во время церемоний находился князь и его семья, а доступ простому народу на хоры был закрыт. При этом были сделаны надписи в северной части хоров, отводившейся в византийских церквях для женщин.

Надо полагать, что обнаруженные граффити составляют лишь незначительную часть записей, сделанных в древности. Это объясняется тем, что во многих местах собора столбы и стены первоначальных галерей оказались позднее замурованными или произошли обвалы древней фресковой штукатурки. Между тем в галереях, двумя рядами опоясывавших собор с севера, юга и запада, толпилась масса народа, поэтому именно в этих частях здания, где присмотр за посетителями, по-видимому, был менее строг, можно было бы ожидать начертания наиболее интересных и многочисленных граффити. И действительно, только на одной плоскости

---

[33] *Я. И. Смирнов*, Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в., Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905), т. II, М., 1908, табл. I, XIV.

столба, входившего в южную открытую галерею, на фреске, изображающей Онуфрия, было открыто более 20 граффити и среди них записи о смерти Луки Белогородского (10) и о Бояновой земле (25).

В северной внешней галерее, на небольшом участке древней штукатурки, в проеме окна, на изображении Николая, находилась запись о кагане. Расположение этой княжеской записи в северной галерее, на отшибе собора, можно объяснить только стремлением ее автора поместить призыв о помощи кагану (Святославу) на изображении его патрона Николая.

Княжеские надписи в большинстве случаев располагаются на значительной высоте над уровнем пола XI в.; например, запись о мире на Желяни помещена на высоте 2,15 *м*, о приходе Святополка — 2,0 *м*, об Олисаве, Святополчей матери, и Михаиле-Святополке — 1,75 *м*, о Бояновой земле — 2,1 *м*. Простые же записи обычно написаны на уровне глаз человека среднего роста и высота их от пола XI в. колеблется от 1,0 до 1,75 *м*. Изредка встречаются надписи, сделанные на высоте ниже одного метра от пола, по-видимому, они писались людьми, стоявшими на коленях.

* *

Граффити XI—XIV вв. в палеографическом отношении близки древнерусским письменным памятникам, что дает возможность в некоторых случаях датировать надписи на основании известных закономерностей и эволюции начертаний букв. Важное значение для датировки граффити имеют и упоминания исторических лиц и событий, читающихся в летописных текстах.

Надписи Софийского собора по содержанию родственны, а иногда и аналогичны летописным сообщениям. Особенностью этих граффити является большой интерес авторов к отечественной истории, стремление оставить память о волновавших их событиях.

Древнерусские записи и рисунки встречены почти во всех частях Софийского собора, но установить какую-либо закономерность их размещения в здании не удается. Только в некоторых случаях можно определить причины, по которым отдельные записи сделаны в том или ином месте. Расположение и содержание граффити часто связано с тематикой фресковой живописи собора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Древнерусские граффити XI—XIV вв. открытые в Софийском соборе, отражают и достаточно полно охватывают различные стороны общественной жизни Киева указанного периода времени.

Софийские граффити можно разделить на записи памятные, поминальные, благопожелательные и поясняющие фресковые изображения, а также выделить из их среды рисунки и различные магические знаки.

Многие граффити, особенно XI—XII вв. отличает повышенный интерес их авторов к событиям отечественной истории, часто имевшим общерусское значение, в связи с чем содержание и языковый колорит многих надписей перекликается с летописями. Помимо упоминаний многих исторических лиц, некоторые надписи сближает с летописанием употребление титулатуры, языковых выражений и терминов, напоминающих летописные, вроде «каган», «русьская княгыни», «царь», «приде князь», «приставися», «отрок», «дьяк», «мечник», «прощеник» и др. Одна группа граффити составляет как бы небольшую эпиграфическую летопись. Трудно переоценить научное значение подобных записей, одинаково ценных для палеографов, лингвистов и историков культуры вообще. Граффити представляют к тому же исторический источник большой важности. Достаточно вспомнить, что запись о смерти Ярослава Мудрого позволила решить дискуссионный вопрос о дате этого события, подтвердив свидетельство Ипатьевской летописи, согласно которому князь умер 20 февраля 1054 г.

Открытие в соборе большого числа разнообразных надписей (изучению не подвергались

их фрагменты, еще более многочисленные) свидетельствует о значительном развитии письменности на Руси среди самых широких слоев народа. Во многих записях чувствуется рука опытных каллиграфов-книжников, которые даже на твердой штукатурке сумели передать изящество начертаний букв и сохранить прямоту строк.

Трудно сказать, по каким причинам выцарапывались многие граффити. Не вызывает сомнений назначение только двух их категорий: подписей фресок, которые делались из-за того, что поясняющие тексты при фресках были написаны на непонятном народу греческом языке, и поминальных надписей. Остальные граффити, вероятно, писались во время долгих церковных служб. Выцарапывание на стенах порицалось официальной церковью: «Церковная татба: мертвеци сволочать, крест посекут или на стенах режут... или что неподобно в церкви подееть» [1] Об этом же можно судить по многочисленным зачеркнутым церковными цензорами граффити, встреченным на стенах Софийского собора. Но несмотря на запреты, которые нарушались, в первую очередь, самими церковниками, обычай выцарапывать записи и рисунки на стенах зданий получил на Руси большое распространение, он нашел отражение даже в древнерусских былинах; например, об Илье Муромце, направлявшемся из Мурома в Киев, говорится:

«На часовне подписал свое имячко:
Ехал такой-то сильный, могучий богатырь,
Илья Муромец сын Иванович» [2].

Важное значение приобретают обнаруженные датированные граффити для исследования архитектуры и живописи Софийского собора. Так, на основании надписи 1052 г. можно с гораздо большей уверенностью, чем ранее, говорить о времени выполнения внутреннего убранства, в частности, фресок в центральной части собора. Ряд надписей дают возможность установить названия композиций и уточнить персонажи фресок. На основании отнесения записи «спаси кагана нашего» к Святославу Ярославичу можно датировать пристройку к собору северной внешней галереи временем до 1076 г., в котором умер этот князь.

---

[1] Церковный устав Владимира, Вторая редакция, Памятники русского права, вып. I, М., 1952, стр. 241.

[2] *Ф. Буслаев*, Русская хрестоматия, М., 1894, стр. 390.

Итак, при общей скудости и исчерпанности источчиков по начальным периодам истории нашей Родины древнерусские граффити приобретают особо важное значение. В своей совокупности граффити архитектурных памятников древней Руси, как об этом можно судить по исследованию их в Софии Киевской, несомненно могут быть причислены к важнейшим историческим источникам.

SUMMARY

The Sofisky (St. Sophia's) Cathedral, built in 1037 at the command of Prince Yaroslav Vladimirovich the Wise, has been preserved up to our times in Kiev. At the time the cathedral was built, Kiev was the capital of ancient Rus, and the Sofisky Cathedral was its principal church, representatives of all strata of the city's population gathering under its vaults. In the course of centuries numerous visitors left various inscriptions and drawings on the walls of the building, which have been given the scientific name of «graffiti».

For a long time the graffiti of Sofisky Cathedral were unavailable for study, since the original plastering, bearing the inscriptions and drawings had been covered by later oil painting. In the post-war years work was conducted in the cathedral on the restoration of the ancient painting. Together with the frescos that were discovered under later paintings, a close examination revealed ancient Russian, Ukrainian, Polish, Greek and Latin graffiti of the XI—XVI centuries.

In this book the author discusses about one hundred ancient Russian graffiti of the XI—XIV centuries, discovered by him in 1957—1964. The inscriptions are divided into chronological groups, corresponding to the chapters in the book. Photographs of inscriptions and drawings are given, as well as a paleographic analysis and historical commentaries. The location of the inscriptions in the building is indicated.

Thematically the graffiti may be divided into memoranda, inscribed chiefly on the occasion of attendance in the cathedral, memorial

notes (about persons buried in the cathedral), inscriptions concerning the fresco images, various inscriptions of invocative nature, magical figures and depictions of scenes from life.

In the XI century the authors of the graffiti manifested great interest in events of a Russian national and state nature. Therefore, some graffiti of those times recall chronicle records, not only by their form, but by their meaning as well. Such graffiti enable us in some cases to decide between contradictory reports found in the chronicles, and sometimes give us information not contained in the records. An instance of the latter is the inscription concerning the death on 20 February 1054 of Prince Yaroslav the Wise of Kiev, who is given the title of «Tsar» or «Caesar», not to be found in the chronicles of the XI century. Other graffiti of the XI century tell about the burial of the Kiev Prince Vsyevolod Yaroslavich in the cathedral on 14 April 1093, repeating the chronicle record of the same year; about the reign of Svyatoslav Yaroslavich in Kiev during four years; about the peace concluded between the princes Svyatopolk Izyaslavich, Vladimir Monomachus and Oleg Svyatoslavich in Zhelanya near Kiev.

In the XII century the themes of the graffiti changed somewhat. There are no more memorial inscriptions, but autographic supplicatory inscriptions containing the formula «Lord, help Your servant» are of frequent occurrence. Among others there are a graffito mentioning the name of the wife of Prince Izyaslav Yaroslavich, Olisava (whose name is not found in any written records) and the autograph of the Prince of Kiev, Mikhail-Svyatopolk Izyaslavich. Of the graffiti of the XII century mention should be made of the inscription about Boyan's land, which represents a special type of memorandum about payment of tithes to the cathedral. This inscription mentions a «grivna (mark) of sables» not recorded in any other written sources. An interesting features is the mention of the name Boyan, who figures in the «Lay of Igor's Campaign».

The graffiti of the XIII—XIV centuries differ considerably from earlier inscriptions in their themes and paleography. As a result of the feudal dismemberment of Rus, the outlook of the authors of the inscriptions become gradually narrower, and they reflect mostly on matters confined to the church. For the same reason memorial inscriptions appear once more; however, they do not now speak about the burial of princes, as in the XI century, but of members of the clergy. The discovery of inscriptions of the

XIII—XIV centuries in the cathedral permit judging about the level of the art of writing in the period of Tartar-Mongol rule. Among the interesting inscriptions of those times are the graffiti telling about the deaths of the deacon Peter and a certain Zacharius (1221 and 1285) and the graffito of Agatha, the second woman to leave an inscription on the walls of the Sofisky Cathedral.

Most of the symbolical drawings discovered in the cathedral represent crosses of diversified pattern, princely emblems, as well as figures similar to the marks on ancient Russian pottery and magical symbols of intricate pattern.

Drawings from life are primarily images of domestic animals — horses, cows, pigeons, roosters, etc. The drawings are sometimes furnished with brief inscriptions, which make it possible to date the depictions.

The Sofisky graffiti are written in Cyrillic script letters, which formed the basis of modern Russian, Ukrainian and Byelorussian writing. Only three short fragments were found of inscriptions written in the Glagolitic alphabet.

The forms of the letters in the graffiti of the XI—XIV centuries mainly agree with the paleography of the written monuments, the differences being accounted for by the specific technique of scratching out the inscription.

The dating of the graffiti (except for dated inscriptions) was arrived at by paleographical comparison with dated written monuments.

Graffiti are encountered in almost all parts of the Sofisky Cathedral, but no regularity could be found in their location. It is noted only that in the central nave and in the southern part of the cathedral, where the men stood during service, there are many more inscriptions than on the northern side. There is an accumulation of inscriptions on the images of saints popular in ancient Rus, such as Onufrius, Nicholas, Panteleimon.

The investigation of the graffiti of the Sofisky Cathedral in Kiev shows that in view of the exhaustion of sources on the early period of the history of ancient Rus, the study of the ancient Russian inscription of the architectural monuments acquires special significance — they may be considered as important historical sources.

ТАБЛИЦЫ

1

2

Табл. I. *1* — Запись 1042 г. (1), фото; *2* — запись 1046 г. (2), фото.

1

2

Табл. II. *1* — Запись 1042 г, прорись; *2* — запись 1046 г., прорись.

1

2

Табл. III. *1* — **Запись 3-го марта 1052 г. (3), фото;**
2 — **запись о поставлении владыки (7), фото.**

1

2

Табл. IV. *1* — Запись 3-го марта 1052 г., прорись;
2 — запись о поставлении владыки, прорись.

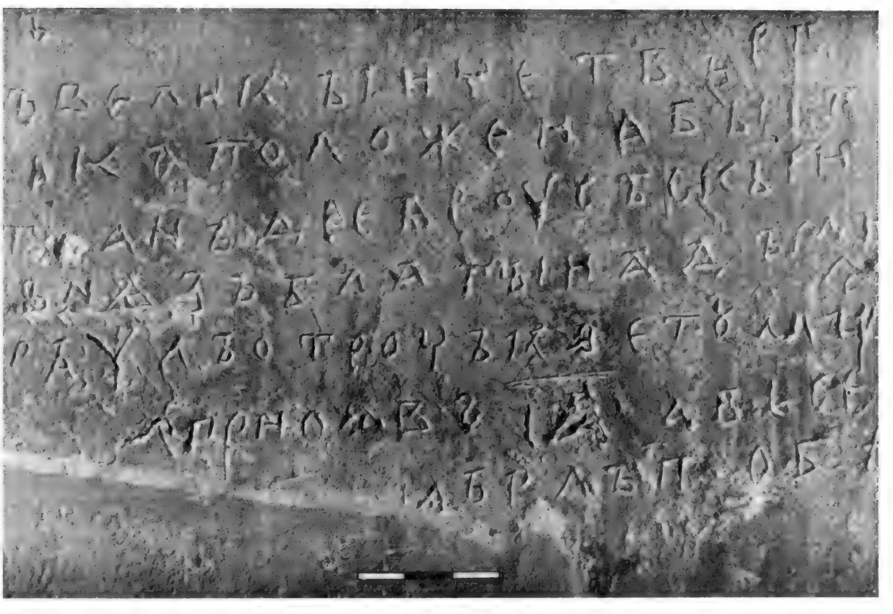

Табл. V. Запись о «раке» — саркофаге Всеволода Ярославича (4), фото.

Табл. VI. Запись о «раке» — саркофаге Всеволода Ярославича, прорись.

1

2

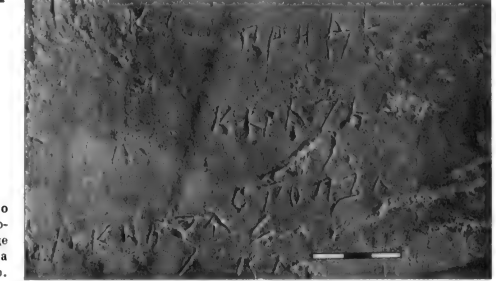

Табл. VII. *1* — **Запись о мире на Желяни (5), фото;** *2* — **запись о приходе Святополка Изяславича (6), фото.**

1

2

Табл. VIII. *1* — Запись о мире на Желяни, прорись, *2* — запись о приходе Святополка Изяславича, прорись.

Табл. IX. *1* — Запись о смерти Ярослава Мудрого (8), фото; *2, 3* — глаголические фрагменты, фото.

2

Табл. X. *1* — Глаголические фрагменты, прорись, *2* — запись о смерти Ярослава Мудрого, прорись.

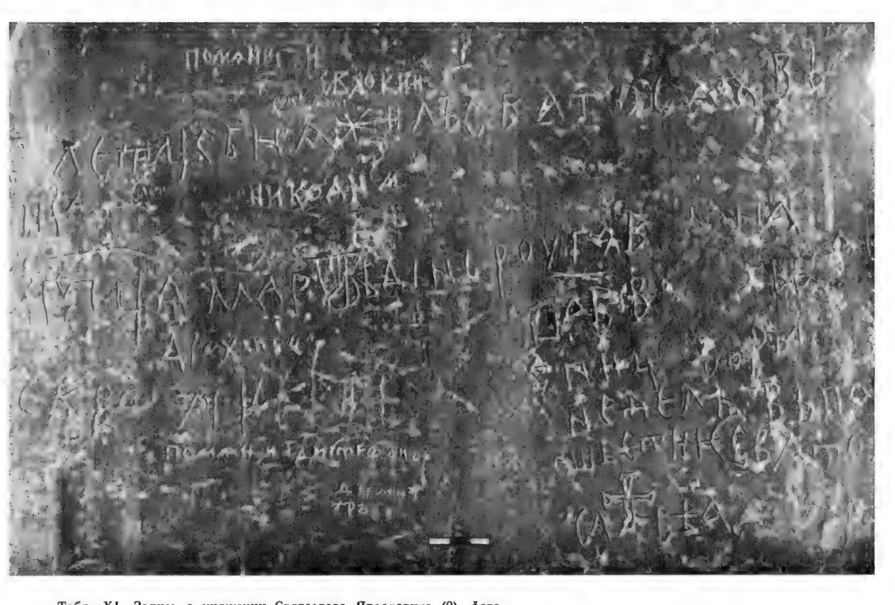

Табл. XI. Запись о княжении Святослава Ярославича (9), фото.

Табл. XII. Запись о княжении Святослава Ярославича, прорись.

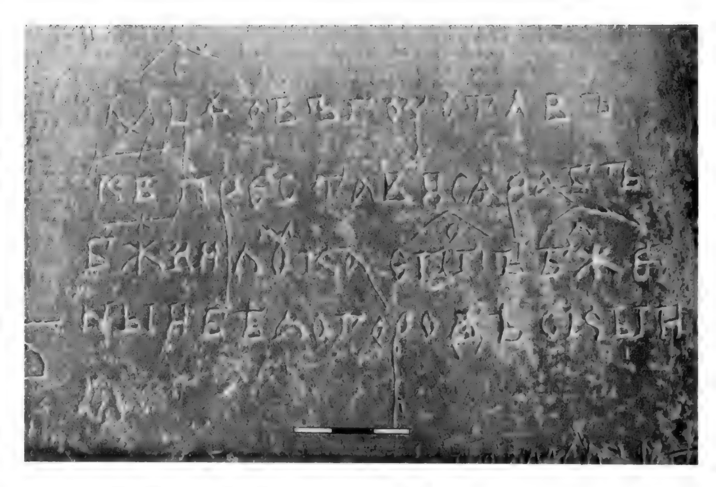

Табл. XIII. Запись о смерти Луки Белогородского (10), фото.

Табл. XIV. Запись о смерти Луки Белогородского, прорись.

1

2

Табл. XV. *1* — Запись 11, фото; *2* — запись 12, фото.

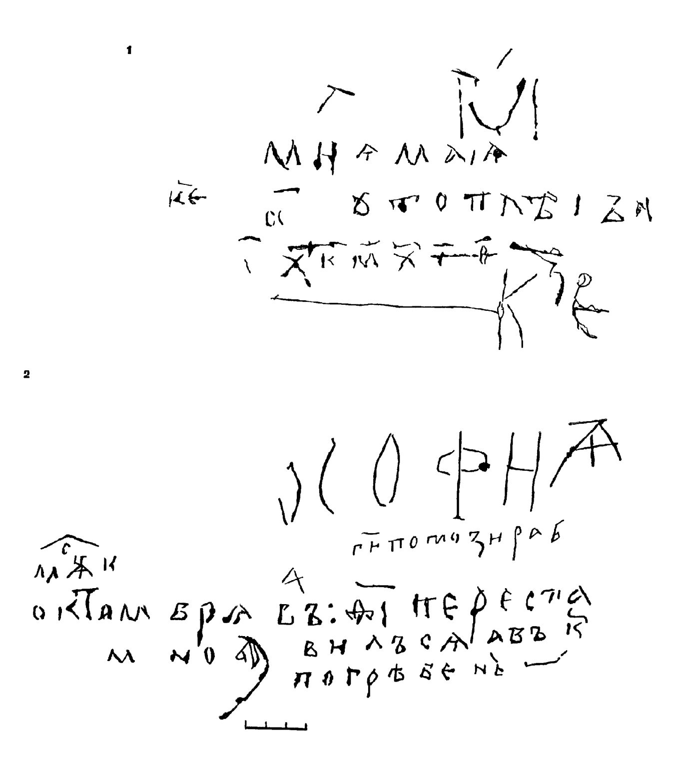

Табл. XVI. *1* — Запись 11, прорись; *2* — запись 12, прорись.

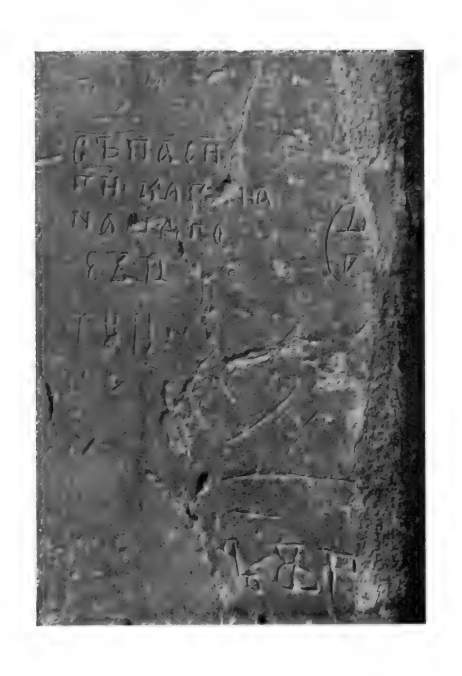

Табл. XVII. Запись о кагане (13), фото.

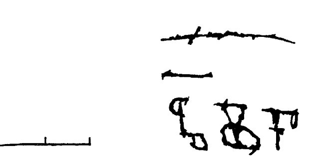

Табл. XVIII. Запись о кагане, прорись.

2

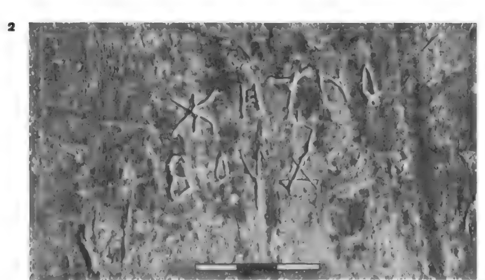
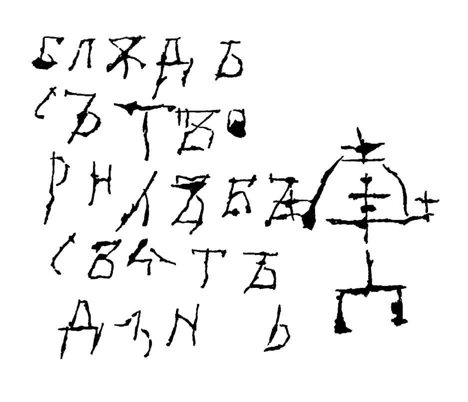

Табл. XIX. *1* — Запись 14, фото; *2* — имя Жизнобуд (15), фото.

1

2

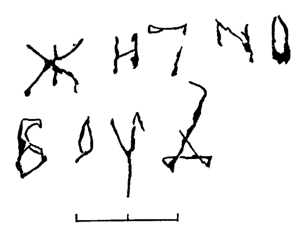
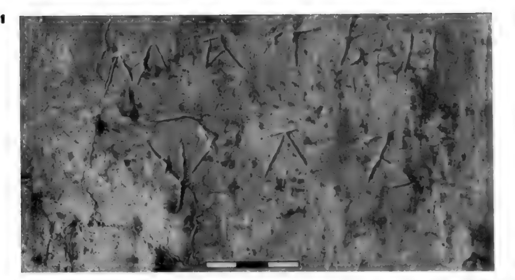

Табл. XX. *1* — Запись 14, прорись; *2* — имя Жизнобуд, прорись

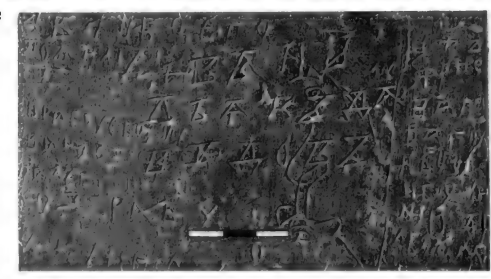
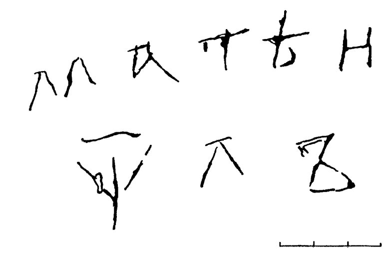

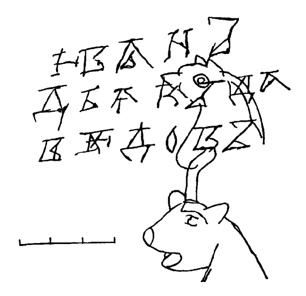

Табл. XXI. *1* — Запись «Матей писал» (17), фото; *2* — запись «Иван дьяк Давыдов» (20), фото; *3* — вторая запись Ивана (21), фото.

1

2

3

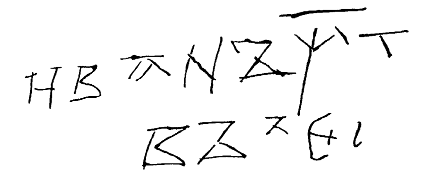

Табл. XXII. *1* — Запись «Матей писал», прорись; *2* — запись «Иван дьяк Давыдов», прорись; рисунок «единорожец» (97); *3* — вторая запись Ивана, прорись.

Табл. XXIII. Запись с именем Ставра Городятинича (18), фото; вторая запись с именем Ставра (19), фото.

Табл. XXIV. Запись с именем Ставра Городятинича, прорись; вторая запись с именем Ставра, прорись.

1

2

Табл. XXV. *1* – Запись Воинега из Полоцка (22), фото; запись 23, фото; *2* — запись 24, фото; запись 64, фото.

1

2

Табл. XXVI. *1* — Запись Воинега из Полоцка, прорись; запись 23, прорись; *2* — запись 24, прорись; запись 64, прорись.

Табл. XXVII. Запись о Бояновой земле (25), фото; запись «Константин, Константинов отрок» (26), фото.

Табл. XXVIII. Запись о Бояновой земле, прорись; рисунок голубя (90); запись «Константин, Константинов отрок», прорись.

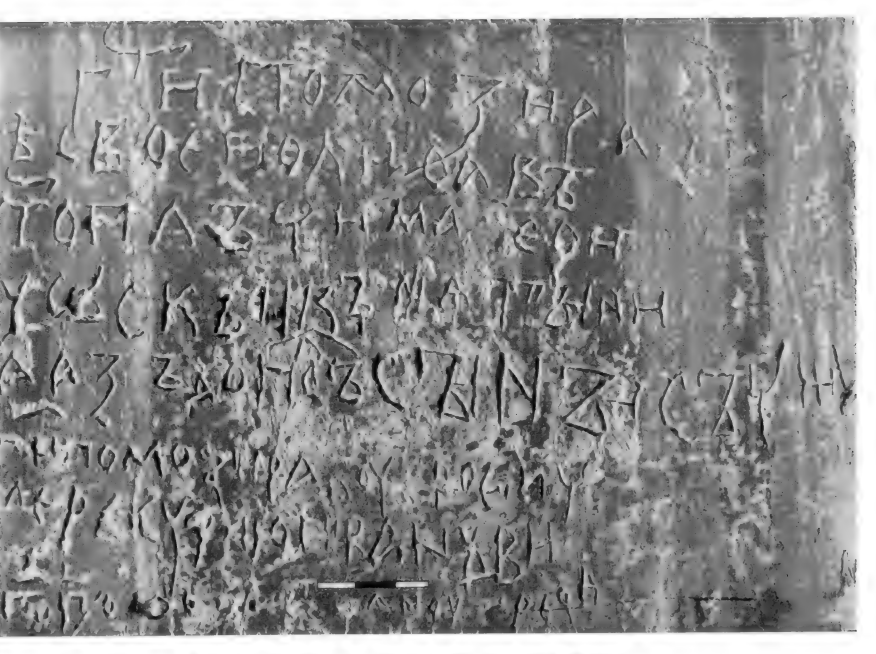

Табл. XXIX. Запись об Олисаве, вдове Изяслава Ярославича (27), фото; запись 30, фото.

Табл. XXX. Запись об Олисаве, вдове Изяслава Ярославича, прорись.

1

2

Табл. XXXI. *1* — Запись Михаила-Святополка Изяславича (28), фото; *2* — запись варяга Якуна (29), фото.

1 2

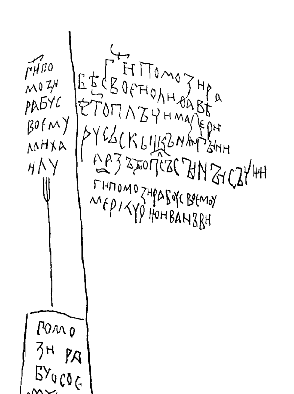
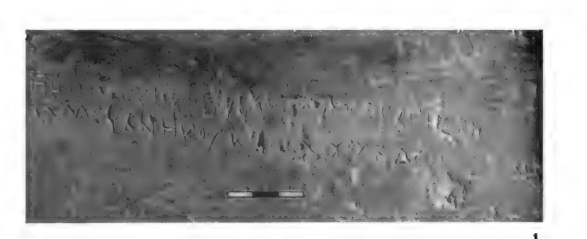

Табл. XXXII. *1* — Запись Михаила-Святополка Изяславича, прорись; *2* — запись варяга Якуна, прорись; *3* — взаимное расположение записей Олисавы, Михаила, Якуна и Меркурия Иванова.

1

Табл. XXXIII. *1* — Запись о княжеском мечнике Василии (31), фото; *2* — запись 32, фото.

1

2

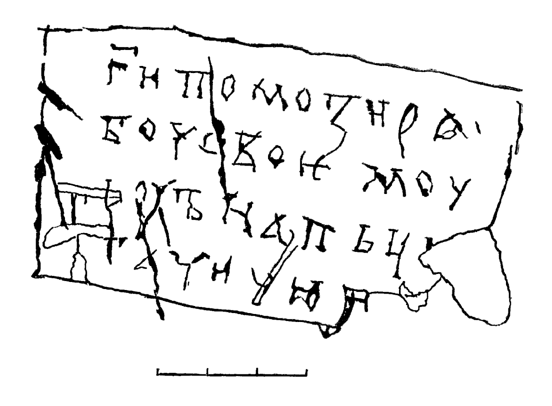

Табл. XXXIV. *1* — Запись о княжеском мечнике Василии, прорись; *2* — запись 32 прорись.

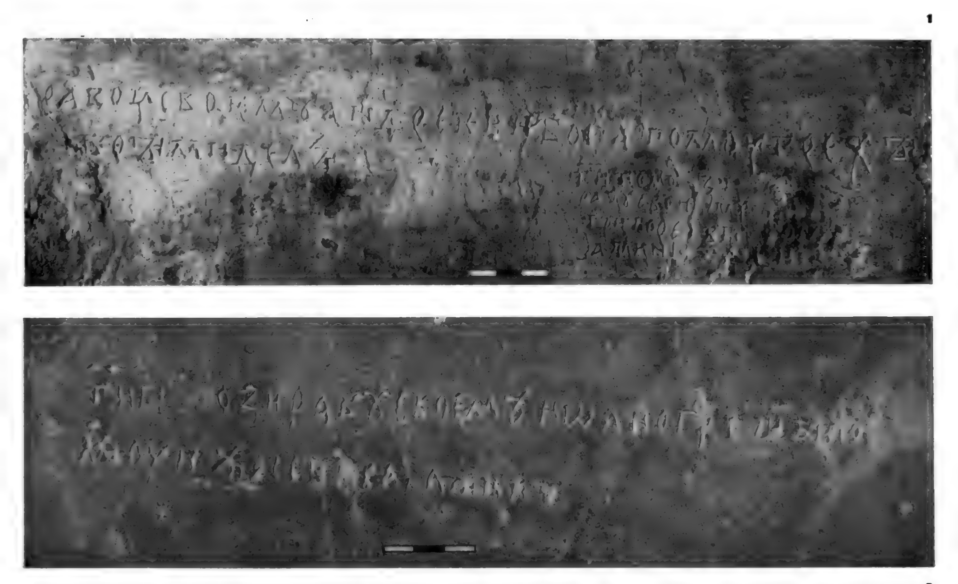

Табл. XXXV. *1* — Запись 33, фото; запись 34, фото; *2* — запись 35, фото.

Табл. XXXVI. *1* — Запись 33, прорись; запись 34, прорись; *2* — запись 35, прорись.

1

2

1

2

Табл. XXXVII. *1* — Запись 36, фото; *2* — запись 37, фото.

1

2

Табл. XXXVIII. *1* — запись 36, прорись; *2* — запись 37, прорись.

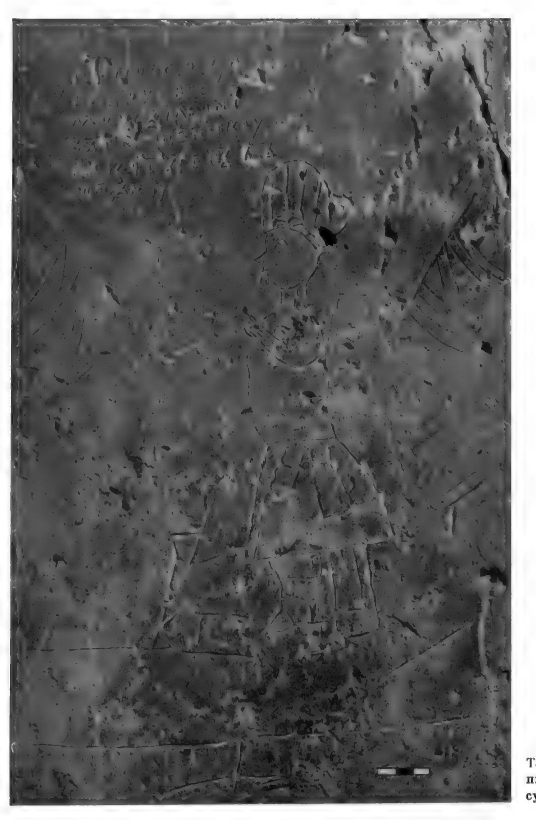

Табл. XXXIX. Запись 38, фото; рисунок 92, фото.

Табл. XL. Запись 38, прорись; рисунок 92, прорись.

1

2

Табл. XLI. *1* — Запись 42, фото; запись 39, фото; *2* — запись 40, фото; запись 41, фото.

1

2

Табл. XLII. *1* — Запись 42, прорись; запись 39, прорись;
2 — запись 40, прорись; запись 41, прорись.

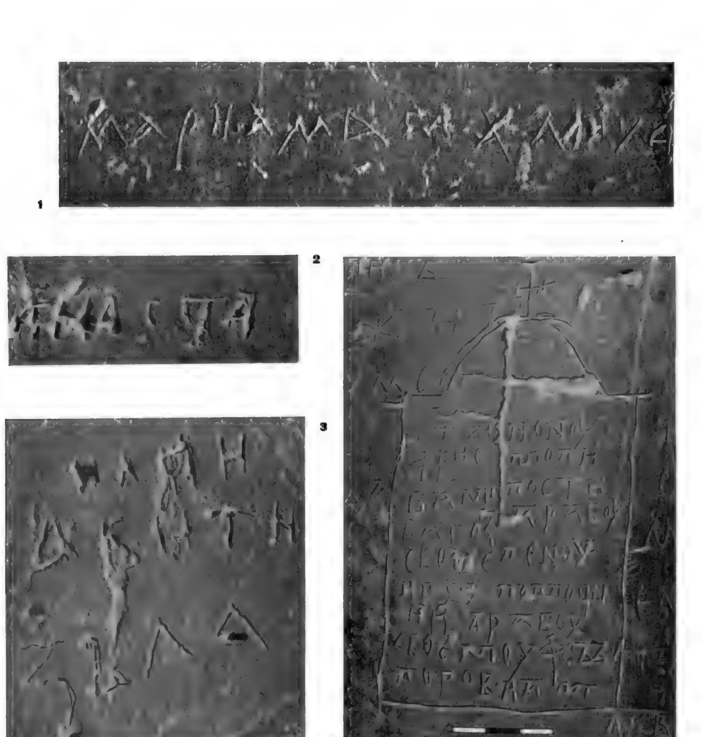

Табл. XLIII. *1* — Запись 44, фото; *2* — запись 45, фото; *3* — запись 43, фото; *4* — запись 46, фото.

1

2

3

4

Табл. XLIV. *1* — Запись 44, прорись; *2* — запись 45, прорись; *3* — запись 43, прорись; *4* — запись 46, прорись.

Табл. XLV. Запись 47, фото; запись 48, фото; рисунок

Табл. XLVI. Запись 47, прорись; запись 48, прорись; рисунок.

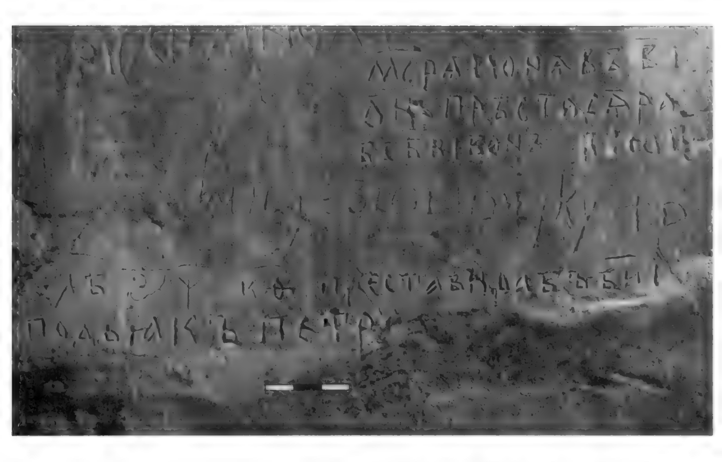

Табл. XLVII. Запись 1221 г. (49), фото; запись 54, фото.

1

2

Табл. XLVIII. *1* — Запись 54, прорись; *2* — запись 1221 г., прорись.

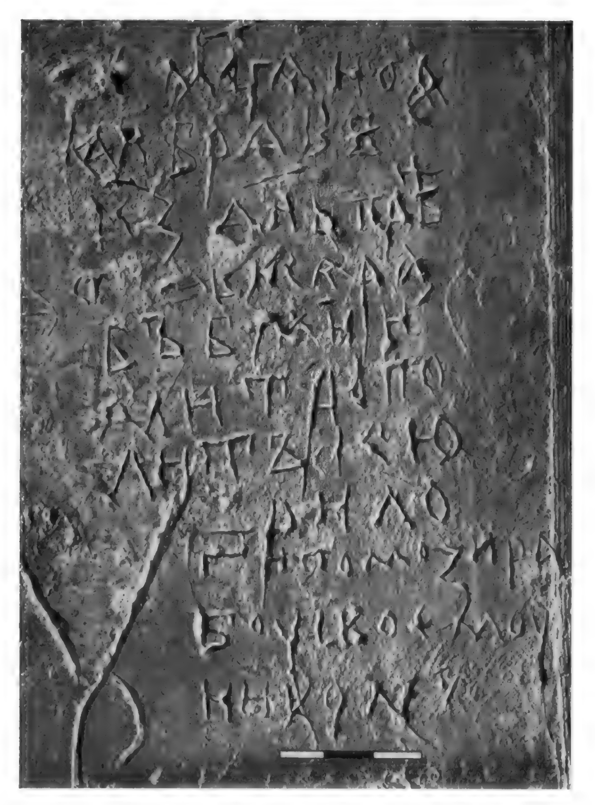

Табл. XLIX. Запись о смерти Кирилла (50), фото; запись 51, фото.

Табл. L. Запись о смерти Кирилла, прорись; запись 51, прорись.

Табл. LI. Запись 17 февраля 1285 г. (52), фото.

Табл. LII. Запись 17 февраля 1285 г., прорись.

1

2

Табл. LIII. *1* — Запись 53, фото; *2* — запись 1259 г. (55), фото.

1

2

Табл. LIV. *1* — Запись 53, прорись; *2* — запись 1259 г., прорись.

1, 3

2

Табл. LV. *1* — Запись прощеника (56), фото; *2* — запись 57, фото; *3* — запись 67, фото.

1, 3

2

Табл. LVI. *1* — Запись прощенника, прорись; **2** — запись 57, прорись; *3* — запись 67, прорись.

1

2

Табл. LVII. *1* — Запись 59, фото; *2* — запись 58, фото.

1

2

Табл. LVIII. *1* — Запись 59, прорись; *2* — запись 58, прорись.

1

2

Табл. LIX. *1* — Запись Агафьи (60), фото; *2* — запись «Лазоря забойника» (61), фото; запись 62, фото.

Табл. LX. *1* — Запись Агафьи, прорись, *2* — запись «Лазоря забойника», прорись; запись 62. прорись.

1

2

1

2

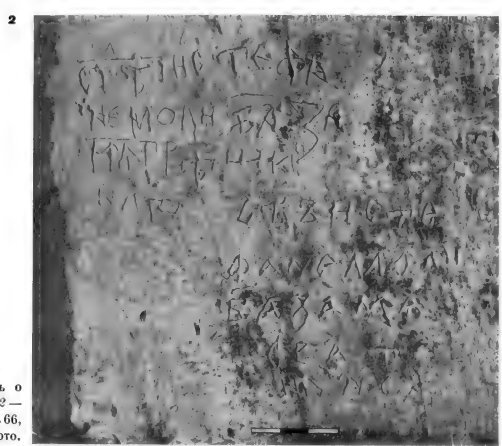

Табл. LXI. *1* — Запись о Феогносте (63), фото; *2* — запись 65, фото; запись 66, фото.

2

Табл. LXII. *1* — Запись о Феогносте, прорись; *2* — запись 65, прорись; запись 66, прорись.

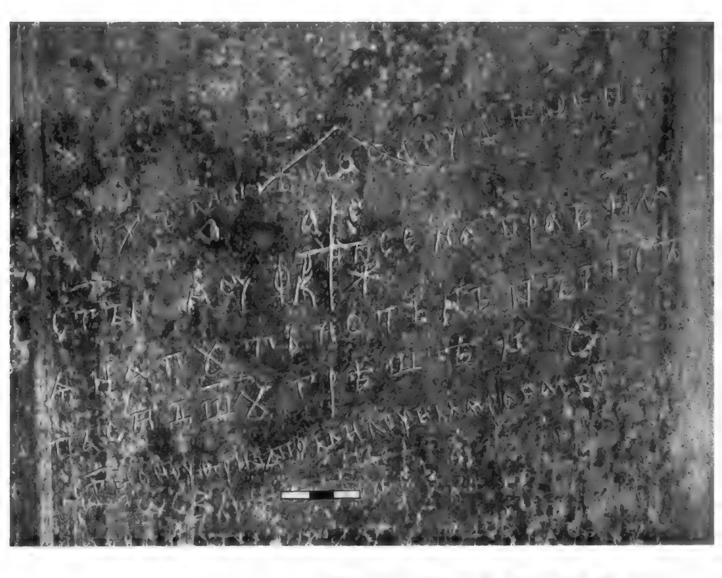

Табл. LXIII. Запись 68, фото; запись 69, фото.

Табл. LXIV Запись 68, прорись; запись 69, прорись.

1

2

Табл. LXV. *1* — Рисунок «Георгий храброй» (70), фото; *2* — рисунок «Никола» (71), фото.

2

1

Табл. LXVI. *1* — Рисунок 77, неизвестный святитель, фото; *2* — рисунок 78, фото.

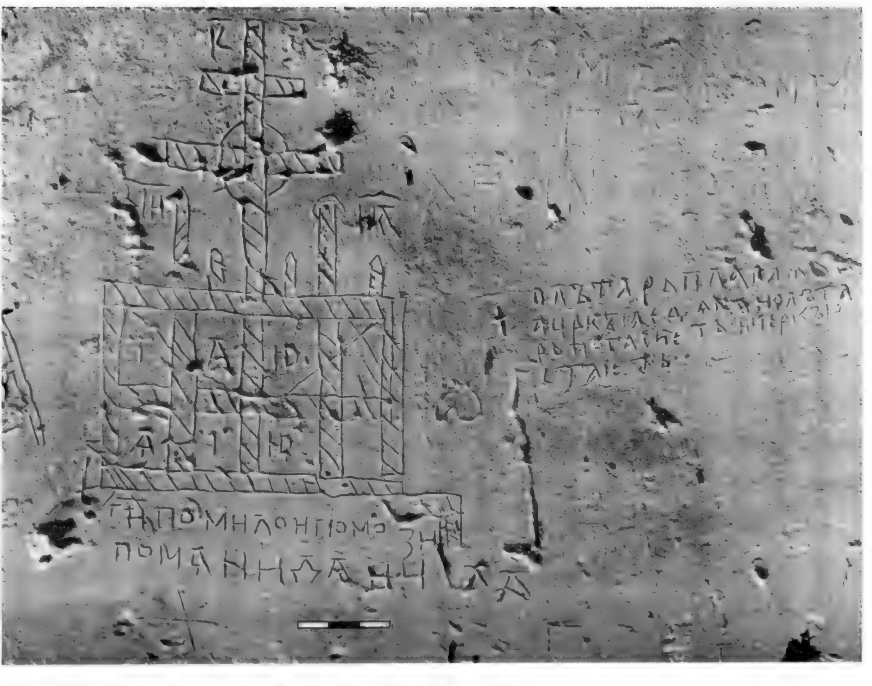

Табл. LXVII. Рисунок «Алтарь пламенный» (72), фото; записи 73, 74, фото.

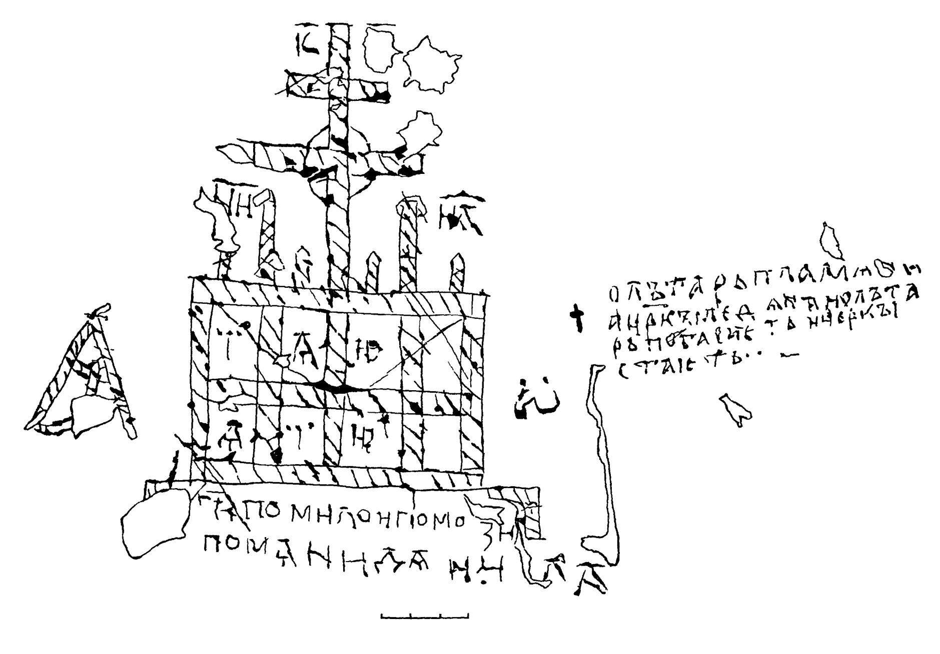

Табл. LXVIII. Рисунок 72; записи 73, 74, прорись.

1

2

Табл. LXIX. *1* — Рисунок 75, княжеский знак, фото; *2* — рисунок креста с записью: «Жадко псал крест» (76), фото.

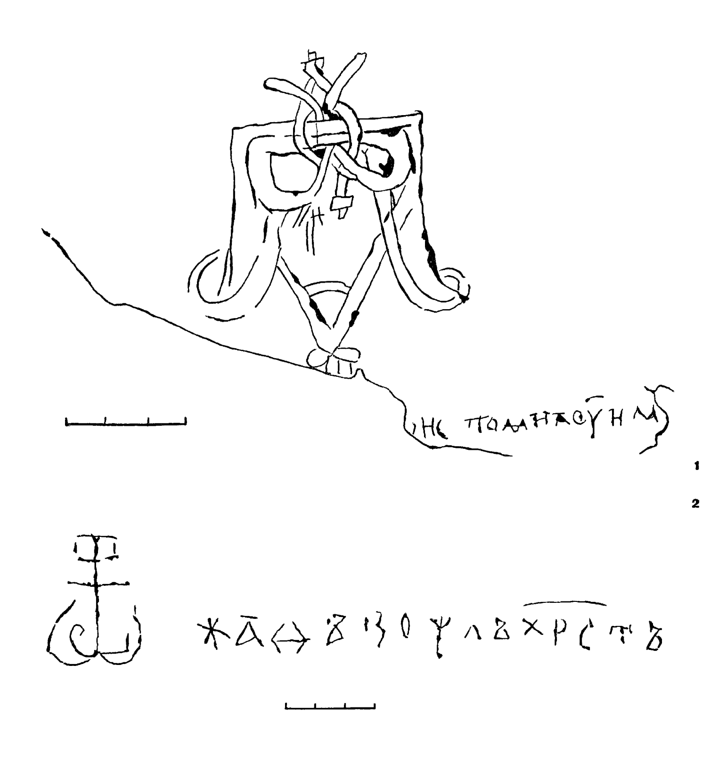

Табл. LXX. *1* — Рисунок 75, прорись, *2* — рисунок креста с записью: «Жадько псал крест», прорись.

1

2

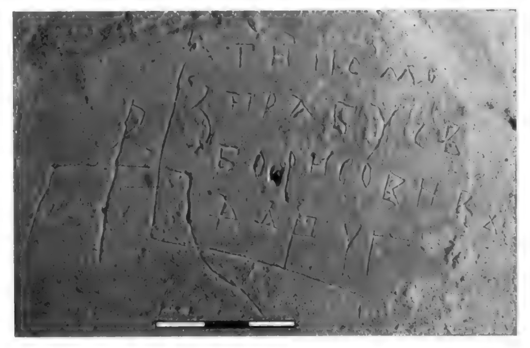

Табл. LXXI. *1* — Запись и рисунок, княжеский знак (?) (80), фото; *2* — запись и знак 79, фото.

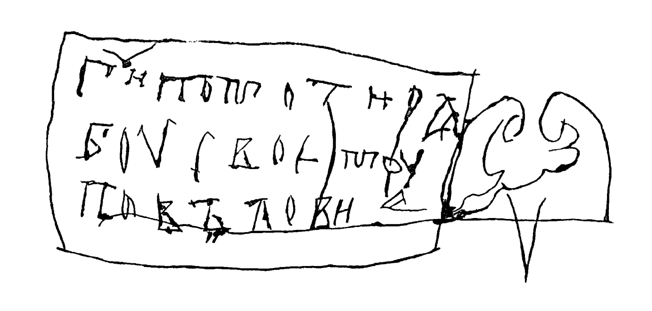

Табл. LXXII. *1* — запись и рисунок 80, прорись; *2* — запись и знак 79, прорись

Табл. LXXIII. *1* — Знак в виде процветшего креста (81), фото; *2* – магический знак сложного рисунка (82), фото.

1

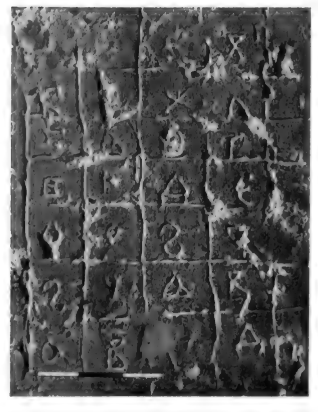
2

Табл. LXXIV. *1* — Магический знак сложного рисунка (83), фото; крест (84), фото; *2* — фигура, напоминающая гончарное клеймо (85), фото.

1

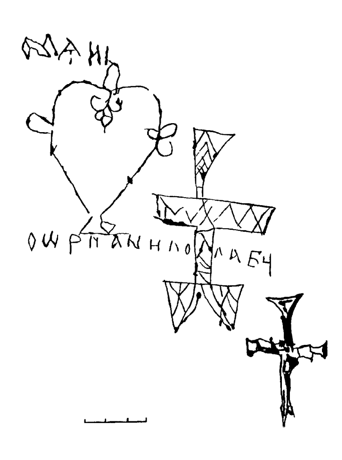

2

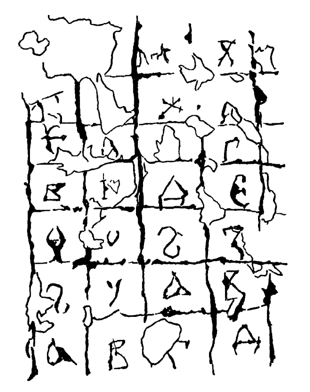
Табл. LXXV. *1* — Крест и фрагменты записи (86), фото; *2* — рисунок в виде клеток с буквами (87), фото.

Табл. LXXVI. *1* — Крест и фрагменты записи (86), прорись; *2* — рисунок в виде клеток с буквами (87), прорись; *3* — рисунок коня и фрагмент записи (91), прорись.

1

2

3

Табл. LXXVII. Рисунок «Бойцы» (88), фото.

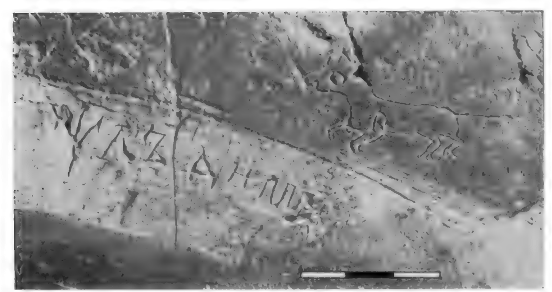
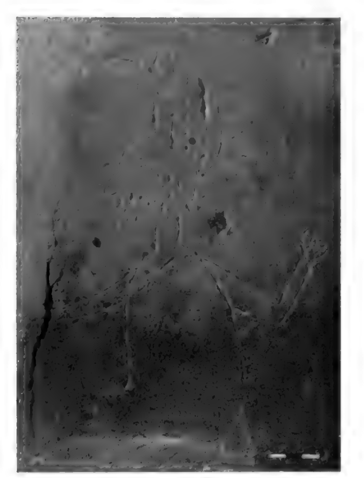
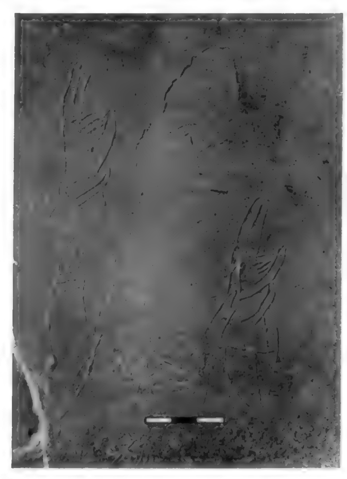

Табл. LXXVIII *1* — Рисунок коня и фрагмент записи (91), фото; *2* — рисунок человека в профиль (93), фото; *3* — рисунок рук (89), фото.

1

2

3

1

2

Табл. LXXIX. *1* — Боевой конь (94), фото; *2* — конь (95), фото.

Табл. LXXX. *1* — Голуби (96), фото; *2* — рисунок «единорожец» (97), фото; *3* — рисунок петуха (98), фото.

1

2

3

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

А. В. Арциховский, Берестяные грамоты мальчика Онфима, «Советская археология», 1957, № 3.

А. В. Арциховский и *М. Н. Тихомиров*, Новгородские грамоты на бересте, М., 1953.

А. В. Арциховский, Новгородские грамоты на бересте, М., 1954.

А. А. Белецкий, Греческие надписи на мозаиках Софии Киевской, в кн.: В. Н. Лазарев, Мозаики Софии Киевской, М., 1960.

О. І. Білецький, Ф. Я. Шолом, П. М. Попов (До 70-річчя з дня народження і 50-річчя науково-педагогічної та громадської діяльності), «Радянське літературознавство», 1960, № 6.

О. І. Білецький, Г. С. Сухобрус, Ф. Я. Шолом, Павло Миколайович Попов, К., 1961.

Д. Ф. Беляев, Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям, т. II, СПб., 1891.

Н. Г. Бережков, Хронология русского летописания, М., 1963.

А. Бобринский, Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяславича в псалтыри Егберта, архиепископа Трирского, СПб., 1902.

Ф. Буслаев, Русская хрестоматия, М., 1894.

М. Ф. Владимирский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, К., 1899.

Н. Н. Воронин, Средства и пути сообщения, в кн.: История культуры древней Руси, М.—Л., 1948.

Н. Н. Воронин, Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I, М., 1961.

С. А. Высоцкий, Граффито XI в. в Софии Киевской, «Советская археология», 1959, № 1.

С. А. Высоцкий, Датированные граффити XI в. в Софии Киевской, «Советская археология», 1959, № 4.

С. А. Высоцкий, Древнерусские граффити Софии Киевской, «Нумизматика и эпиграфика», т. III, М., 1962.

С. А. Высоцкий, Надписи в Софии Киевской времени княжения Святополка Изяславича, «История СССР», 1960, № 6.

С. А. Высоцкий, Надпись о саркофаге Всеволода Ярославича, «Советская археология», 1963, № 4.

С. Гедеонов, Варяги и Русь, ч. I—II, СПб., 1876.

Е. Голубинский, История русской церкви, т. I, период первый, первая половина тома, М., 1901.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М. — Л., 1947.
Л. Добровольский, Змиевы валы вблизи Киева, К., 1908.
М. В. Довнар-Запольский, Церковь и духовенство домонгольской Руси, СПб., 1906.
Н. Закревский, Описание Киева, т. 1, М., 1868.
И. М. Ивакин, Князь Владимир Мономах и его «Поучение», ч. I, М., 1901.
И. Каманин, Зверинецкие пещеры в Киеве, К., 1914.
Е. И. Каменцева, Русская хронология, М., 1960.
Н. Карамзин, История государства Российского, т. II, СПб., 1892.
М. К. Каргер, Археологические исследования древнего Киева, К., 1950.
М. К. Каргер, Древний Киев, т. I—II, М. — Л., 1961.
Е. Ф. Карский, Славянская кирилловская палеография, Л., 1928.
Киево-Печерский патерик, под ред. Д. Абрамовича, К., 1930.
И. Ф. Колесников, Сборник снимков с русского письма XI—XVIII веков, ч. I, М., 1913.
Т. Е. Кочин, Материалы для терминологического словаря древней России, М. — Л., 1937.
А. Куник, О годах смерти великих князей Святослава Игоревича и Ярослава Владимировича, Записки Императорской Академии наук, т. XXVIII, СПб., 1876.
А. Куник, Известны ли нам год и день смерти великого князя Ярослава Владимировича?, СПб., 1896.
В. Лазарев, Мозаики Софии Киевской, М., 1960.
В. Лазарев, Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве, «Византийский временник», т. VI, 1953.
Летопись по Ипатскому списку, СПб., 1871.
Н. П. Лихачев, Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. I, Труды музея палеографии, Л., 1928.
М. Морошкин, Славяно-русский именослов или собрание славянских и личных имен в алфавитном порядке, СПб., 1867.
П. Мрочек-Дроздовский, Исследования о Русской Правде, Приложения ко 2-му выпуску, Чтения Общества истории и древностей российских, т. I, К., 1888.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М. — Л., 1950.
А. В. Орешников, Денежные знаки домонгольской Руси, М., 1936.
А. С. Орлов, Библиография русских надписей XI—XV вв., М., 1936; изд. 2, М — Л., 1952.
М. А. Остапенко, Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові, Архітектурні пам'ятки, К., 1950.
Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот, М., 1955.
Памятники истории Киевского государства IX—XII вв., сб. документов подготовлен к печати Л. Е. Кочиным, Л., 1936.
Памятники русского права, вып. I, М., 1952.
Повесть временных лет, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Подготовка текста Д. С. Лихачева, т. I—II, М. — Л., 1950.

М. П. Погодин, Исследования, замечания и лекции по русской истории, т. VII, М., 1885.

Л. Похилевич, Сказания о населенных местностях Киевской губернии, К., 1864.

А. В. Прахов, Киевские памятники византийско-русского искусства, «Древности», Труды Московского археологического общества, т. XI, вып. 3.

М. Д. Приселков, Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб., 1913.

М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв., М., 1940.

Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 1, Лаврентьевская летопись, Л., 1924.

Полное собрание русских летописей, т. I, вып. 2, Суздальская летопись, Л., 1927.

Полное собрание русских летописей, т. I, Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку, М., 1962.

Полное собрание русских летописей, т. II, Ипатьевская летопись, М., 1962.

Полное собрание русских летописей, т. II, вып. III. Прибавления к Ипатьевской летописи. Густинская летопись, СПб., 1843.

Полное собрание русских летописей, т. XXV, Московский летописный свод конца XV в., М. — Л., 1949.

Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, СПб., 1902.

Б. А. Рыбаков, Древняя Русь, Сказания, былины, летописи, М., 1963.

Б. А. Рыбаков, Запись о смерти Ярослава Мудрого, «Советская археология», 1959, № 4.

Б. А. Рыбаков, Исторический взгляд на русские былины, «История СССР», 1961, № 6.

Б. О. Рибаков. Іменні написи XII ст. в Київському Софійському соборі, «Археологія», т. I, К., 1947.

Б. А. Рыбаков, Ремесло, в кн.: «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948.

Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948.

Б. А. Рыбаков, Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи), Доклад на V международном съезде славистов, в кн.: «История, фольклор, искусство славянских народов», М., 1963.

Словарь церковно-славянского и русского языка, т. I, СПб., 1867.

Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию, Ф. Миклошичу, А. Востокову, Я. Бередникову и И. Кочеткову, СПб., 1899.

Словарь української мови, під ред. Б. Д. Грінченка, К., 1958.

Слово о полку Игореве, М., 1955.

Я. И. Смирнов, Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в., Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе (1905), т. II, М., 1908.

А. И. Соболевский, Славяно-русская палеография, СПб., 1908.

А. Спицын, Тмутараканский камень, М., 1915.

И. И. Срезневский, Славяно-русская палеография, СПб., 1885.

И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I—IV, СПб., 1895.

И. И. Срезневский, Статьи о русских летописях (1858—1866), СПб., 1903.
М. Н. Тихомиров и *М. В. Щепкина*, Два памятника новгородской письменности, М., 1952.
И. И. Толстой, Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья, М. — Л., 1953.
Я. И. Трусевич, Свод 260 азбук и образцов кириллицы и снимков рукописей X—XVIII вв., СПб., 1905.
Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен, СПб., 1903.
А. Фрикен, Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства, ч. II, М., 1877.
Христианский месяцеслов, М., 1900.
Н. С. Чаев и *Л. В. Черепнин*, Русская палеография, М., 1946.
Л. В. Черепнин, Русская хронология, М., 1944.
Л. В. Черепнин, Русская палеография, М., 1956.
А. А. Шахматов, Розыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908.
Н. В. Шляков, Восемьсот лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого, Журнал Министерства народного просвещения, июнь, 1907.
И. А. Шляпкин, Русская палеография, СПб., 1913.
И. А. Шляпкин, Палеография, Лекции, читанные в С.-Петербургском архитектурном институте, СПб., 1905.
В. Н. Щепкин, Новгородские надписи «graffiti», «Древности», Труды МАО, т. XIX, вып. III, 1905.
В. Н. Щепкин, Учебник русской палеографии, М., 1920.
А. Д. Эртель, Древние пещеры на Зверинце в Киеве, К., 1913.
С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, М., 1939.
Л. П. Якубинский, История древнерусского языка, М., 1953.
В. Л. Янин, Печати с надписью «Дъмѣслово», «Советская археология», 1962, № 2.
В. Л. Янин, Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк, Нумизматика и эпиграфика, т. IV, М., 1963.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* Курсивом отмечены имена, упомянутые в текстах софийских граффити.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сергей Александрович ВЫСОЦКИЙ
ДРЕВНЕРУССКИЕ НАДПИСИ СОФИИ КИЕВСКОЙ
Выпуск 1. XI—XIV вв.

Печатается по постановлению ученых советов Института языковедения им. А. А. Потебни и Института археологии АН УССР

Редакторы *Н. Ф. Котляр, М. М. Друченко*
Художественный редактор *С. П. Квитка*
Оформление художника *А. Г. Комяхова*
Художественно-технический редактор
Е. Н. Розенцвейг
Корректор *З. И. Бех*

БФ 05543. Зак. № 5-230. Изд. № 91. Тираж 2500.
Формат бумаги 72×94/16. Печ. физ. листов 15.
Условн. печ. листов 17,69. Уч.-изд. листов 14,45.
Подписано к печати 19/XI 1965 г.
Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Наукова думка». Киев, Репина, 3.

Книжная фабрика им. Фрунзе Комитета по печати
при Совете Министров УССР.
Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.